

HISTORIA ROSSICA

studia europaea

ДЕРЕК
ОФФОРД
ВЛАДИСЛАВ
РЖЕУЦКИЙ
ГЕЗИНЕ
АРДЖЕНТ

**ФРАНЦУЗСКИЙ
ЯЗЫК
В РОССИИ**

СОЦИАЛЬНАЯ,
ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
КУЛЬТУРНАЯ
И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ИСТОРИЯ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Studia Europaea

Владислав Ржеуцкий

**Французский язык в
России. Социальная,
политическая, культурная
и литературная история**

«НЛО»

2018

УДК [811.133.127](47+57)
ББК 81.471.1-03(2)5

Ржеуцкий В. С.

Французский язык в России. Социальная, политическая,
культурная и литературная история / В. С. Ржеуцкий — «НЛО»,
2018 — (Studia Europaea)

ISBN 978-5-4448-2037-7

Стоит ли верить расхожему тезису о том, что в дворянской среде в России XVIII–XIX века французский язык превалировал над русским? Какую роль двуязычие и бикультурализм элит играли в процессе национального самоопределения? И как эта особенность дворянского быта повлияла на формирование российского общества? Чтобы найти ответы на эти вопросы, авторы книги используют инструменты социальной и культурной истории, а также исторической социолингвистики. Результатом их коллективного труда стала книга, которая предлагает читателю наиболее полное исследование использования французского языка социальной элитой Российской империи в XVIII и XIX веках. В ней обсуждаются главные темы российской мысли и литературы и предлагается новый взгляд на влияние и последствия билингвизма на российское общество, на политику, культуру и литературу в Российской империи на протяжении длительного периода. Кроме того, исследование предлагает взглянуть на франкофонию как на общеевропейское явление Нового времени — то есть не ограничиваться опытом одной страны или составляющих ее социальных групп для того, чтобы понять, как языки и соотносимые с ними культуры и нарративы, пересекая национальные границы, могут заимствоваться разными нациями. Книга была удостоена премии Марка Раева за лучшее исследование о России XVIII века и премии Ричарда Геппера за лучшее исследование в области французской культуры и языка (French studies).

УДК [811.133.127](47+57)
ББК 81.471.1-03(2)5

ISBN 978-5-4448-2037-7

© Ржеуцкий В. С., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Предисловие	6
Благодарность	14
Список иллюстраций	17
Введение	18
Распространенные представления о франко-русском двуязычии в России	18
Россия и «Запад». Две России	26
Империя, нация и язык	32
Социолингвистический подход	39
Вопросы методологии	44
Литература как первоисточник	48
Глава 1. Исторический контекст русской франкофонии	52
Распространение французского языка в Европе в XVII–XVIII веках	52
Вестернизация России в XVIII веке	61
Знакомство с иностранными языками в России XVIII века	67
Золотой век дворянства	73
Наполеоновские войны и восстание декабристов	80
Литературное сообщество и интеллигенция в николаевскую эпоху	84
Глава 2. Преподавание и изучение французского языка	89
Обзор преподавания французского языка в России	90
Французский/немецкий	99
Французский/латынь	107
Французский (и английский)/русский	111
Овладение социальными и культурными кодами с помощью изучения французского языка	117
Глава 3. Французский при дворе	126
Открытие сферы общения	126
Французский язык как показатель статуса русского двора	134
Французский как язык двора в эпоху правления Екатерины II	138
Французский язык при дворе в XIX веке	143
Французский – язык царей	148
Глава 4. Французский в высшем обществе	160
Место французского в языковом репертуаре дворянства	161
Французский в местах общения дворян	166
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Дерек Оффорд, Владислав Ржеуцкий, Гезине Арджент Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история

Предисловие

Цель этой книги – предложить читателю многогранную историю бытования французского языка в дореволюционной России, где в XVIII–XIX веках элита часто обращалась к нему с различными целями. (Под «французским языком» мы имеем в виду его нормативную разновидность, которой пользовались представители элиты и которая в XVIII веке считалась единственно правильной¹.) Эта тема редко становилась предметом изучения, по крайней мере до недавних пор, хотя, по нашему мнению, она имеет большое значение. Обращение к ней позволяет нам понять социальные, политические, культурные и литературные последствия двуязычия в языковом сообществе на протяжении долгого времени. Кроме того, эта тема имеет прямое отношение к устоявшимся идеям о русской мысли и литературе, в частности к продолжительным спорам об отношениях России с миром за пределами ее западных границ во время формирования империи и складывания нации. Мы также надеемся, что более полное, по сравнению с прошлыми попытками, описание франко-русского двуязычия позволит лучше понять и сущность франкофонии как общеевропейского явления. В самом широком смысле изучение этой темы имеет важность в эпоху небывалой глобализации, так как оно позволяет выйти за рамки опыта одной нации и входящих в нее социальных групп и отдельных личностей и прояснить, как языки и связанные с ними культуры и нарративы распространялись за национальные границы.

Наша книга посвящена двум основным проблемам, каждая из которых могла бы стать предметом отдельного исследования, хотя в некоторых случаях их трудно рассматривать по отдельности. Во-первых, мы анализируем языковую практику и функции французского в России, а также среду и типы коммуникации, в которых им пользовались начиная с XVIII века. Так, мы рассматриваем бытование французского как устного и письменного языка в различных социальных средах (при дворе и в местах общения высшего дворянства – например, в салоне, на балу и в масонской ложе), а также в некоторых официальных сферах, особенно в дипломатии. Мы исследуем обращение к французскому как языку литературы – любительской и профессиональной, – а также как языку пропаганды и полемики, помогавшему русским представлять позитивный образ своей страны за границей и использовавшемуся для участия в международных дискуссиях о политике и об исторической судьбе России. Языковая практика является главной темой глав 3–7, которые организованы скорее по тематическому, чем по хронологическому принципу. Хотя иногда мы будем обсуждать язык последних лет императорской России, то есть конца XIX – начала XX века, период, которому мы уделяем наиболее пристальное внимание, завершается 1861 годом. Именно этот год, когда правительством Александра II были освобождены крестьяне и дворяне утратили право владеть крепостными,

---

¹ Мы пользуемся здесь определением из Lodge R. A. French: From Dialect to Standard. L., 1993. P. 184.

знаменует собой конец эпохи: после этой даты престиж дворянского сословия, символом которого было общение на французском языке, начал снижаться.

Во-вторых, мы рассматриваем отношение к языку и связь между использованием того или иного языка и представлениями о различных типах идентичности (особенно социальной и национальной). Здесь мы касаемся области восприятия, воображаемых сообществ, ментальных ландшафтов и ценностей. Так, мы анализируем проникновение идей об определенных качествах языков и последствий выбора языка в русское культурное сознание. Нас интересует, насколько использование русскими французского языка было связано с представлениями о Франции и французах. Не меньшую важность для нас имеют существовавшие в России нарративы об опасностях, которые представляют для формирующейся нации космополитизм и двуязычие. Главы 8–9, посвященные этим вопросам, построены в основном по хронологическому принципу. В них рассматривается несколько более поздний период, чем в главах, в которых мы анализируем языковую практику, – примерно с середины XVIII века, когда французский закрепился при дворе и стал престижным языком российского дворянства, а русские начали размышлять об использовании иностранных наречий и о достоинствах своего языка, до 1880-х годов, так как для авторов классических произведений русской литературы, об отношении которых к франко-русскому двуязычию идет речь в последней главе, эта тема не утрачивала своего значения и занимала важное место в их размышлениях о судьбе России и в царствование Александра II, убитого в 1881 году.

Однако прежде чем обратиться к основным вопросам, обозначенным нами, – использованию языка и отношению к нему, – мы попытаемся выстроить понятийную структуру нашего исследования и поместить его в широкий исторический контекст. Решению первой из этих задач посвящено введение. В нем мы критически разбираем некоторые устоявшиеся суждения о франко-русском двуязычии и связанном с ним бикультурализме элиты в имперской России (хотя, скорее, следует говорить о многоязычии и мультикультурализме, так как элита XVIII–XIX веков была подвержена влиянию не только французского языка и культуры, но и целого ряда других европейских языков и культур) и о последствиях этих явлений. Далее мы обратим внимание на две идеи, серьезно повлиявшие на дискуссии о русской культуре: во-первых, идею о том, что Россию лучше всего определять через сравнение с воображаемым «Западом» или даже через противопоставление ему, и, во-вторых, что русское культурное развитие представляло собой исключительный, а возможно, даже уникальный случай. Мы рассматриваем использование языка и языковых споров с точки зрения разных научных дисциплин: истории, особенно истории формирования империи и нации, и социолингвистики, для которой важными оказываются такие явления, как двуязычие, диглоссия, выбор языка, языковая лояльность, переключение кодов, пуризм и так далее. Междисциплинарный характер нашего исследования делает необходимым размышление о том, в какой степени можно сочетать подходы истории и социолингвистики, и о других методологических вопросах. В последнем разделе введения мы останавливаемся на характере, ценности и недостатках некоторых видов использованных нами первоисточников, особенно художественной прозы и драматургии.

И языковое явление, которое мы рассматриваем, и все аспекты двух освещаемых нами проблем в значительной мере объясняются социальными и политическими событиями, внешними и внутренними культурными и интеллектуальными причинами. В связи с этим наша цель в главе 1 заключается в воссоздании широкого исторического контекста, о котором следует помнить при анализе функций языка и мнений о его использовании, существовавших на протяжении более двухсот лет в дореволюционном российском обществе. Коснувшись истории распространения французского языка в разных странах начиная с эпохи Людовика XIV, мы кратко остановимся на истории создания империи российскими монархами XVIII века, начиная с Петра Великого, и на его реформах, инициированных с целью модернизировать унаследованное им государство и европеизировать русскую элиту. Далее мы опишем рецепцию ино-

странных языков в России XVIII века, делая акцент на обращении элиты к французскому как к престижному языку, которое началось примерно с середины столетия. Ключевым фактором в европеизации России было преобразование дворянства в сословие западного типа, осознающее свое привилегированное положение, и именно этот процесс мы рассмотрим в четвертом разделе главы 1. Обозначив исторические события (Наполеоновские войны и восстание 14 декабря 1825 года), к которым мы не раз обратимся, мы остановимся на появлении литературного сообщества и интеллигенции в николаевскую эпоху. Во второй четверти XIX века эти группы начали соперничать с дворянством в борьбе за культурный и нравственный авторитет. Они также играли важнейшую роль в формировании чувства национальной идентичности, стимулируя развитие современного русского литературного языка и одновременно способствуя возникновению преимущественно негативного отношения к франко-русскому двуязычию дворянства. В главе 1 мы даем больше сведений о контексте, чем это может быть необходимо специалистам по русской истории и культуре, чтобы сделать книгу интересной как для ученых, занимающихся другими дисциплинами, так и для любого заинтересованного читателя, мало знакомого с историей России.

Наш анализ использования языка и отношения к нему предваряет еще одна глава (глава 2), в которой мы анализируем место французского в образовательных учреждениях (особенно в Императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе) и обращаем внимание на средства, которые представители русской элиты вкладывали в обучение своих детей французскому, если они могли себе это позволить. Мы увидим, что высшие слои российского дворянства изучали целый ряд языков, но при этом французский играл в их образовании совершенно особую роль. Читатель узнает, каким образом в России осваивали французский (на занятиях в частном или государственном учебном заведении и с помощью учителей-иностранцев, которых нанимали в дворянские дома) и как этому способствовали разные практики, такие как образовательные поездки за границу и гран-тур, изучение разных предметов на французском и ведение личной переписки между родителями и детьми на этом языке. Мы подчеркиваем в этой главе, что символическая ценность овладения французским и усвоения той утонченной культуры, маркером которой он был, выражалась в значительных материальных средствах, которые дворяне осознанно тратили на изучение этого языка.

Мы не только вписываем это языковое явление в широкий контекст, но и постоянно соотносим использование, выбор языка и отношение к нему с такими вопросами, как воспитание, педагогика, социальные и культурные практики, мода, манеры и нравы, представления о характере личности или нации и формирование социальной и национальной идентичности. Вместе с тем мы постараемся избежать поверхностных обобщений о явлении, которое представляло собой, по нашему мнению, сложную многоязычную сферу, в которой практика не всегда согласовалась с принятыми правилами этикета. Мы также не считаем, что все культурные и языковые явления в России были результатом деятельности монархов, даже в XVIII веке; напротив, мы полагаем, что семьи и отдельные люди, особенно из высшего дворянства, сыграли в этом отношении не менее значительную роль, чем правители и высшие государственные лица. Мы ставим под сомнение негативные – по большей части – суждения о последствиях франко-русского двуязычия, источником которых, как правило, являются тексты классической русской литературы и мысли и которые воспроизводились и до сих пор воспроизводятся в некоторых научных работах. Мы также обращаемся к языковой практике и спорам о языке в других языковых сообществах Европы. Отчасти это необходимо, чтобы вписать наш анализ в широкий контекст, однако есть две другие причины, которыми мы руководствовались. Во-первых, нам хотелось подвергнуть сомнению часто встречающиеся утверждения об исключительности культурного развития России или о подражательности ее культуры или, наконец, о маргинальности ее положения в европейской цивилизации. Во-вторых, мы стремились под-

черкнуть транснациональный характер изучаемой нами культурной истории, частью которой являются использование языка и отношение к нему.

Как уже было сказано, мы придерживаемся междисциплинарного подхода. Заголовок нашей книги указывает на то, что, изучая использование языка, мы не можем не обращаться к социальной и политической истории, а также к истории культуры и литературы. Так, мы исследуем связь между выбором языка и социальным происхождением: обращение к французскому языку с различными целями, особенно для социальной дифференциации, является одним из аспектов истории дореволюционного российского общества в целом и дворянства в особенности. Мы касаемся вопросов политической истории постольку, поскольку использование французского в России было также проявлением проекта европеизации и создания империи, инициированных монархами XVIII века. Анализ реакции разных сословий на использование французского языка русским дворянством приводит нас к необходимости изучения национального сознания и национализма – как политического, так и культурного. В то же время в поле нашего внимания попадают и проблемы истории культуры, ведь язык нас интересует как один из аспектов культурного поведения и как вопрос, обсуждавшийся в ходе споров о русской культуре. Немаловажное значение имеет для нас и история литературы, так как корпус написанных россиянами по-французски произведений, включая «литературные» (даже если мы используем это слово в достаточно узком смысле применительно к беллетристике), весьма объемён и представляет собой часть русской, а в некоторых случаях и французской литературы. Вместе с тем мы затрагиваем и сферу исторической социолингвистики, пользуемся категориями (билингвизм, диглоссия, стандартизация языка, переключение кодов и так далее), которыми оперируют социолингвисты в работах, посвященных изучению функционирования языка в обществе и влиянию на него социальных и культурных факторов. Мы надеемся, что эта попытка соединить подходы разных дисциплин оказалась успешной и что она сделает нашу книгу полезной не только для славистов и исследователей французского, которым интересна рецепция этого языка и французской культуры за пределами Франции, но и для более широкого круга читателей.

Целесообразно будет сразу сказать, какие задачи мы *не* ставим перед собой в этой книге. Например, мы не пытаемся написать исчерпывающую историю бытования французского языка в России, хотя и задаем нашему исследованию довольно широкие временные рамки (с начала XVIII до второй половины XIX века) и стараемся рассмотреть проблему с разных углов зрения. Обилие источников позволяет детально описать такие важные темы, как преподавание иностранных языков в учебных заведениях и языковая практика в семейном кругу, применительно ко всему интересующему нас периоду. Однако временные и пространственные ограничения, а также пределы нашей собственной компетентности делают столь детальный и всеохватный анализ невозможным. К тому же лишь относительно небольшая часть первоисточников была изучена настолько, чтобы можно было активно привлекать научную литературу для создания по-настоящему всеобъемлющего исследования. Хронологические рамки нашего труда также более ограничены, чем то позволяют доступные источники. Мы не стремились к систематическому описанию влияния французского языка на русский, поскольку наше внимание сосредоточено скорее на функционировании языка в обществе, нежели на внутриязыковых процессах – таких, например, как синтаксические изменения. Лексическое влияние французского на русский также находится за пределами социальной и культурной истории, интересующих нас более всего, хотя мы и затрагиваем эту тему, поскольку она касается влияния языка и культуры Франции на дореволюционную русскую элиту и их продолжительного воздействия на русскую культуру в более широком смысле. Но, невзирая на все эти ограничения, мы стремились создать многогранное исследование роли языка в социальной, политической, культурной и литературной истории императорской России, уделяя внимание как широкому обзору, так и

подробному анализу конкретных кейсов и совмещая подходы истории и исторической социолингвистики.

Среди вопросов, которые остались за рамками нашего исследования и которые могли бы в будущем исследовать другие ученые, мы хотели бы особо выделить следующие. Во-первых, дальнейшего изучения требует использование французского языка средним и низшим провинциальным дворянством и недворянскими сословиями (например, купечеством и духовенством) – это позволит очертить социальные границы этого явления. Во-вторых, целесообразно было бы рассмотреть, как пользовались французским в отдаленных, периферийных областях империи или областях, большую часть населения которых составляли не этнические русские: например, в Сибири, на Кавказе и на Украине². Язык прибалтийского дворянства, игравшего значительную роль в России после присоединения к империи Остзейских губерний в XVIII веке, может также быть крайне интересным материалом для анализа³. В-третьих, хотя мы кратко говорим о религиозных дискуссиях на французском⁴, мы не затрагивали такие вопросы, как обращение русских в католицизм, авторитет французских священников, которые по той или иной причине оказались в России, присутствие иезуитских школ, а также влияние французских сочинений духовного характера и переводов французской духовной литературы⁵. Все эти темы потенциально представляют интерес для социальной истории языка. В-четвертых, отдельного исследования заслуживает официальная языковая политика Российской империи – для этого потребуются произвести всесторонний анализ законодательных актов о языковых вопросах в Полном собрании законов Российской империи⁶. В-пятых, мы уверены, что плодотворным может быть изучение языка русской аристократии на закате ее существования и многоязычия в творческом сообществе Серебряного века, в начале XX столетия.

Большой корпус источников, на которые могут опираться исследователи истории французского языка в России, включает разнообразные неопубликованные документы, хранящиеся в российских архивах в Москве и Санкт-Петербурге, например в АВПРИ, ГАРФ, РГАДА, РГАЛИ и РГИА, а также в Отделах рукописей РГБ и РНБ⁷. Мы также привлекали материалы из Государственного архива Тверской области (ГАТО), ведь в Тверской губернии находились имения, принадлежавшие таким знаменитым дворянским фамилиям, как Бакунины и Глинки. В этих хранилищах можно обнаружить личные архивы русских дворянских семей, использовавших французский, переписку дворян с их друзьями и близкими, личные дневники и записные книжки, семейные альбомы, детские письменные упражнения, библиотечные каталоги, официальные отчеты и письма и даже отчеты, написанные по-французски агентами Третьего отделения – политической полиции, учрежденной Николаем I в 1826 году. Некоторые архивные фонды давно были изданы, в особенности сорокатомное собрание писем и документов, принадлежавших четырем поколениям рода Воронцовых. В числе опубликованных источников можно найти и личную переписку многих других людей, дневники, воспоминания, впечатления заграничных путешественников разных национальностей, посещавших Россию в интересующий нас период. Среди привлекаемых нами источников большинству читателей, вероятно, наиболее знакомыми будут произведения русской литературы: пьесы, рассказы, повести и романы. (Этот тип источников, в котором часто встречаются ремарки о языке героев, выходит на первый план в главах 8–9, когда речь идет не о реальной языковой практике, а о представлениях о ней.) Источники того или иного типа проливают свет на отдельные аспекты

---

² Или Малороссии, как ее обычно называли в то время.

³ Ему посвящено некоторое место в главе 2.

⁴ См. последний раздел главы 7.

⁵ Мы благодарны Е. П. Гречаной за указание на эти лакуны.

⁶ ПСЗ (см. список сокращений на с. 726).

⁷ Расшифровку всех этих и других сокращений см. на с. 726.

нашего исследования, но также ставят перед нами определенные проблемы, на которые мы обращаем внимание в соответствующих частях книги, особенно в последнем разделе введения.

Безусловно, мы привлекаем и научную литературу по разным дисциплинам, авторов которой интересуют вопросы языка. Из работ по социальной и политической истории, а также истории культуры и литературы мы использовали труды о европейском дворянстве в целом и русском дворянстве в частности, об империях и национализме, о культурной истории России, о классической русской литературе и мысли. В сфере социолингвистики нам была полезна обширная литература – не касающаяся какой-то конкретной национальной ситуации – о таких проблемах, как многоязычие и билингвизм, диглоссия, *lingua franca*, пуризм, стандартизация языка и переключение кодов. Мы также обращались к работам по общей истории франкофонии и истории русского языка. Диапазон гуманитарных и социальных наук, которых мы коснулись, достаточно широк, и мы надеемся, что наши материалы будут полезны ученым из разных сфер, которые могут быть знакомы лишь с частью рассмотренных нами областей, поэтому мы включили в сноски ссылки на некоторые авторитетные исследования.

Конечно, мы также пользовались существующей научной литературой об истории французского культурного влияния в России и, в частности, об истории использования русскими французского языка. Интерес к нему в России был замечен уже в XIX веке, о чем свидетельствует библиография, опубликованная в 1870-е годы, когда французский все еще был видным явлением в русском языковом ландшафте⁸. Однако только в советский период эта тема впервые привлекла серьезное внимание ученых, не в последнюю очередь потому, что к этому подталкивало углубленное изучение русской литературы пушкинской эпохи в то время⁹. В центре внимания советских исследователей было в первую очередь использование французского как языка литературного творчества и общения в среде русских писателей первой половины XIX века. В советское и раннее постсоветское время также изучалась двуязычная переписка, особенно переписка мужчин-литераторов XIX века¹⁰. Кроме того, существует ряд работ 1970–1980-х годов о распространении французских книг в России и их наличии в русских библиотеках и книжных собраниях¹¹. В постсоветский период¹² интерес к русской франкофонии не только не угас, но даже усилился в связи с возросшим вниманием к культуре русской элиты XVIII–XIX веков. Большинство современных исследований по этой теме, как и упомянутые нами советские работы, по-прежнему посвящены в основном феномену русских сочинений на французском языке. Особенно заметный вклад в эту область в постсоветское время внесла Елена Павловна Гречаная – автор монографии и научный редактор ряда книг, написанных в соавторстве с другими учеными¹³. Личная переписка продолжала привлекать внимание ученых, примерами чего служат важное исследование Мишель Ламарш Маррезе, в котором она подвергла критике лотмановскую концепцию дворянской идентичности, и недавний анализ русской франкофонии, сделанный Владимиром Береловичем¹⁴. Серьезный вклад в изучение

---

⁸ Ghennady (1874). В сносках мы приводим имя автора цитируемой работы и полное название публикации при первом упоминании, при последующих упоминаниях – только фамилию автора и краткое название работы. В библиографических примечаниях (напр., таких, как в этой части предисловия) в целях экономии места мы обычно приводим только фамилию автора и дату публикации его работы. Полное описание указанных в сносках работ можно найти в библиографии в конце книги.

⁹ См. особенно следующие работы: Lozinskij (1925), Виноградов (1938), Паперно (1975), Паперно, Лотман (1975), Галланд (1976) и Жане (1978).

¹⁰ См.: Паперно (1975), Маймина (1981) и Ekaterina Dmitrieva (1994).

¹¹ Напр.: Луппов (1976 и 1986), Хотеев (1986), Сомов (1986), Копанев (1988), Berelowitch (2006).

¹² Напр.: Лотман, Розенцвейг (1994).

¹³ См.: Гречаная (2010; перевод на французский с дополнительными текстами, 2012), Gretchanaia, Viollet (2008) и Gretchanaia et al. (2012).

¹⁴ Lamarche Marrese (2010), Berelowitch (2015). Наше понимание термина «франкофония» мы объясняем во введении, см. прим. 55.

этой темы внесли также труды Родольфа Бодена о письмах Радищева из ссылки и Джессики Типтон о переписке нескольких поколений семьи Воронцовых¹⁵. Отдельные аспекты социальной и культурной истории русской франкофонии, вызывавшие интерес исследователей в относительно недавнем прошлом, включают в себя развитие русской франкоязычной прессы¹⁶ и перевод с французского на русский¹⁷. Также вышло несколько работ о «французском образовании» русских дворян¹⁸. И наконец, в XXI веке появились труды в еще одной области знаний, имеющей непосредственное отношение к нашему исследованию, а именно исследования о языковом влиянии французского языка на русский, в частности о французских лексических заимствованиях¹⁹.

Кроме того, основой этой книги послужили результаты исследования, проделанного ее авторами вместе с другими учеными в рамках проекта «История французского языка в России» (2011–2015), который осуществлялся в Бристольском университете при финансовой поддержке Исследовательского совета Великобритании по искусству и гуманитарным наукам (AHRC). Публикация результатов этого исследования началась с размещения на сайте проекта первого блока документов Корпуса источников, которые могут быть использованы при изучении франко-русского билингвизма, а также наших статей, посвященных отдельным текстам или группам текстов²⁰. Общими целями этого корпуса было, во-первых, начать классифицировать функции французского языка в императорской России и, во-вторых, проанализировать возможные подходы к франко-русскому билингвизму и его возможные интерпретации.

Мы подготовили серию из четырех статей об изучении французского языка в императорской России, две из которых были написаны Владиславом Ржеуцким, авторами третьей и четвертой выступили Екатерина Кислова и Сергей Власов соответственно. Эта серия появилась в первом номере электронного американского журнала *Vivliofika*²¹. Вошедшие в нее статьи посвящены преподаванию иностранных языков в русских государственных и частных учебных заведениях и в дворянских семьях, а также социальным ценностям и стратегиям, которые отражаются в образовательной политике и в практике обучения языкам. На более общем уровне нашей задачей было продемонстрировать важность вопросов образования для изучения социокультурной истории языка.

Мы также рассмотрели сферу действия и значение франкофонии как социального и культурного явления в Европе XVII, XVIII и XIX веков²². Совместно с шестнадцатью другими европейскими специалистами²³ мы изучили вопросы, связанные с франкофонией в двенадцати европейских языковых сообществах за пределами Франции (средневековая Англия, Пьемонт, Италия, Голландия, Пруссия, Чехия, Испания, Швеция, Польша, румынские земли, Россия и Турция). Во введении к публикации мы постарались выстроить концептуальную базу для

¹⁵ Baudin (2015) и Tipton (2015 и 2017). Джессика Типтон входила в состав нашей исследовательской группы, финансируемой Arts and Humanities Research Council (Великобритания), речь о которой идет в следующем разделе, и в 2017 году ей была присуждена докторская степень за работу о Воронцовых.

¹⁶ Напр.: Сперанская (2005, 2008 и 2013), Rjéoutski (2010 и 2013), Somov (2011) и Rjéoutski, Speranskaia (2015).

¹⁷ Напр.: Левин (1995–1996), Баренбаум (2006) и Maier (2008).

¹⁸ Berelowitch (1993), Rjéoutski (2005), Чудинов (2010), Rjéoutski, Tchoudinov (2013), см. также книгу под редакцией В. С. Ржеуцкого: Rjéoutski (2016).

¹⁹ Габдреева (2001) и May Smith (2006); см. также более раннее исследование Hüttl-Worth (1963).

²⁰ На веб-сайт можно перейти по следующей ссылке: <https://www.bristol.ac.uk/arts/research/french-in-russia/>. Корпус документов и введения к ним опубликованы на следующей странице: <https://data.bris.ac.uk/data/dataset/3nmuogz0xzmpx21l2u1m5f3bjp> (последнее обращение – 19.04.2021).

²¹ Vivliofika. 2013. № 1 // <https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/issue/view/71>.

²² Rjéoutski V., Offord D., Argent G. (Eds). *European Francophonie: The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language*. Oxford, 2014.

²³ В порядке их появления в книге: М. Эйлс, Э. Паттер, А. Россебастьяно, Н. Минерва, М. Ван Стрин-Шардонно, М. Бем, И. Церман, А. Санц-Кабрерисо, Б. Регьеро-Салгадо, Л. Пабло-Нуньес, С. Караско, М. Естман, М. Сервански, К. Напьерова, И. Михайла, Д. Оффорд, Л. Миньон.

исследования французского как европейского *lingua franca* и престижного языка в этот период. Питер Бёрк написал вступительную главу о диглоссии в Европе раннего Нового времени. Это коллективное исследование стало основой для оценки общеевропейского контекста языковой ситуации в России, который позволил нам проверить тезисы об исключительном характере русского языкового и культурного развития.

Следующая группа статей, касавшаяся иностранных языков в России на протяжении «долгого» XVIII века, помогла нам подчеркнуть сложность языковой ситуации в этой стране²⁴. В эту подборку вошли статьи Кристины Дамен, Владимира Береловича и Энтони Кросса о бытовании в России немецкого, французского и английского языков соответственно. В предисловии, написанном авторами данной книги²⁵, указывается на осязаемое присутствие немецкого языка наряду с французским и используется понятие ценности на языковом рынке с целью объяснить превосходство французского в глазах элиты. Мы также проанализировали связь между освоением иностранного языка, с одной стороны, и европеизацией и построением империи в России, с другой, – связь, к которой мы вернемся во введении и первой главе этой книги.

Вместе с Ларой Рязановой-Кларк мы подготовили большое коллективное исследование в двух томах о сосуществовании французского и русского языков в императорской России и их взаимодействии²⁶. В этой книге совместно с двадцатью учеными²⁷ из Франции, России, США и Великобритании мы подробно анализируем язык русской элиты и отношение к нему в XVIII–XIX веках. Мы ставили перед собой двойную задачу. Во-первых, установить, кто говорил и писал по-французски в дореволюционной России, в каких сферах и с какими целями. Во-вторых, изучить влияние, которое использование французского оказало на русское общество, культуру и мысль в период, когда русские писатели начали создавать светскую литературу и конструировать особую идентичность для своей нации.

Цель настоящей книги – обобщить всю предшествующую работу и расширить анализ, чтобы всесторонне описать важные аспекты российской социальной, политической, культурной и литературной истории и проанализировать один из ярких примеров двуязычия и его последствия. Мы надеемся, что сможем предложить свежий взгляд на взаимодействие языков и культур за пределами национальных границ – доказательство тесных связей культур Европы.

Первое издание книги появилось на английском языке в 2018 году в издательстве Amsterdam University Press в серии «Языки и культура в истории»²⁸. Настоящее издание подготовлено при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве. В нем были исправлены замеченные ошибки, однако в остальном текст соответствует англоязычному изданию.

*Дерек Оффорд, Владислав Ржеуцкий, Гезине Арджент,
октябрь 2021 года*

---

²⁴ См.: The Russian Review. 2015. 74:1.

²⁵ Доступно онлайн по ссылке: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/russ.10752/abstract>.

²⁶ Offord D., Ryazanova-Clarke L., Rjéoutski V., Argent G. (Eds). French and Russian in Imperial Russia. Edinburgh, 2015.

²⁷ В алфавитном порядке: Р. Боден, К. Бордэриу, С. Брюс, О. Васильева-Кодонье, С. Дикинсон, Н. Дмитриева, Ж. Дюлак, В. Живов, Б. Ким, С. Клименко, Ю. Клименко, М. Ламарш Маррезе, Э. Мерфи, Л. Сапченко, С. Скоморохова, В. Сомов, Н. Сперанская, Дж. Типтон, Г. М. Хэмбург, К. Шапен.

²⁸ <https://www.aup.nl/en/series/languages-and-culture-in-history> (последнее обращение – 23.09.2021).

Благодарность

В ходе работы нашего научного проекта, который закончился публикацией этой книги, мы пользовались поддержкой большого числа учреждений, исследователей и других коллег, которым мы хотели бы выразить свою признательность.

Прежде всего, мы благодарны британскому Исследовательскому совету по искусству и гуманитарным наукам (AHRC) за выделение гранта на проведение в Бристольском университете трехлетнего научного проекта «История французского языка в России». Проект начался в августе 2011 года и был впоследствии продлен до июня 2015 года. Команда проекта состояла из Дерека Оффорда, который руководил им, и двух научных сотрудников, Владислава Ржеуцкого (с августа 2011 по ноябрь 2013 года) и Гезины Арджент (с июля 2012 по июнь 2015 года). Кроме того, в рамках проекта Джессика Типтон подготовила докторскую диссертацию (с октября 2011 по октябрь 2015 года). Грант AHRC также дал нам возможность совершить три научные поездки для работы с коллекциями российских архивов и библиотек и организовывать научные мероприятия, которые позволили заложить прочный фундамент для подготовки данного исследования. Первым таким мероприятием была серия семинаров о европейской франкофонии в 2012 году, в которой приняли участие исследователи из Великобритании, Германии, Италии, Нидерландов, Румынии, Чехии и Швеции²⁹. Вторым мероприятием была международная конференция, организованная в Бристолье в сентябре 2012 года, в год двухсотлетия наполеоновского нашествия на Россию, в ней приняли участие примерно шестьдесят исследователей³⁰. Третьим стал воркшоп, организованный в июне 2015 года в Бристолье, с участием тридцати пяти исследователей, он завершился трехчасовой дискуссией, которая была чрезвычайно полезна для нашей работы.

Во введении мы упомянем публикации, которые были сделаны в рамках данного проекта, и покажем, каким образом они подготовили основу для этой книги. Мы также скажем о вкладе в эти публикации разных ученых, входивших в команду нашего проекта.

Во-вторых, мы хотели бы поблагодарить бывшего директора Германского исторического института в Москве (DHI Moskau) проф. Николауса Катцера за финансовую поддержку этого издания, позволившую нам опубликовать в издательстве Амстердамского университета эту объемную книгу, не делая ее цену недоступной для покупателей. Мы также благодарны директору ГИИМ д-ру Сандре Дальке за решение поддержать перевод и издание этой книги на русском языке.

Во вторую очередь нам хотелось бы выразить свою признательность членам консультативного совета нашего проекта, объединившего исследователей, чья экспертиза в самых разных дисциплинах (русская история и литература, европейская история, язык как предмет исследования историков, социолингвистика) помогла нам двигаться в правильном направлении. В состав совета входили: Вим Ванденбусхе (Брюссельский свободный университет), Андрей Зорин (Оксфордский университет), Розалинд Марш (Университет Бата), Дэвид Сондерс (Университет Ньюкасла), Андреас Шёнле (Бристольский университет) и Роберт Эванс (Оксфордский университет). А. Шёнле и А. Зорин одновременно руководили другим научным проектом, «Создание европеизированной элиты в России: роль в обществе и субъектность», поддержанным Leverhulme Trust, и пригласили Д. Оффорда к участию в конференциях, организованных в рамках их проекта в Оксфорде и Лондоне в 2013 и 2014 годах соответственно. Многие другие исследователи внесли свою лепту в нашу работу над этой книгой. Среди них Майкл Горэм (Государственный университет Флориды), с которым у нас были полезные

---

²⁹ Полную информацию об этой серии см. здесь: <https://www.bristol.ac.uk/arts/research/french-in-russia/seminars/>.

³⁰ Информацию о конференции можно найти здесь: <https://www.bristol.ac.uk/arts/research/french-in-russia/conference/>.

дискуссии во время его пребывания в Бристоле в течение недели в мае 2015 года в качестве приглашенного исследователя проекта. Владимир Берелович (Высшая школа социальных наук, Париж, и Женевский университет), Сара Дикинсон (Университет Генуи), Энтони Кросс (Кембриджский университет), Гэри Хэмбург (Университет МакКенны, Калифорния) вместе с четырьмя членами консультативного совета (Розалинд Марш, Дэвид Сондерс, Андреас Шёнле и Роберт Эванс) сделали важный вклад в размышления над структурой нашей книги на воркшопе в Бристоле в июне 2015 года.

Мы также пользуемся возможностью поблагодарить других исследователей, которые помогли сделать конференцию 2012 года по-настоящему продуктивной, помимо тех коллег, чьи доклады были переработаны в главы в двухтомнике «French and Russian in Imperial Russia» либо в одном из кластеров статей, опубликованных в рамках нашего проекта: Катрин Вьолле, Юрия Воробьева, Джона Данна, Алексея Евстратова, Ольгу Кафанову, Веру Мильчину, Светлану Мэр, Аллу Полосину, Келси Рубин-Детлев, Александра Строева. Многие другие коллеги помогали нам в нашей работе тем или иным образом, например сделали замечания по прочтении всей рукописи (Елена Гречаная) или отдельных ее частей, обратили наше внимание на ценные источники или поделились важной для нас информацией. Среди них Григорий Бибилов, Ангелина Вачева, Алекса фон Виннинг, Сергей Карп, Екатерина Кислова, Денис Кондаков, Сергей Королев, Андрей Костин, Татьяна Костина, Дмитрий Костышин, Гэри Маркер, Сергей Польской, Галина Смагина, Ольга Солодянкина, Владимир Сомов, Игорь Федюкин, Александр Феофанов и Ольга Эдельман. Мы также с благодарностью хотели бы отметить помощь, оказанную нам в архивных поисках Викторией Закировой, Лизой Погтель и Евгением Рычаловским. Само собой разумеется, что ответственность за возможные ошибки и упущения, которые могут встретиться в нашей книге, лежит только на нас самих.

Среди наших (в некоторых случаях бывших) коллег по Бристольскому университету мы хотели бы особо отметить помощь Нильса Лангера, который дал нам немало ценных советов по вопросам социолингвистики, а также организовал ряд научных мероприятий, которые были полезны для нас, и познакомил нас с другими учеными в области социолингвистики. Мы признательны Мэр Перри за консультации по социолингвистическим вопросам, в особенности по истории итальянского языка, как и другим коллегам из Бристоля (Крису Бейли, Стефену Грею, Джилу Кузену и Маркланду Старки) за советы по вопросам информатики, создания и поддержки веб-сайта проекта. Мы также благодарны сотрудникам Германского исторического института в Москве, в особенности сотрудникам библиотеки Виктории Сильванович и Ларисе Кондратьевой, и Кириллу Левинсону, который взял на себя труд прочесть и отредактировать финальную версию перевода нашей книги. Также благодарим Михаила Сергеева за помощь в составлении указателя.

Мы многим обязаны сотрудникам ряда архивов и библиотек, в которых мы вели поиски во время подготовки данной книги. Мы хотели бы в особенности упомянуть: Архив внешней политики Российской империи, Библиотеку Российской академии наук, Государственный архив Российской Федерации, Государственный архив Тверской области, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Национальную библиотеку Франции, Российский государственный архив военно-морского флота, Российский государственный архив древних актов, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный исторический архив, Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Мы также благодарим Российскую национальную библиотеку, Российскую государственную библиотеку и коллекцию карт Дэвида Рамзи за разрешение использовать иллюстрации, список которых находится на следующей странице.

Наконец, мы хотели бы поблагодарить сотрудников издательств и научных журналов, чье внимание и быстрая и эффективная помощь позволили нам опубликовать книги и статьи, напи-

санные в рамках проекта. Среди них следует назвать Лорел Плапп (издательство Peter Lang), Лауру Вилиамсон и Ричарда Страчана (издательство Эдинбургского университета), Ив Левин, Курта Шульца, а также Майкла Горэма (The Russian Review), Эрнеста Зитцера (Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies), Луиз Виссер и Джаапа Вагенаара (издательство Амстердамского университета). Также благодарим Виллема Фрайхова и Карен Санчес за возможность опубликовать книгу в серии «Languages and Culture in History», редакторами которой они являются, Михаила Сергеева за помощь в составлении указателя и наконец Ирину Прохорову (издательство «Новое литературное обозрение»).

Список иллюстраций

1. Титульный лист романа Руссо «Эмиль» (издание конца XVIII века) (Российская национальная библиотека).
2. В. А. Тропинин. Портрет Н. М. Карамзина // Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 58 (Российская национальная библиотека).
3. Карта Португалии, нарисованная княжной Ниной Барятинской (1785) (НИОР РГБ. Ф. 19. Оп. 284. Д. 3. Л. 4).
4. Черновик письма князя Д. В. Голицына к его матери Наталье Голицыной (1780) (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 94. Д. 28. Л. 1).
5. Письменные упражнения, выполненные Степанидой Барановой, которая воспитывалась в семье Барятинских (1781–1785) (НИОР РГБ. Ф. 19. К. 284. Д. 7. Л. 12).
6. Напечатанное меню для ужина по случаю коронации Александра III (1883), украшенное рисунком В. М. Васнецова (Российская национальная библиотека).
7. Вид на реку Неву и здания Академии наук. *Plan de la ville de St. Pétersbourg avec ses principales viës dessiné et gravé sous la direction de l' Académie Impériale des sciences et des arts. St-Pétersbourg, 1753* (www.davidrumsey.com).
8. Титульный лист неоконченного сочинения князя Б. В. Голицына (1782) (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 79. Д. 11. Л. 1).
9. Титульный лист трактата А. А. Головкина «*Mes idées sur l' éducation du sexe, ou précis du plan d' éducation pour ma fille*» (1778) (Российская национальная библиотека).
10. Портрет графа Ф. В. Ростопчина, написанный Орестом Кипренским, 1809 г. // Русские портреты. Т. 1. С. 20 (Российская национальная библиотека).
11. Титульный лист книги «*Le Tableau slave. Par Mme de la P*** Zénéide Volkonsky*» (2-е изд. М., 1826) (Российская национальная библиотека).
12. Титульный лист книги «*Relation fidelle de ce qui s'est passé au sujet du jugement rendu contre le Prince Alexei et des circonstances de sa mort*» (1718) (Российская национальная библиотека).
13. Первая страница номера литературного и театрального журнала «*Le Furet*» (Российская национальная библиотека).
14. Титульный лист первого тома издания «Войны и мира» Л. Н. Толстого (1868) (Российская национальная библиотека).
15. Первая страница текста из первого тома издания «Войны и мира» Л. Н. Толстого (1868) (Российская национальная библиотека).

Введение

Распространенные представления о франко-русском двуязычии в России

До недавнего времени изучение роли французского языка в России не привлекало большого внимания за исключением небольших замечаний в работах о социальной или культурной истории Российской империи³¹. Несомненно, причина этого отчасти в том, что историки социологии и культуры, включая и западных исследователей, изучающие историю русского дворянства, как правило, не являются специалистами по лингвистике, а отчасти в том, что историческая социолингвистика представляет собой относительно новую научную дисциплину. Более того, в научных трудах (особенно англоязычных), где затрагиваются проблемы франко-русского билингвизма, можно обнаружить обобщения, которые подпитывают сложившееся в русской мысли и литературе негативное отношение к этому явлению. В своем исследовании языковой ситуации и дискуссий о языке, имевших место в России XVIII и XIX веков, мы хотим проверить достоверность этих обобщений. Для начала кратко осветим три из них. При этом мы выявим несколько ключевых вопросов, на которые нам предстоит обратить внимание в ходе разговора о языке и отношении к нему. В данной работе нам порой придется обращаться к более широкому материалу и рассматривать нарративы о русской культуре в целом. В этом кратком обзоре мы также приведем основные аргументы, позволяющие опровергнуть некоторые устоявшиеся суждения об этом вопросе.

Во-первых, русское дворянство (которое составляло весьма незначительную часть населения империи³²) нередко рассматривают как весьма однородный класс, единую группу людей, все члены которой единодушно отдавали предпочтение французскому языку перед русским³³. В результате может сложиться впечатление, что долгое время все дворяне постоянно говорили на французском и прибегали к нему всякий раз, когда им приходилось общаться с соотечественниками, знавшими этот язык. Так формируется точка зрения, согласно которой – возьмем наиболее радикальный пример – «в течение почти двух столетий французский язык (и в меньшей степени английский) вытеснил русский и стал основным языком для большинства русских аристократов, помещиков, представителей власти, офицеров и богатых купцов»³⁴. Даже такие выдающиеся социолингвисты, как Сюзанна Ромейн, на чьи авторитетные труды мы неоднократно ссылаемся, порой делают смелые обобщения о больших периодах времени и прибегают к весьма размытым формулировкам: «В некоторых странах считается, что образованные люди должны владеть иностранным языком. Это верно для большинства европейских государств, особенно если речь идет о прошлом: например, в дореволюционной России французский язык

---

³¹ Краткий обзор литературы по этому вопросу дан в предисловии к этой книге.

³² Число мужчин и женщин, входивших в дворянское сословие, в годы, предшествовавшие освобождению крепостных в 1861 году, составляло всего 600 000 человек (*Seton-Watson H. The Russian Empire, 1801–1917. Oxford, 1967. P. 240*). Число помещиков в этот период составляло лишь 100 000 человек (*Roosevelt P. Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven; London, 1995. P. 233*). При этом численность населения Российской империи составляла немногим больше 70 миллионов человек.

³³ См., напр.: *Charques R. D. A Short History of Russia. London, 1956. P. 102*, где отмечается, что в екатерининскую эпоху «в высших слоях общества господствовала мода на все французское, а русские дворяне предпочитали общаться скорее на французском языке, чем на родном». Сходным образом другие авторы, говоря о времени правления Павла, утверждают, что «русская знать предпочитала французский язык русскому» (*Evtuhov C., Stites R. A History of Russia: Peoples, Legends, Events, Forces, since 1800. Boston, 2004. P. 7*).

³⁴ *Sutherland C. The Princess of Siberia: The Story of Maria Volkonsky and the Decembrist Exiles. London, 1984. P. 24*. Здесь и далее перевод наш, если не указано иначе.

был языком воспитанных, просвещенных людей»³⁵. В данном исследовании мы постараемся воздержаться от бездоказательных суждений о том, что долгое время в России в речи дворянского сословия³⁶ французский язык превалировал над русским. Вместо этого мы поразмышляем над следующими вопросами. Можно ли утверждать, что отношение к языку и практика его использования были одинаковыми для всех представителей дворянства? Какую роль в этом играло образование? Верно ли то, что русские аристократы всегда использовали французский язык для общения – устного или письменного – с другими людьми, владеющими французским? Верно ли, что французский язык использовался франкоговорящими людьми во всех языковых сферах? Если французский язык занимал настолько доминирующее положение, как могла появиться великая литература на русском языке, или есть повод предположить, что дворяне никоим образом не причастны к ее созданию? (Безусловно, такого не может быть, ведь дворяне сыграли важнейшую роль в становлении русской литературы.) Можно ли считать, что отношение к языку и практика его использования были одинаковыми по всей империи? Оставались ли они неизменными на протяжении всего периода усвоения русской аристократией западной культуры и обычаев с начала XVIII столетия до распада Российской империи и исчезновения дворянского сословия в результате революционных событий 1917 года? Как язык влияет на понимание социальной и национальной идентичности и, не в последнюю очередь, гендерных различий? Как и почему эти явления изменялись в течение долгого периода, который мы изучаем? Мы обратимся к этим вопросам в главе 1, где рассмотрим проблему экономического и социального расслоения внутри дворянского сословия и поговорим о том, как это расслоение сказалось на возможностях овладения иностранными языками.

Во-вторых, наряду с мнением о том, что русские дворяне XVIII–XIX веков повсеместно владели французским, встречаются также утверждения о том, что представители аристократии плохо владели русским языком, по крайней мере до Отечественной войны 1812 года. Зачастую считается, что родной язык (если его можно назвать таковым в данном случае) аристократы никогда не изучали или толком не изучали, а если и говорили на нем, то только в детстве, а с возрастом забывали. «Ко времени смерти Екатерины II в 1796 году, – пишет Кэтрин Мерридейл, – ее придворные общались и писали на французском», и *Россия*, больше не желая оставаться «ученицей Европы (особенно после того, как Франция погрузилась в пучину революции после 1789 года)», предприняла попытку «вернуться к истокам, снова обратившись к наполовину забытому языку»³⁷. «Французский язык был настолько распространен в среде русской аристократии, что зачастую родной язык дворяне попросту забывали», – утверждает Хью Сетон-Уотсон в важном труде по истории Российской империи XIX века³⁸. Безусловно, мы можем найти этому подтверждения в мемуарах, например в записках княгини Е. Р. Дашковой, которая, вспоминая свое детство, прошедшее в семье Воронцовых в середине XVIII века, пишет не только о том, что дети в их семье говорили на французском языке как родном, но и о том, что по-русски они изъяснялись с трудом³⁹. Утверждения о том, что дворянство плохо владело русским, подкрепляются и историческими анекдотами. Например, когда в 1812 году во время наполеоновского вторжения в Россию шестнадцатилетний Никита Муравьев без

³⁵ Romaine S. Bilingualism. Malden, MA; Oxford; Victoria, 1995. P. 31. Особенно спорной представляется последняя часть данного утверждения, так как может создаться впечатление, что все люди, входившие в эти группы, отказались от русского языка.

³⁶ В большинстве случаев, говоря о данной социальной группе, мы будем использовать термин «сословие», так как термин «класс» был бы анахронизмом применительно к описанию дворянства XIX века.

³⁷ Merridale C. Red Fortress: The Secret Heart of Russia's History. London, 2013. P. 197–198. Курсив наш, в данном случае он призван обратить внимание читателя на степень обобщения.

³⁸ Seton-Watson. The Russian Empire. P. 40.

³⁹ Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 38, 42. См. др. примеры в: Roosevelt. Life on the Russian Country Estate. P. 181.

разрешения матери бежал в армию, его задержали крестьяне, решившие, что он французский шпион, ведь по-русски он разговаривал очень плохо⁴⁰.

И все-таки признать, что все дворянство не владело русским языком, невозможно, так как факты говорят об обратном. Так, хотя Орландо Файджес в обширном труде, посвященном истории русской культуры, рассуждает о постоянном предубеждении аристократии XIX века против изучения русского языка, он также указывает, что после 1812 года среди дворян стало модным учить сыновей читать и писать по-русски, а в провинции русскому языку стали обучать как мужчин, так и женщин⁴¹. Здравый смысл должен был бы подсказать ученым, что дворяне, состоявшие на военной службе, по крайней мере в низших чинах, должны были знать русский язык, чтобы командовать солдатами, набранными из крестьян, и что русский язык был нужен помещикам, чтобы успешно управлять своими владениями, население которых не было обучено иностранным языкам⁴². Мысль о том, что мужчинам русский язык был нужен для решения практических задач, может отчасти объяснить убеждение, оспоренное Мишель Ламарш Маррезе в статье, имеющей большую ценность для всякого, кто занимается изучением бытования французского языка в России⁴³. Согласно этому распространенному мнению, женщинам из дворянской среды изъясняться по-русски было еще сложнее, чем мужчинам. Этот стереотип хорошо иллюстрирует пример из пушкинского «Евгения Онегина», героиня которого, как известно, плохо владела родным языком. Понимая это затруднение и желая защитить честь родины, повествователь признается читателям, что ему придется перевести письмо Татьяны Онегину, ведь

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялась по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.
<...>
Не правда ль: милые предметы,
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?⁴⁴

---

⁴⁰ Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992–1993. Т. 2. С. 353–354.

⁴¹ Figes. *Natasha's Dance*. P. 56, 102–103.

⁴² Sutherland. *The Princess of Siberia*. P. 172–173.

⁴³ Lamarche Marrese M. «The Poetics of Everyday Behavior» Revisited: Lotman, Gender, and the Evolution of Russian Noble Identity // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. 11:4. P. 701–739.

⁴⁴ «Евгений Онегин», глава 3, строфы XXVI–XXVII. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1949. Т. 6. С. 63. Безусловно, если женщина не находит возможным писать кавалеру-дворянину письмо по-русски, это не означает,

Парадоксальным образом Татьяна являет собой пример еще одного штампа, прижившегося в русской литературе в николаевскую эпоху: в противовес слабым, попавшим под влияние Запада мужчинам, русские женщины имеют надежные нравственные ориентиры и оказываются крепко укорененными в родной культуре. Татьяна, как писал Пушкин, была «русская душою, / Сама не зная почему»⁴⁵. Достоевский высоко оценил любимую пушкинскую героиню и считал ее подлинным воплощением народного духа⁴⁶.

Надо признать, некоторые аристократы, несомненно, владели французским языком гораздо лучше, чем русским. Вероятно, эти утверждения справедливы относительно тех из них (хотя и далеко не всех), чье детство по большей части прошло за границей. Например, когда в 1820 году князь Дмитрий Владимирович Голицын, который воспитывался в Париже незадолго до Французской революции, был назначен генерал-губернатором Москвы, его речи приходилось на первых порах переводить с французского на русский⁴⁷. В целом факты требуют с осторожностью относиться к заявлениям как о том, что дворяне не владели русским языком, так и о том, что все они всегда общались по-французски. По меньшей мере необходимо критически подходить к источникам, с которыми мы работаем. Преследуя свои цели, мемуаристы могли намеренно создавать впечатление, что в детстве они почти не знали родного языка. Так, княгине Дашковой, которая активно участвовала в работе над «Словарем Академии Российской», вполне вероятно, было важно подчеркнуть, какие огромные усилия ей пришлось приложить во взрослом возрасте, чтобы в совершенстве овладеть русским языком. Важно также не забывать о том, как обычно происходило обучение языку в дворянских семьях, которые могли позволить себе нанять франкоговорящего учителя или отправить ребенка в пансион, где говорили на французском. В масштабном исследовании, посвященном жизни в русских усадьбах, Присцилла Рузвельт отмечает, что

замена няни гувернанткой или воспитателем обозначала культурный водораздел между русским детством и европейским отрочеством <...>. В некоторых семьях с определенного возраста общение с дворовыми запрещалось, с тем чтобы не подвергать речь и манеры молодого дворянина влиянию речи, предрассудков и суеверий крестьян. Незнание многими воспитателями русского языка вынуждало дворян уже в юности в ускоренном темпе овладевать иностранными языками. Одна мемуаристка отмечает, что в нежном возрасте редко видела старшую сестру и еще реже беседовала с ней, оттого что сестра говорила только по-французски или по-английски, между тем как младшие иностранных языков еще не знали⁴⁸.

Но как бы активно дворянских отпрысков ни приучали к иностранным языкам, несомненно, в самом раннем возрасте, когда дети только учились говорить, они слышали в основном русскую речь. Как пишет П. Рузвельт, дети в благородных семействах росли «почти исключительно под присмотром кормилиц и нянек, а пред очи родителей представляли лишь эпизодически»⁴⁹. Няньками были крепостные крестьянки, такие как Арина Родионовна, о которой с нежностью вспоминал А. С. Пушкин, и дворянские дети зачастую сильно к ним

что она не может пользоваться русским языком в других ситуациях. С няней, например, Татьяна наверняка общалась по-русски.

⁴⁵ «Евгений Онегин», глава 5, строфа IV. *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 98. Татьяна верила в народные приметы, о чем Пушкин пишет в строфах V–VI.

⁴⁶ О речи Достоевского, в которой он высказывался на эту тему, см. последний раздел главы 9.

⁴⁷ *Рузвельт П.* Жизнь в русской усадьбе. Опыт социальной и культурной истории. СПб., 2008. С. 318.

⁴⁸ *Рузвельт.* Жизнь в русской усадьбе. С. 265.

⁴⁹ Там же. С. 262.

привязывались. Анна Керн, которой Пушкин посвятил знаменитое любовное стихотворение, однажды язвительно заметила: «Я думаю, он никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры»⁵⁰. Если не принимать этого в расчет, то превращение Пушкина, воспитанного во франкоговорящей семье, в одного из основателей русского литературного языка выглядит чудом. Точно так же при изучении языка дворянства невозможно не учитывать тот факт, что Ф. В. Ростопчин, которого около шести лет обучали в отдельном домике в поместье его родителей для того, чтобы мальчик мог говорить только по-французски с жившим в семье французским гувернером, в 1812 году, занимая пост губернатора Москвы, распространял подстрекательские листовки, написанные простым народным языком⁵¹.

Безусловно, многие дворяне придавали больше значения изучению скорее французского, чем русского языка, особенно в конце XVIII – начале XIX века, когда увлеченность русского общества французским языком достигла своего пика. В некоторых источниках утверждается, что большинство дворян во взрослом возрасте с трудом изъяснялись на русском языке, что вызывает сомнение, ведь знание одного языка совсем не исключает возможности свободного владения другим. Впечатление, что дворяне не были способны сформировать и сохранить языковую компетенцию как в русском, так и во французском языке, может сложиться, если понимать компетенцию исключительно как владение языком в совершенстве и способность пользоваться им во всех сферах жизни или если подходить к лингвистической компетенции слишком категорично (ты либо знаешь язык, либо нет), однако с этим вряд ли согласится большинство социолингвистов. Мы скорее имеем дело с явлением, широко распространенным среди двуязычных людей, когда субъект осваивает языки с разным уровнем компетенции или когда степень владения языком зависит от сферы, в которой он используется. Пренебрежительное отношение к знанию русского языка в дворянской среде порой объясняется презрением к тому варианту русского языка, с которым дворяне знакомились в ранней юности, слыша речь крепостных крестьян и их детей, перенимая «от слуг их простую полуграмотную речь»⁵². При этом было бы ошибочно считать русскоговорящих людей неграмотными на том основании, что они не освоили тот регистр языка, который подобало использовать в светском обществе. Так, в самом начале XIX столетия Н. М. Карамзин – знаменитый литератор, к текстам которого мы еще не раз обратимся, – выражал сомнение в том, что подобная языковая норма в русском языке в принципе существует, ведь «в лучших домах» люди высшего общества вели светские беседы на французском⁵³. В целом мы склонны полагать, что многие неточности в изучении франко-русского билингвизма возникают, когда лингвистическая компетенция воспринимается как явление абсолютное, а не относительное⁵⁴, зависящее от степени владения языком; также они могут возникнуть под влиянием типичного для монолингвальных обществ убеждения, что билингвизм – даже если определять его как способность использовать более чем один язык, в зависимости от контекста, – представляет собой нечто необычное.

⁵⁰ Керн А. П. Три встречи с императором Александром Павловичем (1817–1820 гг.) // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 95.

⁵¹ О билингвизме Ростопчина см.: Вигель Ф. Ф. Записки / Под ред. С. Я. Штрайха. 2 т. М., 1928. Ч. 2. С. 13–14, а также Offord D., Rjéoutski V. French in the Nineteenth-Century Russian Salon: Fiodor Rostopchin's «Memoirs». URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx2112u1m5f3bjp/Fiodor%20Rostopchin%20introduction.pdf>. Тексты листовок см. в: Картавов П. А. (Ред.). Ростопчинские афиши. Летучие листки 1812 года. СПб., 1904. Некоторые из листовок можно посмотреть онлайн по ссылке: <http://www.museum.ru/1812/Library/Rostopchin/index.html>. Также о них см.: Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 126–129.

⁵² Sutherland. The Princess of Siberia. P. 24.

⁵³ Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 185.

⁵⁴ Мы вернемся к этой теме в предпоследнем разделе введения, посвященном проблемам методологии.

Третье распространенное убеждение (возможно, в данном случае следует говорить даже о ряде убеждений) касается якобы вредного влияния русской франкофонии⁵⁵ и культурной вестернизации русской элиты, проявлением которой была франкофония. Часто предполагается, что это влияние сказывалось на национальном, социальном и личностном уровнях.

Начиная с середины XVIII века русские писатели стали высказывать мнение, что общение на французском ослабляет чувство национальной принадлежности и указывает на отсутствие должного чувства национального единства. Иногда из-за склонности говорить по-французски сомнению подвергали преданность дворян родине, а порой даже и их верность своему монарху. Мы еще не раз вернемся к идее о том, что в представлении русских писателей и мыслителей конца XVIII – начала XIX века язык был неразрывно связан с национальным самосознанием, особое внимание этому вопросу уделено в последних двух главах, которые посвящены отношению в обществе к использованию языков. Сейчас нам хотелось бы подчеркнуть, что эта ассоциация связана с пониманием идентичности как исключительно этнического свойства и с представлением о том, что у каждого народа есть неизменные исконные черты. (Мы постараемся ниже описать культурную ситуацию и обстоятельства, в которых сформировалось такое понимание идентичности.) Необходимо также подчеркнуть, что очень спорной является позиция, согласно которой использование иностранного языка предполагает принятие культурных ценностей и политических взглядов, с которыми в данное время этот язык может ассоциироваться⁵⁶.

На социальном уровне франкофония также могла восприниматься в негативном ключе, как фактор, разделяющий общество. Предполагалось, что, обращаясь к французскому языку, знать отделяла себя от остального населения империи, особенно от крестьянства, что, как многие считали, раскалывало нацию, которая, по мысли консерваторов-романтиков, обладала органическим единством до европеизации элит в XVIII веке⁵⁷. Франкофония, безусловно, была маркером социальных различий, поскольку владение французским языком было признаком благородного происхождения, и, говоря об использовании французского языка в России, мы не можем игнорировать этот факт⁵⁸. Однако мысль о том, что, общаясь по-французски, дворяне вносили раскол в единство общества, вероятно, имеет в своей основе мнение – к которому, как мы уже отмечали, следует относиться с осторожностью, – о дворянах как людях, которые не знали (или почти не знали) русского языка и по этой причине не могли общаться с соотечественниками из более низких социальных слоев, говорившими только по-русски. Мы призываем не делать поспешных выводов о том, что европейский образ жизни и изучение иностранных языков (в отличие от права владеть крестьянами) отделяли дворян от простого народа. Более того, П. Рузвельт обращает наше внимание на верования и обычаи, которые объединяли помещиков и крестьян. Она указывает на то, что православие, церковные обряды и праздники и даже народные суеверия служили почвой для появления общности, формировали ощущение единства⁵⁹. Не все дворяне в конце XVIII века были вольтерьянцами, как не все светские люди XIX столетия были атеистами или агностиками. Многие из них жертвовали средства на строительство церквей, давали кров странникам, проявляли милость к нищим и юродивым, приоб-

---

⁵⁵ В этой книге термин «франкофония» используется для обозначения исторического феномена – распространения французского языка в европейских странах, для населения которых он не являлся родным, начиная с XVII столетия. О значении этого термина см.: *Argent G., Offord D., Rjéoutski V. European Francophonie and a Framework for Its Study // Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). European Francophonie. P. 1–31, особенно p. 4–10.*

⁵⁶ Проблему преданности государству мы рассматриваем в главе 8, в разделе о комедиях XVIII века.

⁵⁷ К таким консерваторам относятся славянофилы (о них речь пойдет в следующем разделе введения) и почвенники, в том числе Достоевский (о котором говорится в последнем разделе главы 9).

⁵⁸ О роли французского языка в формировании социальной идентичности см. подробнее в четвертом разделе главы 4.

⁵⁹ См.: *Рузвельт. Жизнь в русской усадьбе. Гл. 10.*

ретали иконы⁶⁰. В любом случае, мемуары и беллетристика, пишет Мэри Кэвендер, «подтверждают очевидную мысль о том, что взаимодействие между крестьянами и помещиками было постоянным и многообразным»⁶¹.

Считается, что на личностном уровне европеизация также имела на людей негативное воздействие – в психологическом смысле: личность европеизированных русских оказалась расщеплена, они являли собой пример «расколотой идентичности»⁶² и, как следствие, превратились в людей апатичных и не имеющих внутреннего стержня. Существует мнение, что под влиянием образования, в основе которого лежало изучение европейских языков и культуры и, в частности, освоение французского языка, русский дворянин⁶³ XIX века усваивал идеи, которые невозможно было применить на русской почве, и поэтому оказывался оторванным от жизни родной страны⁶⁴. Так возник «лишний человек» *avant la lettre*, то есть тип разочарованного, неприкаянного персонажа, утратившего нравственные ориентиры и способность строить продолжительные отношения. Такие герои наводнили русскую литературу начиная с николаевской эпохи – примерами могут послужить Евгений Онегин из пушкинского романа в стихах, Печорин из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова и главный герой романа И. С. Тургенева «Рудин». Предпринимались попытки (например, американскими биографами русского поэта-метафизика и автора статей о самобытности России Ф. И. Тютчева) объяснить личностный кризис, вызванный в людях дворянского происхождения необходимостью существовать на стыке языков и культур, в терминах психологии – как болезненную вырванность индивида из сети психологических и социальных связей⁶⁵. Между тем утверждение о том, что эта необходимость оказывала пагубное влияние на психическое состояние русских дворян – а также на все сферы их жизни, – основывается по большей части на *литературных* источниках. В конце введения мы подробнее поговорим о том, как следует работать с такими источниками и какое значение мы должны им придавать.

Как будет показано ниже, на каждом из обозначенных нами уровней – общенациональном, социальном или личностном – утверждения о негативном воздействии двуязычия и бикультурализма имеют в своей основе страх перед расколом общества и потерей некоего воображаемого единства. Ясно также, что основную причину раскола в обществе или внутри личности видели именно в европеизации элит, показателем которой было использование иностранного языка. Чтобы получить наиболее полное представление об обозначенных нами взглядах на национальные, социальные и личностные проблемы, появлению которых будто бы способствовала франкофония высшего русского общества, мы должны рассмотреть эти проблемы в более широком контексте дискурса о взаимоотношениях России и Европы, то есть споров о том, является ли Россия частью Европы или представляет собой нечто уникальное, следует

⁶⁰ Там же. С. 389–390. Мнение о том, что православие было «чуждо сознанию европеизированной знати», высказывается, например, в этом исследовании: *Figes. Natasha's Dance*. P. 57. В качестве примера того, как франкоговорящий дворянин всячески поддерживал православную веру своих крестьян и даже построил церковь, можно обратиться к истории Валерия Левашова (см.: *Offord D., Rjéoutski V. Family Correspondence in the Russian Nobility: a Letter of 1847 from Valerii Levashov to his Cousin, Ivan D. Iakushkin*. URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuoqz0xzmpx2112u1m5f3bjp/Levashov%20introduction.pdf>, n. 9, на основе документа из ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 69. Л. 23). Правда, крестьяне остались равнодушны к стараниям барина.

⁶¹ *Cavender M. Provincial Nobles, Elite History, and the Imagination of Everyday Life* // Chatterjee C., Ransel D. L., Cavender M., Petrone K. *Everyday Life in Russia: Past and Present*. Bloomington, 2015. P. 35–51, здесь p. 47.

⁶² *Figes. Natasha's Dance*. P. 44–45.

⁶³ Здесь речь идет о мужчинах, так как это утверждение касается в первую очередь именно их.

⁶⁴ Среди западных ученых эту мысль активнее всего развивал М. Паев в книге *Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility*. New York, 1966. Также об этом см., напр.: *Hartley J. M. A Social History of the Russian Empire, 1650–1825*. L.; N. Y., 1998. P. 129, и недавнее исследование: *Schönle A., Zorin A. Introduction* // Schönle A., Zorin A., Evstratov A. (Eds). *The Europeanized Elite in Russia 1762–1825: Public Role and Subjective Self*. DeKalb, 2016. P. 1–22, здесь p. 10–11. Возражения против этой точки зрения наиболее полно и аргументированно представлены в *Confino M. Groupes sociaux et mentalités collectives en Russie // Société et mentalité collectives en Russie sous l' Ancien Régime*. Paris, 1991. P. 11–18.

⁶⁵ *Conant R. The Political Poetry and Ideology of F. I. Tiutchev*. Ardis, 1983, особенно p. 106, 145–146.

ли России ориентироваться на Запад или, напротив, обратиться к собственным истории и традиции в поисках тех принципов, которые направят ее на пути дальнейшего развития: именно эти вопросы задавали рамки, в которых русские классики⁶⁶ – поэты, прозаики и мыслители – размышляли о своей национальной идентичности, роли и проблемах российского дворянства, характере русского народа, судьбе и предназначении русского человека. Кроме того, мы обратимся к важнейшим исследованиям по истории русской культуры, написанным в позднесоветский период Ю. М. Лотманом, в чьих трудах вопрос о взаимодействии русской и других европейских культур занимал большое место. Лотман больше других исследователей изучал бытование французского языка в России конца XVIII – начала XIX века, и ученые, занимающиеся этой темой, часто некритично ссылаются именно на его труды⁶⁷.

---

⁶⁶ Мы используем этот термин для обозначения авторов, творивших во времена так называемого золотого века русской литературы, который охватывает период с 1820-х по 1880-е годы. В это время складывается литературный канон и ведутся многочисленные дискуссии о проблемах взаимодействия России и Европы.

⁶⁷ См., в частности: *Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке* // Лотман. Избранные статьи. Т. 2. С. 350–368.

Россия и «Запад». Две России

С раннего Нового времени русский человек во многом определял себя через противопоставление «России» «Европе» (или «Западу»). Однако определить эти понятия оказывается весьма непросто. В этой оппозиции даже «Россия» оказывается чем-то гораздо более размытым, чем может показаться на первый взгляд, ведь это слово может обозначать как многонациональную империю, так и русскоговорящую нацию (об этом речь пойдет в следующем разделе). Еще менее ясным в этой оппозиции является понятие «Запад», под которым может подразумеваться как реальное географическое пространство, так и пространство воображаемое. Несмотря на то что теоретически Западом должно считаться все европейское пространство по ту сторону западной границы России, русские писатели XIX века, протестовавшие против всего «западного», понимали под ним наиболее развитые европейские державы (Великобританию, Францию и германские государства). Вообще само понятие «Запад» является слишком широким и не может означать чего-то определенного. Оно подразумевает предположение, что между нациями⁶⁸, которые в течение многих столетий разделяли религиозные и культурные различия, политическое соперничество, военные конфликты и языковые барьеры, на самом деле существовало некое внутреннее и внешнее единство, которое не всегда было очевидно людям, принадлежащим к ним. Понятие «Запад» использовалось для того, чтобы обозначить полюс, противоположный «России», поэтому различия между западными нациями воспринимались как незначительные по сравнению с различиями между ними как целым и Россией. Тем не менее, несмотря на все свои недостатки, противопоставление России воображаемому «Западу» было одним из наиболее востребованных методов описания истории, религии, экономического развития, национального характера⁶⁹ и – как мы покажем в нашей книге – речевого поведения русских.

Классическим – хотя, безусловно, не первым и не последним – примером постулирования принципиальных различий между Россией и Западом является разразившаяся в середине XIX века полемика между западниками и славянофилами, причем особенно наглядно они формулировались в произведениях последних. Принято считать, что западники, которых современники часто называли «европейцами» или «космополитами»⁷⁰, были уверены, что Россия, чтобы преодолеть свою отсталость, должна перенимать европейские идеи и образ жизни⁷¹. Они с большим пиететом относились к Петру Великому – монарху, который в начале XVIII века сумел значительно ускорить модернизацию страны⁷². Славянофилы, со своей стороны, верили,

---

⁶⁸ Или народами, империями, государствами или иными сущностями: термин «нация», возможно, будет анахронизмом, когда речь идет о периоде до раннего Нового времени, но мы для удобства будем использовать его здесь в самом общем смысле. О национальности и языке подробнее см. в следующем разделе введения.

⁶⁹ О том, как это противопоставление выражалось в русских травелогах XVIII–XIX веков, см., напр.: *Offord D. Journeys to a Graveyard: Perceptions of Europe in Classical Russian Travel Writing*. Dordrecht, 2005.

⁷⁰ См.: *Billington J. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture*. London, 1966. P. 379.

⁷¹ В действительности «западничество» было явлением гораздо менее однородным, чем зачастую полагают. Так, людей, которых обычно причисляют к лагерю западников, было слишком много, а их идеи и политические пристрастия были настолько разнообразны, что сформировать ясное представление о сути «западничества» как направления общественной мысли достаточно сложно. Более того, мыслители, которых часто упоминают как выдающихся представителей западничества, особенно В. Г. Белинский и А. И. Герцен, иногда достаточно жестко критиковали самые фундаментальные принципы западной экономики, социального и политического устройства, которыми, казалось бы, должны были восхищаться. К тому же западники и славянофилы порой не так уж сильно расходились в своих взглядах. Авторы, которых относят к западническому крылу, по большей части активно интересовались проблемами самобытности родного народа, тогда как славянофилы в значительной мере обязаны своими идеями тому течению в европейской философии, которое было направлено против Просвещения, в частности общеевропейскому романтизму, зародившемуся в Германии в конце XVIII – начале XIX века.

⁷² Подробнее о петровских реформах см. во втором разделе главы 1. В нашей книге мы будем называть этого правителя Петром Великим, а не Петром I, как его часто именуют в русскоязычной историографии XX–XXI веков.

что национальные ценности и традиции являются залогом процветания России в будущем. Они превозносили русское православие и ненавидели Петра – царя, который больше чем кто бы то ни было нес ответственность за привнесенные иностранные обычаи, разрушившие ту органическую общность, каковой, по их мнению, являлась Московская Русь до XVIII века. Согласно их представлениям, западные народы склонны к агрессии, материализму и индивидуализму, тогда как русские люди – точнее, русские крестьяне, представляющие собой истинное воплощение русского характера, – миролюбивы, нестяжательны, готовы разделить с другими свою землю и имущество и подчиняться решениям, принятым сельской общиной, или миром. По существу, в основе славянофильства лежит вполне понятный страх утраты духовности и чувства общественного единства в прагматичный век урбанизации, индустриализации и активно развивающейся коммерческой деятельности, влияние которых на общество русские дворяне могли оценить, путешествуя за границу. Вместе с тем славянофильство является ярким примером того, к чему можно прийти, определяя сущность национального единства исключительно через противопоставление своего народа другим: к огульным обобщениям, примитивным стереотипам и шовинизму⁷³.

Эта парадигма «Россия и Запад», описывающая отношения с внешним миром, нашла отражение и в концепции, которая помогла обществу сформировать представление о внутреннем устройстве своей страны⁷⁴: согласно этой концепции, существовало две разительно отличающиеся друг от друга России – с одной стороны, так называемая «русская Европа»: двор и высшее дворянство, которые в XVIII веке переняли западные культурные практики, одежду и моды и выучили иностранные языки. Это была незначительная часть населения империи, однако именно в их руках была сосредоточена политическая власть. Эти люди жили в Санкт-Петербурге и Москве (по крайней мере в зимние месяцы), владели особняками и имениями, разбросанными по России. С другой стороны, была Россия исконная, к которой принадлежало куда больше людей, включая крестьян, носивших традиционную русскую одежду. Хотя представителей недворянских сословий было достаточно в каждом городе, основная их масса была сосредоточена в многочисленных деревнях, где крестьяне зачастую проводили всю жизнь, не считая случаев, когда их отдавали в солдаты. Эта вторая Россия состояла из работников (закрепощенных вплоть до 1861 года), трудившихся на землях, принадлежавших дворянам, церкви и государству. Даже в середине XIX века они по большей части не испытывали почти никакого влияния западной культуры и, будучи необразованными и неграмотными, не знали основных западноевропейских языков, служивших каналами распространения этой культуры. Прусский аристократ барон Август фон Гакстгаузен, совершивший в 1843–1844 годах длительное путешествие по Российской империи, писал о бездне, разделявшей эти две России:

Образованный класс в России отделен от народа гораздо большей пропастью, чем в остальной Европе, где граница между богатыми и бедными пролегает не в области мысли, как в России; в других частях Европы людей из народа обучают так же, как и представителей образованных классов, только в меньшей степени. В России высшие классы приобщились к достижениям западного образования, тогда как знания простого народа

---

⁷³ О славянофилах существует большое количество научной литературы. Широкий обзор этого вопроса представлен в (см. полные ссылки в нашей библиографии) Riasanovsky (1965) и Walicki (1975). Много информации можно почерпнуть из монографий, посвященных конкретным славянофилам, например из книги Gleason (1972) об И. В. Киреевском, отдельных томов Кристофа, посвященных А. С. Хомякову, И. В. Киреевскому, К. С. Аксакову и Ю. Ф. Самарину (Christoff 1961, 1972, 1982, 1991 соответственно), а также из написанной С. Лукашевичем биографии И. С. Аксакова (1965). Rabow-Edling (2006) рассматривает славянофильство в контексте традиции культурного (в противовес политическому) национализма.

⁷⁴ Классическим текстом, в котором нашла отражение эта идея, являются «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского. См.: *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений*: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 5. С. 46–98, особенно с. 50–64.

остаются устаревшими, почерпнутыми из традиции и весьма посредственными по сравнению со знаниями дворянства⁷⁵.

Склонность описывать Россию как страну, в которой сосуществуют два культурных мира, как и тенденция характеризовать ее через противопоставление Западу, были очень сильны в классической русской литературе. Она укоренилась и в историографии. Например, сравнение «европейской культуры высших классов и русской крестьянской культуры» является организующим принципом книги О. Файджеса «Танец Наташи» – одного из важнейших исследований по истории русской культуры за последнее время⁷⁶.

Сопоставительный подход к определению русской идентичности, характерный для русских писателей XIX века, в последние полвека был не только продолжен, но и развит в трудах по истории русской культуры благодаря работам Ю. М. Лотмана, который уделял внимание как проблемам взаимоотношений русской культуры с европейской, так и вопросам ее внутреннего развития. Работы Лотмана и его последователей повлияли и на западных ученых, занимавшихся исследованием русской культуры, чем объясняется настойчивое воспроизведение в западной науке уже упомянутой нами идеи о негативном влиянии, которое оказывал франко-русский билингвизм на русскую культуру. На наш взгляд, особого внимания в этом отношении заслуживают три идеи, встречающиеся в работах Лотмана, именно к ним мы обратимся и процитируем некоторые наиболее известные труды этого ученого⁷⁷.

Во-первых, по мысли Лотмана, русская культура «строилась на подчеркнутой дуальности»⁷⁸. Так, до XIX века мир после смерти в представлении людей делился на рай и ад: в отличие от католицизма, в православии не было «нейтральной аксиологической сферы», чистилища, между земной и загробной жизнью. Эта закономерность прослеживалась и в отношении понятий, не связанных с церковью, поэтому в России не было нейтральных общественных институтов, которые, как на средневековом Западе, не являлись бы «ни „святыми“, ни „грешными“, ни „государственными“, ни „антигосударственными“». Отсутствие такой нейтральной сферы в России привело к тому, что все новое воспринималось как «эсхатологическая смена всего», «радикальное отталкивание от предыдущего этапа», а не продолжение того, что было в прошлом. Таким образом, русская культура, обладающая глубинными структурами и сохраняющая единство на протяжении разных исторических периодов, воспринимается ее носителями как воплощение оппозиции между «стариной» и «новизной». Лотман утверждает, что чужое воспринималось как революционно-новое дворянами, которым Петр Великий и последующие монархи XVIII века навязывали западный стиль жизни, что зачастую вызывало у них тревогу. Внедрение иностранного языка в жизнь России XVIII века можно смело рассматривать как одно из проявлений «бинарной оппозиции» между традицией и новаторством, Россией и Западом.

Во-вторых, Лотман утверждал, что бытовое поведение дворянина послепетровской эпохи было сродни импровизированному театральному представлению. В основе этой идеи лежит разграничение Лотманом двух типов поведения человека. С одной стороны, поведение «обыч-

⁷⁵ Следует отметить, что Гакстгаузен не считал билингвизм фактором, усиливавшим разрыв между дворянами и народом. Напротив, по его мысли, их сближали только родной язык и религия. Пер. с англ. изд. *Haxthausen A. von. The Russian empire, its people, institutions and resources. London, 1856. Vol. 2. P. 185–186.*

⁷⁶ *Figes. Natasha's Dance. P. xxvii.*

⁷⁷ На английском языке большинство этих текстов доступны в книге *Lotman I. M., Uspenskij B. A. The Semiotics of Russian Culture / Transl. by Ann Shukman. Ann Arbor, 1984.* В работах Лотмана содержится множество ярких идей, к которым мы будем обращаться, однако сами по себе они зачастую схематичны, в них встречаются широкие обобщения и выводы, основанные на недостаточном количестве источниковых данных. О литературных текстах, которые Лотман использовал в качестве источников, подробнее см. в последнем разделе введения.

⁷⁸ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова. Тарту, 1977. С. 3–36.* Далее в этом абзаце цитаты из этой же статьи.

ное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как „естественное“, единственно возможное, нормальное»⁷⁹. С другой стороны, есть «виды торжественного, ритуального, внепрактического поведения государственного, культового, обрядового, воспринимаемые самими носителями данной культуры как имеющие самостоятельное значение»⁸⁰. Первому типу поведения носители культуры учатся, как и родному языку, бессознательно, погружаясь в него. Второму типу нужно обучаться, как иностранному языку, обращаясь к правилам и грамматикам. (Безусловно, то же самое применимо и собственно к языкам.) В результате русские дворяне, перенимавшие с начала XVIII века европейский образ жизни, оказались в положении иностранцев в родной стране, то есть в положении людей, которым

искусственными методами следует обучаться тому, что обычно люди получают в раннем детстве непосредственным опытом. Чужое, иностранное приобретает характер нормы. Правильно вести себя – это вести себя по-иностранному, то есть некоторым искусственным образом в соответствии с нормами чужой жизни. Помнить об этих нормах так же необходимо, как знать правила родного языка для корректного им пользования⁸¹.

В то же время Лотман довольно путано говорит о том, что дворянину нельзя было лишаться «внешнего» – то есть русского – взгляда на европейские обычаи, которым он обучался, «ибо для того чтобы постоянно ощущать собственное поведение как иностранное, надо было *не быть* иностранцем», «<...> надо было не становиться иностранцем, а вести себя *как* иностранец». Таким образом, «для русского XVIII века исключительно характерно то, что дворянский мир ведет жизнь-игру, ощущая себя все время на сцене, народ же склонен смотреть на господ как на ряженных, глядя на их жизнь из партера»⁸².

А. Шёнле и А. Л. Зорин в предисловии к недавно вышедшей коллективной монографии о самоощущении русской европеизированной элиты в период с 1762 по 1825 год подчеркивают, что, хотя теория Лотмана «точно характеризует театральность придворной культуры», она не всегда может быть применима к описанию жизни дворян или – что для нас особенно важно – к описанию их речевого поведения. Эта теория

основывается на дихотомии публичной сферы и приватной жизни, которая отсутствовала в реальности, так как публичная и приватная жизнь дворян были тесно переплетены <...>. Более того, [в ней] содержится противопоставление подлинности и искусственности, что не только неверно характеризует амбивалентные структуры чувствования и самоощущения дворянства, но и не может объяснить синкретичные и, если речь идет о языке, макаронические стратегии, которые знать зачастую применяла, осваивая поведенческие коды и средства выражения, актуальные для того времени⁸³.

Идеи Лотмана о дуализме, присущем русской культуре, и о том, что европеизированные дворяне были вынуждены играть роль иностранцев в родной стране, подкрепляют его третью мысль: культурная ситуация, сложившаяся в России, и сама русская история являются исключительными или даже уникальными⁸⁴. Это представление, которое явно или неявно присут-

---

⁷⁹ Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман. Избранные статьи. Т. 1. С. 249.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 249.

⁸² Там же. С. 250; выделено Лотманом. Лотман не приводит данные источников о том, что думал или чувствовал «народ». Вполне вероятно, что достоверных свидетельств об этом просто не существует.

⁸³ Schönle, Zorin. Introduction. P. 12. В целом Шёнле, Зорин и Евстратов отвергают «бинарное представление», которое «подчеркивает идеологический, культурный и поведенческий барьер между европеизированной элитой и находящимся под ее властью необразованным простонародьем» (Ibid. P. 10).

⁸⁴ Кроме того, Лотман нередко высказывает мысль о том, что изучение русской культуры с точки зрения семиотики имеет

ствовало во многих произведениях золотого века русской литературы об отношениях России и Запада и к которому мы еще не раз обратимся на страницах этой книги, также имело широкое распространение в научной литературе⁸⁵. Строго говоря, утверждение об уникальности России невозможно отрицать в силу его очевидности. Да и какие государство, регион, город или сообщество нельзя назвать уникальными, особенно если они – как в случае с Россией – отличаются этническим и культурным разнообразием?⁸⁶ Но быть уникальным в каком-то смысле вовсе не значит быть исключительным. Заявления о русской исключительности или уникальности не казались бы такими необоснованными, если бы существовали доказательства того, что присутствующие в русской культуре черты совершенно нехарактерны (или характерны в гораздо меньшей степени) для культур, с которыми ее сравнивают. Однако многие заключения Лотмана о русской культуре при ближайшем рассмотрении оказываются с некоторыми оговорками приложимы к культуре других народов, как европейских, так и нет, как в исторический период, интересовавший Лотмана, так и в другие эпохи. Не найдется ли свидетельств того, что и в других культурах то, что воспринималось как «новое», на самом деле имело корни в далеком прошлом?⁸⁷ Безусловно, даже самое поверхностное ознакомление с топонимикой других стран позволило бы опровергнуть лотмановское положение о том, что частота слова «новый» в русских географических названиях свидетельствует об особом восприятии русскими своей истории как «цепи взрывов»⁸⁸. Каковы доказательства того, что способность русских дворян сознательно или бессознательно наделять разные поведенческие регистры разным значением отличала их от представителей благородного сословия в других странах?⁸⁹ И правда ли, что театрализованное поведение или способность играть определенную роль перед низшим сословием выделяли русскую элиту по сравнению с элитами других стран? Безусловно, Лотман прав, говоря о том, что «перенесенные с Запада формы бытового поведения и иностранные языки, делавшиеся нормальным средством бытового общения в русской дворянской среде, меняли при такой пересадке функцию»⁹⁰. Иначе говоря, бытовые нормы, которые были «естественными и родными» на Западе, при переносе на русскую почву «становились оценочными, они, как и владение иностранными языками, повышали социальный статус человека»⁹¹. Однако очевидно, что Россия не единственная страна, где привнесенные нормы поведения или иностранные языки в какой-то степени изменили свою функцию. И не являются ли такие изменения вполне естественными в ситуациях, когда привилегированная группа желает отграничить себя от остальных членов общества, используя для этого иностранный язык?

Получается, Лотман либо не учитывает возможность того, что выявленные им значимые характеристики русской культуры могут быть обнаружены и в культурах других стран, либо не

исключительную ценность и подтверждает обоснованность его теории культуры. См. предисловие автора в: *Lotman, Uspenskij. The Semiotics of Russian Culture*. P. xiii – xiv, и в: *Лотман Ю. М. Тезисы к семиотике русской культуры // Статьи по семиотике культуры и искусства*. СПб., 2002. С. 226–236.

⁸⁵ «Для многих западных историков-русистов вопрос об уникальности страны – это вопрос веры, – отмечает Доминик Ливен. – Для многих русских людей вера в уникальность страны – это основа истинного религиозного чувства». (Пер. с англ. изд.: *Lieven D. Empire. The Russian Empire and Its Rivals*. London, 2003. P. X. Ср. весьма неточный перевод этой фразы в: *Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. М., 2007. С. 15.) Среди западных историков, упомянутых в этой книге, можно отдельно отметить Дж. Хоскинга, поддерживающего идею об исключительности России, которую он связывает с поздним и замедленным развитием национального самосознания и с освоением русской элитой большого пласта чужеродной культуры. *Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917)*. Смоленск, 2001.

⁸⁶ О гетерогенности, характеризующей русскую культуру, см. в предисловии авторов в: *Lotman, Uspenskij. The Semiotics of Russian Culture*. P. xiii.

⁸⁷ *Лотман, Успенский*. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры.

⁸⁸ *Лотман*. Тезисы к семиотике русской культуры. С. 226–236.

⁸⁹ *Он же*. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. С. 248–268.

⁹⁰ *Лотман*. Тезисы к семиотике русской культуры. С. 226–236.

⁹¹ Там же. С. 233.

придает этому факту должного значения⁹². В действительности же сопоставительный анализ бытового поведения аристократической элиты в многонациональных империях и исследования двуязычия высших сословий и развития культурного национализма в среде угнетенных или отстающих в своем развитии групп в Европе XIX века дают достаточно доказательств того, что Россия имела много общего со своими западными соседями, хотя в то же время во многом от них отличалась, и мы постараемся показать это, анализируя бытование французского языка и отношение к нему в России. По этой причине мы не будем использовать примеры франко-русского билингвизма в качестве подтверждений лотмановского тезиса об исключительной природе русской культуры, хотя, безусловно, нельзя не признать, что каждый случай исторической франкофонии в европейских странах имеет свои особенности⁹³.

Подводя итоги, отметим, что в своем исследовании речевого поведения и споров о языке в Российской империи мы будем учитывать представления русских писателей и мыслителей о русской культуре и идентичности – представления, которые противопоставляли Россию воображаемой внешней сущности («Западу») и воспроизводили эту оппозицию внутри России. Кроме того, мы обратим особое внимание на устойчивый дискурс в русской литературе и в исследованиях о ней (на которые Лотман оказал большое влияние) об исключительности русской культуры, не в последнюю очередь ввиду того внутреннего напряжения, которое порождала в ней эта оппозиция. Наше исследование бытования иностранных языков в Российской империи призвано показать, насколько тесными были отношения России с другими культурами. Однако мы не станем слепо принимать на веру тезис об особом положении России, который часто встречается в научных трудах, и распространенное мнение о том, что языковая и культурная разнородность оказывала на общество пагубное влияние, затрагивая разные уровни социального устройства. Мы укажем на то общее, что было у России с другими европейскими странами, и на то, что делало ее особенной. В целом мы хотели бы показать, какую роль франкофония в Российской империи сыграла в обмене информацией, направленном как с запада континента на восток, так и с востока на запад, что привело к тому, что Россия стала более интегрированной в европейское общество и в культурное пространство Европы несмотря на то что в российских спорах о языке подчеркивались противоположные последствия, разделение и потерянности.

---

⁹² Порой Лотман прямо отрицает, что подобные явления существовали и на Западе. Например, он с уверенностью утверждает, что «субъективная „европеизация“ быта не имела ничего общего с реальным сближением с западным укладом жизни, и, одновременно, *определенно* тяготела к конституированию таких антихристианских форм, которые были *решиительно невозможны в быту христианского Запада*» (Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Литературоведение / Отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту, 1977. С. 3–36, здесь с. 33. Курсив наш).

⁹³ Как нам представляется, подход Шёнле и Зорина к вопросу об исключительности русской культуры оказывается ближе к лотмановскому, чем наш, хотя и с некоторыми оговорками. Сравнивая Россию с Японией и Турцией, где военная, экономическая, технологическая и культурная модернизация также проходила быстрыми темпами (в конце XIX и начале XX века соответственно) и была призвана спасти эти страны от «уничтожения» более развитыми соперниками, они утверждают, что только в России государство считало производимую по инициативе сверху европеизацию узкого слоя высшего общества «более эффективной и зачастую более безопасной, чем коренные социальные и политические преобразования». Наиболее характерной чертой русской модернизации и вестернизации, отличающей случай России от японской и турецкой модели, было то, что «представители мейдзинской, оттоманской и, впоследствии, кемалистской элиты стремились *стать похожими* на европейцев или в некоторых случаях на американцев, тогда как русские дворяне старались *быть* европейцами» (ср. процитированное выше замечание Лотмана, что русские стремились *вести себя как европейцы*). Более того, мироощущение и самоощущение, выработанные европеизированной элитой в России, которые являются объектом исследования Шёнле, Зорина и Евстратова, «было совершенно новым и особым социальным, антропологическим и психологическим феноменом» (Schönle, Zorin. Introduction. P. 2–5; курсив Шёнле и Зорина). Мы снова сталкиваемся с идеей об исключительности, обосновать которую достаточно сложно.

Империя, нация и язык

Изучая проблему франко-русского билингвизма, мы должны рассмотреть ее не только в контексте дискурса о взаимоотношениях России с Западом, который является важной темой русской литературы, философии и исторической науки, но и в контексте научных споров об империях и нациях, которые разворачивались на протяжении последних трех-четырех десятилетий. Действительно, дореволюционная Россия может быть описана, с одной стороны, как многонациональная империя, а с другой – как нация. То, что в русском языке существует несколько слов для обозначения принадлежности к России, свидетельствует о разнице между государством как политическим образованием («российский») и нацией как культурным сообществом («русский»), на что обратил внимание Дж. Хоскинг⁹⁴. Для нас важно учитывать это различие, в своей книге мы попытаемся определить, что именно – принадлежность к империи или к нации – имело важнейшее значение для элиты и как это отразилось на языковом сознании.

Империя, утверждает Д. Ливен, «по определению обширна и разнообразна». Это одновременно и «могучая держава, чье влияние на международные отношения в конкретный период времени весьма значительно», и «государство, которому подвластны огромные территории и многочисленные народы, ведь одной из важнейших и постоянных задач империи является необходимость контролировать обширные пространства, население которых весьма многообразно по этническому составу»⁹⁵. Российская аристократия сама по себе была полиэтнической, наглядным свидетельством чего является Военная галерея Эрмитажа в Санкт-Петербурге, где представлено более 300 портретов высокопоставленных офицеров, участвовавших в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 годов⁹⁶. Более того, будучи частью проекта по формированию империи, предпринятого российскими правителями XVIII–XIX веков, и, соответственно, перенимая с их подачи западную культуру, российская аристократия обрела идентичность, которую можно считать в некоторой степени надэтнической. Такой характер российской элиты особенно проявлялся в использовании иностранных языков и прежде всего французского, что, безусловно, резко изменило культурный статус России в Европе. Кроме того, такая идентичность служила фактором, объединяющим русскую элиту, помогая ее ассимиляции, несмотря на культурные и этнические различия входивших в ее ряды людей, и была показателем их высокого положения.

Не существует единого мнения насчет того, какой из процессов предшествовал другому: появление русской нации или формирование империи, которое началось еще в середине XVI века, во времена правления Ивана IV (Ивана Грозного). По мнению Хоскинга, создание империи требовало так много ресурсов и усилий, что оно «помешало формированию нации», иначе говоря, «Россия воспрепятствовала расцвету Руси»⁹⁷. В то же время Ливен считает, что, хотя Россия до середины XVI века еще не была нацией в современном смысле слова, она дальше продвинулась по этому пути, чем большинство европейских народов того времени, о чем свидетельствовал использовавшийся тогда «термин „Святая Русь“ – объединяющий страну, народ, церковь и правителя»⁹⁸. Гэри Хэмбург также считает, что русская национальная идентичность, которая фактически представляла собой «прототип настоящей национальной принадлежно-

---

⁹⁴ Хоскинг. Россия: народ и империя. С. 5.

⁹⁵ Lieven. Empire. P. 89, XIV.

⁹⁶ См.: Offord D. et al. Introduction // Offord D., Ryazanova-Clarke L., Rjéoutski V., Argent G. (Eds). French and Russian in Imperial Russia. Edinburgh, 2015. Vol. 1. P. 1–24, здесь p. 1–2.

⁹⁷ Хоскинг. Россия: народ и империя. С. 6.

⁹⁸ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 379.

сти», зародилась не позднее середины XVI века⁹⁹. Однако насколько бы ни было развито чувство национальной принадлежности в XVI и XVII веках, особое внимание следует обратить на новый характер отношений России с западными соседями, установившихся в XVIII и XIX столетиях после реформ Петра Великого. Новое отношение к собственной национальной идентичности было обусловлено, особенно если речь идет о XIX веке, тем фактом, что политическая лояльность в это время выстраивалась вокруг понятия нации. Конечно, это новое отношение также было связано с влиянием европейских идей и течений, которые в то время начали проникать в Россию, включая набирающий силу национализм.

У чувства солидарности, лежащего в основе национального самосознания, могут быть разные источники: общая религия, предпочтение определенных политических институтов и образа жизни. Довольно часто в ряду этих источников называют и язык¹⁰⁰. Если говорить о Московской Руси, то в ней зарождающееся национальное самосознание также основывалось на языковых, религиозных, территориальных и политических факторах. Хэмбург указывает, что в «Степенной книге» подчеркивается, насколько сильную угрозу для Руси представляли «чужеземные племена» – татары, которые говорили на «непонятном языке» и навязывали «чужеземные варварские языки» тому «роду», что населял эту землю¹⁰¹. Однако только в конце XVIII – начале XIX века появляется мысль о том, что язык имеет большое значение и является характерной особенностью этнической группы, которая может стать нацией. В это время возрастает интерес к вопросам происхождения и истории языков, появляется тенденция к восхвалению родного наречия и критике чужих языков¹⁰². Ведущую роль в дискуссиях о происхождении и функциях языков играли немецкие философы, выступавшие против идеологии Просвещения, особенно Иоганн Георг Гаман и Иоганн Готфрид Гердер¹⁰³. «Есть ли у народов, особенно диких, что-то дороже языка их предков? – риторически вопрошает Гердер в «Письмах для поощрения гуманности». – В нем заключены все богатства их мысли, их традиции, история, религия, принципы жизни, их сердце и душа. Лишить такие народы их языка – все равно что забрать у них их бессмертное достояние <...>»¹⁰⁴. Иоганн Готлиб Фихте в своих патриотических «Речах к немецкой нации» (1807) идет еще дальше. Он считает немецкий язык свидетельством превосходства немцев над другими народами: над французами, потому что в немецком меньше латинских заимствований, и над другими народами германского происхождения, потому что «немцы говорят на языке, живом вплоть до его первого истечения из естественной силы, остальные германские племена – на языке, оживленном только лишь на поверхности, но в корне мертвом»¹⁰⁵. Согласно Фихте, язык не только выражает национальный характер (поскольку его носители являются выразителями коллективного знания народа), но и определяет самих людей: по мнению Фихте, «гораздо в большей степени язык образует людей, чем люди образуют язык»¹⁰⁶.

⁹⁹ *Hamburg G. M. Russia's Path toward Enlightenment: Faith, Politics and Reason, 1500–1801. New Haven; London, 2016. P. 76.*

¹⁰⁰ Особенно это относится к обществам, которые начали осознавать себя как нации в XIX веке. См.: *Seton-Watson H. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. London, 1977. P. 9–10; Lieven. Empire. P. 172.*

¹⁰¹ *Hamburg. Russia's Path toward Enlightenment. P. 75–76.*

¹⁰² Об этих идеях и сопутствовавшем им интересе к национальной культуре см.: *Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. London, 1978. Ch. 1.*

¹⁰³ Об этих спорах и их значении в контексте разговора о России см.: *Hamburg G. M. Language and Conservative Politics in Alexandrine Russia // Offord, Ryazanova-Clarke, Rjéoutski, Argent (Eds). French and Russian in Imperial Russia. Vol. 2. P. 118–138, особенно p. 121–123.*

¹⁰⁴ *Herder J. G. Briefe zur Beförderung der Humanität. 10 vol. Riga, 1793. B. 1. S. 146.*

¹⁰⁵ *Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб., 2009. С. 125. См. также: Hamburg. Language and Conservative Politics. P. 122–123.*

¹⁰⁶ *Фихте. Речи к немецкой нации. С. 112.*

Параллельное развитие национального и языкового самосознания у европейских народов раннего Нового времени было тесно связано с другими процессами, о важной роли которых в проектах, нацеленных на формирование нации, говорят исследователи национализма, и в частности Бенедикт Андерсон¹⁰⁷. Одним из этих процессов является формирование нормативной и полифункциональной литературной разновидности конкретного языка. Как замечает Стивен Барбур, кодифицированная языковая норма, четко отграниченная от всех других разновидностей языка, позволяет языку обрести «фокус и идентичность, которых в нем, возможно, не было прежде». Следовательно, «формирование наций и четкое разграничение языков – это взаимосвязанные процессы»¹⁰⁸. Еще один процесс, связанный с развитием национального и языкового самосознания, – это появление литературного сообщества, способного создать корпус образцовых текстов. Эдриан Хастингс считает, что этносы (хотя и не все) превращаются в нации, когда письменная форма их языка постоянно используется для создания обширной и живой литературы¹⁰⁹. Фактором, стимулирующим формирование национального самосознания, является также развитие книгопечатной культуры: работа книгоиздательств, выпуск периодики, деятельность критиков, диктующих вкусы и нормы, – все, что обеспечивает распространение новой литературы. В России все названные нами процессы берут начало в XVIII веке, особенно во второй его половине¹¹⁰. Эти процессы подготовили почву для создания в XIX веке собственной литературы на русском языке, которая во многом послужила основой для создания воображаемой нации, сконструированной или, вернее, реконструированной после европеизации XVIII века.

Здесь следует остановиться и сделать два замечания о роли языкового сознания в формировании национального самосознания в России XVIII–XIX веков. Во-первых, язык приобретает первостепенную важность, становится основой национального самосознания, вероятно, в том случае, если другие факторы, дающие ощущение национального единства, – например, религиозная принадлежность или представление об идеальном устройстве общества – по каким-то причинам ставятся под сомнение. Вследствие широкого распространения западных идей в России XVIII–XIX веков авторитет православной церкви и самодержавия пошатнулся, в результате чего среди представителей элиты произошел идеологический раскол. Кроме того, формирование нации в значительной степени осложнялось географическими факторами. Ингрид Клиспис в недавней монографии о топосе кочевничества в русской культуре утверждает, что историческое существование нации начинается только тогда, когда у нее появляется собственная территория, «родина», с четко очерченными границами¹¹¹. Однако в XII–XIII веках центр русского государства сместился из Киева на север, сначала во Владимир, а затем в Москву. Впоследствии постоянное расширение границ империи, существование маргинальных регионов, в которых обитали вражеские кочевые племена и отстаивающие свою независимость казаки, не позволяли определить точное положение границы государства, пролегающей в бескрайней Евразийской степи. Как отмечает Вера Толц, начиная с XVIII века обширность территории становится важнейшим пунктом национального дискурса и источником национальной гордости, однако при этом затрудняет процесс национального самоопределения¹¹². В таких обстоятельствах язык становится сильнейшей объединяющей силой, играющей существенную роль в формировании современной концепции нации, подтверждением чему может служить национальная литература, которая складывается в России в XVIII–XIX веках.

---

¹⁰⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

¹⁰⁸ Barbour S. Language, Nationalism, Europe // Barbour S., Carmichael C. (Eds). Language and Nationalism in Europe. Oxford, 2000. P. 1–17, здесь p. 13.

¹⁰⁹ Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997. P. 12; см. также p. 19–20.

¹¹⁰ См. об этом: Marker G. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia 1700–1800. Princeton, 1985.

¹¹¹ Kleespies I. A Nation Astray: Nomadism and National Identity in Russian Literature. DeKalb, 2012.

¹¹² Tolz V. Russia. London, 2001. P. 159, 162–164; Kleespies. A Nation Astray. P. 195, n. 13.

Во-вторых, как это ни парадоксально, французский язык, распространенный в России в XVIII–XIX веках, сыграл важную роль в развитии русского языка и становлении национального самосознания. В процессе развития русского литературного языка лексика, фразеология и стилистические модели заимствовались в том числе и из французского. Литература на французском стала каналом, через который проникали жанровые модели, сюжеты и темы, взятые на вооружение авторами, создававшими национальную литературу, в которой нашло отражение русское самосознание. Возможно, именно французскому языку классическая русская литература обязана своей многогранностью, способностью сочетать в себе разные точки зрения и, как следствие, всеохватностью – теми качествами, которые писатели, недовольные франко-русским двуязычием, считали важнейшими в родной культуре¹¹³. Кроме того, активное использование французского языка задевало национальную гордость, что, вероятно, способствовало развитию русской литературы в эпоху, когда в других европейских странах начали ценить языки главных этнических групп или скорее их литературные варианты.

Пока мы говорили только о чувстве национального самосознания и о том, как языковое сознание и сам язык могут быть с ним связаны. Однако необходимо принять во внимание еще и тот факт, что национальное самосознание зачастую трансформируется в национализм. Этот процесс, который историки связывают с модерностью, оказал большое влияние на политическую историю Европы в конце XVIII века и в XIX столетии¹¹⁴. В своем известном исследовании о русской культуре XVIII столетия, написанном более полувека назад, Ханс Роггер сделал по сей день не потерявшее своей актуальности замечание о различии между национальным самосознанием и национализмом, подчеркнув, что каждое из этих понятий характеризует определенный период русской истории. Несмотря на некоторую близость, эти феномены различны по своим задачам, целям и сути:

Национальное самосознание – это <...> осознанное стремление членов общества к общим идентичности, характеру и культуре. Это отражение этого стремления в искусстве и светской жизни, характерное для определенного этапа развития, на котором мыслящие личности смогли освободиться от анонимности, найти способ контактировать и коммуницировать друг с другом. Национальное самосознание предполагает постоянные контакты с чужими традициями, а также существование класса или группы людей, способных реагировать на это влияние; более того, для его формирования необходимо существование светского культурного сообщества или предпосылок к его появлению. В России эти условия сложились – и только и могли сложиться – в XVII веке.

Национализм выходит за пределы поиска или создания национального самосознания. В России XIX века, как и в других странах, он представлял собой всестороннюю систему идей, идеологию, которая, основываясь на конкретном национальном опыте, пытается дать ответы на вопросы морального, социального и политического толка. Это больше, чем представление о национальной идентичности, больше, чем поиск национальных основ; национализм объявляет, что они уже найдены и никогда не утратят своей значимости. Это философия, оценочное суждение, метафизика. Основание национализма – вера, а не разум. И как бы он ни был

---

¹¹³ Подробнее об этом см. в последней части главы 9.

¹¹⁴ Модерность этого феномена описана в таких классических работах, как *Gellner* (1983, рус. пер. 1991) и *Hobsbawm* (1990, рус. пер. 1998). Противоположный взгляд, отвергающий «модерную» теорию появления «наций», см. в: *Hastings* (1997). Ch. 1, особенно п. 8 и далее.

толерантен по отношению к другим верам, русское он ценит гораздо выше, чем все остальное¹¹⁵.

Кроме того, важно принять во внимание замечание Энтони Смита, который разграничивал «политическую» и «культурную» формы национализма¹¹⁶. Сторонники политического национализма могут стремиться укрепить лояльность общества по отношению к политической системе или политическим институтам, правовым принципам или системе ценностей. По большей части это государственные деятели, законодатели и пропагандисты. Примером такого типа национализма может послужить сформулированная в 1833 году теория официальной народности, которая насаждалась российскими властями в николаевскую эпоху и провозглашала важнейшими национальными началами самодержавие, православие и национальную принадлежность, обозначенную расплывчатым термином «народность»¹¹⁷. Напротив, приверженцы культурного национализма желают возродить то, что они считают, по выражению Смита, «общностью единого происхождения» («community of common descent»), в котором первостепенное значение имеют происхождение, семейные узы и родная культура¹¹⁸. Сюзанна Рэбоу-Эдлинг причисляет к представителям национализма второго типа славянофилов и пишет о том, что «юридическое, рациональное понятие гражданства» культурные националисты заменяли «куда более расплывчатым понятием „народ“, которое возможно понять лишь интуитивно»¹¹⁹. Считая «народ» «высшей инстанцией», они высоко ценили национальную культуру. В большинстве случаев сторонниками этой идеологии являлись не политики, а представители интеллигенции, мыслители, творческие люди и ученые. Язык как основа национальной идентичности имел для них большую важность, что подтверждается присутствием в их рядах лексикографов, филологов и фольклористов¹²⁰. Это культурное или этническое понимание нации, построенное на принципе исключения чужого, в XIX веке получило широкое распространение в кругах русских литераторов и интеллигенции¹²¹.

Итак, завершая разговор о языке и национальности, нам следует вернуться к двум взаимосвязанным вопросам, на которых мы остановились в первом разделе введения, когда перечисляли мнения о возможных негативных последствиях использования французского языка для русского дворянства. Первый из них касается способов воображения, конструирования идентичности. Национализм культурного толка стремится выработать так называемую «примордиалистскую» концепцию коллективной идентичности, понимаемой как неизменное явление, обусловленное кровными узами, общим происхождением, а также определенными языком и культурой. Однако, как пишет П. Р. Магочи, наряду с примордиалистской, распространена «ситуативная» («situational») или «опциональная» («optional») концепция идентичности, которая позволяет человеку сознательно усиливать или затушевывать ту или иную часть своей идентичности в зависимости от обстоятельств. Магочи указывает, что в большинстве социальных ситуаций людям приходится иметь дело со множеством разных социальных и политических образований и так или иначе обозначать свою лояльность по отношению к ним. Это могут быть семья или племя, сословие, церковь, клубы, деревня или город, регион или государство, а если речь идет о многонациональном государстве, человеку может быть необходимо прояв-

---

¹¹⁵ Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1960. P. 3–4.

¹¹⁶ См., в частности: Smith A. D. National Identity. London, 1991. Ch. 1. См. также: Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London, 1987. Ch. 1.

¹¹⁷ О теории официальной народности см., в частности: Riasanovsky N. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley; Los Angeles, 1959.

¹¹⁸ Smith. National Identity. P. 11.

¹¹⁹ Rabow-Edling S. Slavophile Thought and the Politics of Cultural Nationalism. Albany; N. Y., 2006. P. 64–65.

¹²⁰ Smith. National Identity. P. 12.

¹²¹ Об интеллигенции см. последний раздел главы 1.

лять лояльность нескольким разным национальным идентичностям в одно и то же время¹²². Сообществам, в которых идентичность выстраивалась в оппозиции к другим сообществам, чему способствовало распространение националистских настроений, как это было, например, в случае с русскими литераторами и интеллигенцией XIX века, безусловно, ближе был примордиалистский взгляд. При этом представителям надэтнической российской аристократии множественная, гибридная или текучая идентичность (подданный Российской империи, глава семьи, вельможа, европейский аристократ) могла быть весьма понятной и приемлемой. Вследствие этого мы не можем принять как данность точку зрения о том, что разные идентичности являются взаимоисключающими, или что для человека всегда психологически сложно одновременно испытывать на себе разные культурные влияния¹²³.

Второй пункт касается выбора языка и сигналов лояльности, трансляцию которых этому выбору могли приписывать. Интерес к изучению неродного языка может выступать в объединяющей роли, иными словами, пользование иностранным языком – это способ самоидентификации с другим сообществом. Русские аристократы XVIII века действительно могли считать, что владение французским языком помогает им установить различные связи: с аристократами из Франции и других европейских стран, со сторонниками философии Просвещения или даже с французской нацией времен Старого порядка. Однако, обучая своих детей французскому языку, русские дворяне XVIII и XIX веков стремились, без сомнения, в первую очередь как можно лучше подготовить их к жизни дворянина в России, где без владения французским языком нельзя было иметь успех в высшем обществе или получить высокий чин на государственной службе. Подобные мотивы для изучения языка можно рассматривать как чисто утилитарные, ведь в их основе лежат прагматические цели, а эмоциональная связь с народом, для которого этот язык является родным, и с характерным для этого народа государственным устройством вовсе не обязательна¹²⁴. В любом случае аристократическая культура Старого порядка, с которой русская знать XVIII века могла ощущать связь, была уничтожена в ходе революции, начавшейся в 1789 году. Впоследствии, в XIX веке, французский язык могли связывать с другими явлениями. Его вполне могли ассоциировать с Наполеоном; с ненавистными аристократии экономическими, социальными и культурными изменениями, вроде укрепления позиций капитализма и буржуазного общества времен Июльской монархии Луи-Филиппа (1830–1848); с революционными волнениями (1830 и 1848 годов); с развитием социалистических идей и реалистической литературы, важным жанром которой был физиологический очерк, изображавший жизнь людей из низких сословий¹²⁵. Однако, если в XIX веке русское дворянство продолжало высоко ценить французский язык, это было вовсе не потому, что оно питало любовь к французской нации или восхищалось современной ей французской цивилизацией.

Таким образом, мы предполагаем, что к началу XIX века французский язык был усвоен высшим русским обществом как язык внутренний, если можно так выразиться, поскольку люди, которые им владели, не обязательно расценивали его как нечто чужеродное. А если язык воспринимается как нечто естественное для определенной группы людей, то вопрос о том, демонстрируют ли они, говоря на нем, свою лояльность по отношению к иностранным властям

---

¹²² Magocsi P. R. *The Roots of Ukrainian Nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont*. Toronto; Buffalo; L., 2002. P. 45–46.

¹²³ Вопросу о «текучей, подвижной, гибридной и множественной идентичности» также уделяется особое внимание в *Schönle, Zorin, Evstratov* (Eds). *The Europeanized Elite in Russia*. P. 13.

¹²⁴ О том, был ли выбор языка осознанным, см. второй раздел главы 6, в котором идет речь о личной переписке. С XVIII века сохранилось довольно мало металингвистической информации, замечаний о выборе языка, принадлежащих светским людям, в среде которых французский язык наиболее активно использовался.

¹²⁵ С каким множеством разных вещей могло ассоциироваться использование того или иного языка, хорошо показывает пример франкоговорящей румынской националистической интеллигенции XIX века. См. об этом: *Mihaila I. The Beginnings and the Golden Age of Francophonie among the Romanians* // Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). *European Francophonie*. P. 337–370, особенно р. 346 и далее.

и народам или предают свой народ, будет совершенно бессмысленным для представителей этой группы. Конечно, те, кто не входит в эту группу и оценивает ситуацию со стороны, могут иметь иное мнение на этот счет.

Социолингвистический подход

В нашей книге в числе прочего рассматриваются вопросы, находящиеся в компетенции социолингвистики, которая предлагает полезный инструментарий для изучения этих проблем. Ключевым для нас является важнейший вопрос социолингвистики, сформулированный много лет назад Джошуа Фишманом: «Кто говорит на каком языке, с кем и когда?»¹²⁶ Мы покажем, что в России XVIII–XIX веков французский – как в письменной, так и разговорной форме – использовался в разных сферах и имел различные функции. Значительную часть указанного периода, особенно на некоторых его этапах, французский был языком дипломатии и служил для налаживания социальных контактов с иностранцами. Это был *lingua franca*, позволявший подданным Российской империи транслировать определенный образ своей страны внешнему миру, вести культурную пропаганду, добиваться поддержки своих взглядов на политику и общественное устройство – как верноподданических, так и оппозиционных. Знание французского обеспечивало коммуникацию с представителями элиты, которые были русскими подданными, но не говорили по-русски или владели этим языком как вторым. Кроме того, и в среде этнических русских французский язык выполнял разные функции. Это был язык двора, престижный язык знати, света, образования, близких семейных и дружеских отношений, язык внутренней переписки в области дипломатии, язык литературы. Однако кроме вопросов использования и выбора языка, нас интересуют и другие социолингвистические проблемы. В частности, мы остановимся на отношении к языку и на проблеме языковых идеологий, ведь «язык и споры о языке дают возможность шире взглянуть на вопросы власти, авторитета и национальной идентичности»¹²⁷. По этой причине мы рассмотрим социолингвистические понятия, касающиеся проблем языкового контакта и реакций на такой контакт. Нашей задачей является диахроническое исследование использования языка и отношения к языковой практике в прошлом, поэтому особую ценность для нас имеют труды по исторической социолингвистике, к которым мы обратимся в начале раздела о методологии. В настоящем разделе мы обозначим основные вопросы, касающиеся выбора и использования языка, а также отношения к нему: билингвизм, идеологические проблемы, связанные с выбором языка, диглоссия и языковая лояльность.

Билингвизм – важнейшая для социолингвистики тема – является центральной и для данного исследования, посвященного многоязычной части русского общества, поэтому мы начнем с рассмотрения этого понятия и напомним, какие типы и степени билингвизма выделяют социолингвисты. Во-первых, подчеркнем, что билингвизм интересует нас как социальное и политическое явление, мы не будем рассматривать его с точки зрения развития личности, неврологии или психологии, хотя эти проблемы также представляют научный интерес¹²⁸. Во-вторых, существует разница между «социальным» и «индивидуальным» билингвизмом¹²⁹. Конечно, говоря об императорской России, мы имеем дело прежде всего с феноменом социального билингвизма, поскольку существенная часть дворянского сословия стремилась овладеть французским языком, хотя, конечно, двуязычное общество состоит из индивидуумов, владеющих двумя языками. По этой причине мы должны, в-третьих, пояснить, кто подразумевается

---

¹²⁶ Это название основополагающей статьи Фишмана: *Fishman J. A. Who Speaks What Language to Whom and When? // La Linguistique. 1965. P. 67–88*. На русском языке см. в: Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 2012. С. 63–83.

¹²⁷ *Gorham M. S. Linguistic Ideologies, Economies, and Technologies in the Language Culture of Contemporary Russia (1987–2008) // Journal of Slavic Linguistics. 2009. 17:1–2. P. 163–192, здесь p. 168–169.*

¹²⁸ *Romaine. Bilingualism. P. 7–8.*

¹²⁹ Явление «социального билингвизма» подробно рассмотрено в: *Hoffmann C. Introduction to Bilingualism. London, 2014. P. 157–174.*

под термином «билингв». Билингвы бывают очень разные: это и те, кто «унаследовал» второй язык, и те, кто освоил его не в самом раннем детстве, и люди, которые одним языком владеют лучше, чем другим(и). Определить уровень владения языком в каждом отдельном случае – сложная задача: насколько хорошо человек должен знать язык, чтобы его можно было назвать «билингвом»? Существует мнение, что функциональному билингвизму можно дать два определения: «максималистское» (люди, обладающие высокой степенью компетенции в обоих языках и способные применять их в самых разных сферах) и «минималистское» (те, кто «может использовать второй язык только для некоторых, строго определенных видов деятельности и владеет небольшим количеством грамматических правил и ограниченным словарным запасом, необходимым для решения поставленной задачи») ¹³⁰.

Разграничение максималистского и минималистского определений билингвизма важно для нас, потому что, как указывает С. Ромейн, разные культуры «могут иметь разные представления о том, кто может считаться компетентным членом данного языкового сообщества» ¹³¹. Возможно, когда мы читаем в первичных источниках о том, что знать не говорила по-русски, авторы этих текстов вовсе не имели в виду, что дворяне совершенно не знали русского языка. Вероятнее всего, они подразумевали, что отдельные носители, говоря на родном языке (по крайней мере в определенных ситуациях), не соответствовали максималистским критериям, которым, безусловно, соответствуют далеко не все, кого социолингвисты считают билингвами. Кроме того, нельзя не учитывать и то, какие навыки оцениваются. Одинаково ли хорошо человек читает, пишет, говорит на языке и понимает его? Люди не всегда одинаково свободно пользуются языком во всех сферах, да и не везде это может быть необходимо ¹³². На самом деле владение двумя языками в равной степени, или «симметричный билингвизм», едва ли можно наблюдать на социальном уровне, ведь, по замечанию Ромейн, любое «общество, состоящее из билингвов, в равной степени хорошо владеющих обоими языками и с успехом применяющих это умение во всех сферах, скоро перестанет быть двуязычным, потому что два языка, используемые для решения одних и тех же задач, никакому обществу не нужны» ¹³³. Учитывая все вышесказанное, в этой книге мы будем пользоваться термином «билингвизм» для обозначения функциональной компетенции в двух языках, которая не требует владения языком на уровне родного или симметричного владения обоими ¹³⁴.

Следует также отметить, что социолингвисты различают «аддитивный» и «субтрактивный» билингвизм, иначе говоря, изучение второго языка может либо привести к расширению языкового репертуара носителя (причем новые навыки не окажут негативного влияния на его умение пользоваться родным языком), либо отодвинуть родной язык на дальний план. По словам Джона Эдвардса, аддитивный билингвизм «возможен только тогда, когда оба языка в одинаковой мере используются и ценятся; классическим примером является билингвизм аристократов и элиты в обществе, где считается естественным и приличным, чтобы каждый образованный человек знал больше одного языка» ¹³⁵. Как мы увидим, во многих случаях франко-русский билингвизм был именно «аддитивным», хотя если бы мы основывались на негативных высказываниях в его адрес, то могли бы посчитать его «субтрактивным», создающим ситуацию, когда русский язык будто бы уходит из активного использования из-за предпочтения носителями французского. И наконец, второй, неродной язык может быть описан как «естественно приобретенный» или «изученный» в зависимости от того, освоил ли его человек через

¹³⁰ *Beardsmore H. B. Bilingualism: Basic Principles. 2nd edn. Clevedon, 1986. P. 12–13.*

¹³¹ *Romaine. Bilingualism. P. 16.*

¹³² *Edwards. Multilingualism. P. 2–3.*

¹³³ *Romaine. Bilingualism. P. 19.*

¹³⁴ О том, что собой представляет билингвизм, см. также: *Myers-Scotton C. Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism. Malden, MA, 2006. P. 38–40.*

¹³⁵ *Edwards. Multilingualism. P. 59.*

контакты с другими носителями или изучал специально по собственному желанию или как часть школьной программы. Для русского дворянства вообще французский язык был «изученным» (именно поэтому в своем исследовании мы так много внимания уделяем вопросам образования), хотя для знати он был в значительной степени естественно приобретенным, поскольку многие отпрыски аристократических семей находились во франкоязычном окружении в процессе воспитания.

Кроме того, не следует принимать на веру некоторые высказывания (как членов двуязычного сообщества, так и ученых) о последствиях билингвизма – например, мысль о том, что он неизбежно окажет неблагоприятное влияние на уровень владения родным языком. В разных обществах существуют разные точки зрения на билингвизм: его могут считать как полезным, так и вредным явлением. Существует мнение, что билингвизм положительно влияет на умственные способности людей: обеспечивает им гибкость мышления, способность быстро и продуктивно порождать новые идеи и так далее, а также что он оказывает положительное влияние на социальные и даже художественные способности человека – например, позволяет вырабатывать чуткость к другим культурам и точкам зрения¹³⁶. Однако билингвизму нередко приписывают и отрицательные свойства. Порой высказывается предположение, что билингвы ни один язык не осваивают настолько хорошо, насколько могли бы. Считается, что умственные усилия, направленные на изучение второго языка, слишком велики, и у человека просто не хватает сил на решение других важных учебных задач. Или что дети-билингвы больше, чем дети, владеющие лишь одним языком, склонны к заиканию¹³⁷. Если говорить о проблемах функционирования общества, которые нас интересуют в первую очередь, то билингвизм часто обвиняют в том, что он ориентирует носителей на иностранную культуру и не дает проявиться их истинной природе. В XVIII–XIX веках в России бытовало мнение, что, забывая или отвергая родной язык, люди обрекали Россию на то, чтобы она навсегда осталась под влиянием Запада и не имела возможности обрести собственный путь. Кроме того, билингвизм может рассматриваться как угроза господствующей группе населения – ему приписывается способность не только размывать идентичность, но и утверждать «точку зрения, отличающуюся от точки зрения большинства, за счет легитимации использования другого языка и прививания людям ценностей, которые этот язык символизирует»¹³⁸. В русской мысли было особенно распространено уже упомянутое мнение о том, что билингвизм может привести к расщеплению личности. Это же подозрение мы встречаем в романе Пола Теру, который сравнивает билингвизм с болезнью: рассуждая об англо-валлийских билингвах, он говорит (надеемся, что не всерьез), что билингвизм – это «зачастую форма шизофрении, позволяющая человеку одновременно иметь в сознании два противоречащих друг другу мнения, ведь эти мнения остаются непереулаженными»¹³⁹. Ромейн напоминает о том, что предубеждение против билингвизма берет свое начало в христианском мифе – истории Вавилонского столпотворения из Книги Бытия, согласно которой языковое разнообразие является божьей карой¹⁴⁰. Однако в этой книге мы будем придерживаться скорее мнения Эдвардса о том, что многоязычие, несмотря на любые опасения, – «это не отклонение от нормы, как полагают многие (вероятно, это в большей степени относится

¹³⁶ Romaine. Bilingualism. P. 112, 114; о положительном и отрицательном влиянии билингвизма на когнитивное, социальное и научное развитие см., в частности, главу 6 (С. 241–287). См. также: Valian V. Bilingualism and Cognition // Bilingualism: Language and Cognition. 2015. 18:1. P. 3–24.

¹³⁷ Исследования, проведенные в последние пятьдесят лет, не подтверждают опасений о негативном влиянии билингвизма на когнитивное развитие детей, а, напротив, указывают на его положительный эффект. Об этом см.: Bialystok E. The Impact of Bilingualism on Cognition // Scott R. A., Buchmann M. C. (Eds). Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource. Hoboken, 2015. P. 1–12.

¹³⁸ Romaine. Bilingualism. P. 251.

¹³⁹ Цитата из романа П. Теру «Королевство у моря» приведена по: Edwards. Multilingualism. P. 225.

¹⁴⁰ Romaine. Bilingualism. P. 321, которая ссылается на Книгу Бытия, 11: 1–9.

к людям из Европы и Северной Америки, говорящим на „большом“ языке)», а нормальное явление и «повседневная необходимость для большей части мира сегодня»¹⁴¹.

Мнения о билингвизме, таким образом, связаны с определенными лингвистическими идеологиями, которые мы понимаем как «культурные представления о природе, форме и назначении языка и о нормах коммуникативного поведения, лежащих в основе коллективного порядка»¹⁴². Здесь будет не лишним вспомнить введенное Пьером Бурдьё понятие языкового рынка, где разные варианты речи имеют разную ценность. На многоязычном рынке выбор языка зависит от его ценности в данном контексте, и те, кто не владеет определенным языком в необходимой мере, не допускаются в некоторые сферы. Такая ценность приписывается разным языкам на основе сконструированных людьми представлений о том, каковы эти языки и для каких целей они нужны, а не на основе их внутренних свойств¹⁴³. Однако выбор языка действительно влечет за собой социальные последствия, весьма значимые, как бы субъективны ни были эти оценки, и носители, которые желают с помощью языка приобрести некий культурный капитал, должны придерживаться предписанных культурной конвенцией правил.

Когда в языковом сообществе сосуществуют два языка или более, один из них может считаться более подходящим или уместным для определенных целей или в определенной ситуации. Поэтому мы не можем обойти вниманием понятие диглоссии, которое описывает именно такой случай. На эту тему, которая привлекает большое внимание ученых в последнее время¹⁴⁴, Чарльз Фергюсон написал известную статью, основываясь на материале арабоязычных стран¹⁴⁵. Франко-русский билингвизм, однако, сложно определить как диглоссию по Фергюсону, то есть как

относительно стабильную языковую ситуацию, в которой, в дополнение к обиходным диалектам языка (в число которых может входить и нормативный вариант или несколько региональных нормативных вариантов), существует резко от них отличающийся, в большой мере кодифицированный (и зачастую грамматически более сложный) наддиалектный вариант – язык многочисленных и авторитетных письменных литературных текстов, созданных либо в более ранний период, либо в другом языковом сообществе, – который изучается преимущественно в образовательных учреждениях и обычно используется в письменной или официальной речи, однако ни одна часть сообщества не использует его в обычной речи¹⁴⁶.

Российскую ситуацию можно скорее назвать диглоссией в понимании Фишмана, который расценивает билингвизм как явление индивидуальное, а диглоссию – как социальное и считает социальную нормификацию билингвизма «характерной чертой диглоссии»¹⁴⁷. Однако результаты нашего исследования не позволяют рассматривать Российскую империю как исключительно диглоссичное общество даже в терминах Фишмана, отчасти потому, что конвенции, обуславливающие выбор языка, были, по всей видимости, не такими жесткими, как часто счи-

¹⁴¹ Edwards. Multilingualism. P. 1. Нам кажется, что за двадцать с лишним лет, прошедших с тех пор, как Эдвардс высказал эту мысль, она не потеряла своей актуальности.

¹⁴² Gal S., Woolard K. A. Constructing Languages and Publics: Authority and Representation // Pragmatics. 1995. 5:2. P. 129–138, здесь p. 130.

¹⁴³ Bourdieu P. Language and Symbolic Power / Ed. by J. B. Thompson, transl. by G. Raymond, M. Adamson. Cambridge, 1991. P. 55, 57, 107.

¹⁴⁴ Чтобы кратко ознакомиться с понятием диглоссии, см. соответствующие разделы работ Edwards (2009) и Coulmas (2013). В книге Hudson (1992) представлен библиографический обзор на эту тему, который и в настоящее время остается актуальным. Дискуссиям об идеях Фергюсона посвящена сравнительно недавняя работа Snow (2013).

¹⁴⁵ Ferguson C. A. Diglossia // Word. 1959. 15. P. 325–340.

¹⁴⁶ Ferguson. Diglossia. P. 336 (у Фергюсона процитированный пассаж дан курсивом).

¹⁴⁷ Fishman J. A. Sociolinguistics: A Brief Introduction. Rowley, MA, 1970. P. 81–83, 88.

тается. По крайней мере, они не были таковыми для мужской части общества: обнаруженные нами свидетельства позволяют предположить, что нарушения языкового этикета женщинами-дворянками – например, разговор на русском языке с мужчинами (кроме мужа) – могли вызывать большее неодобрение со стороны высшего общества, чем подобные поступки со стороны мужчин¹⁴⁸.

Наконец, нам нужно обратиться к понятию языковой лояльности, которое может быть полезным при описании языкового сообщества, где сосуществуют несколько языков. Уриэль Вайнрайх в своей классической работе о языковых контактах пишет о том, что отношения между языком и языковой лояльностью подобны отношениям между национальностью и национализмом, о которых шла речь в предыдущем разделе:

Язык, как и национальность, можно представить как совокупность норм поведения; языковая лояльность, как и национализм, – это образ мышления, при котором язык (как и национальность) как некая целостная сущность, противопоставленная другим языкам, занимает высокое положение в системе ценностей, положение, которое нуждается в «защите»¹⁴⁹.

Защита, о которой говорит Вайнрайх, может быть обеспечена с помощью разных механизмов, которые также хорошо изучены социолингвистикой и которые мы можем в большом количестве наблюдать на примере России имперского периода. Эти механизмы включают в себя повышенный интерес к стандартизации, хвалебные высказывания в адрес защищаемого языка (обычно подкрепленные отвергаемыми большинством социолингвистов домыслами о том, что по природе своей каждый язык обладает определенными качествами или недостатками), языковой пуризм (он может проявляться, например, в недовольстве тем, что язык засоряют заимствованными словами или иными иноязычными элементами) и высмеивание ситуаций, в которых происходит переключение языковых кодов (чередование языков или их вариантов в рамках одного высказывания или текста). Для социолингвистов эти механизмы представляют собой «весьма важные явления, требующие систематического изучения»¹⁵⁰. При этом нельзя не учитывать тот факт, что эти механизмы связаны с вопросами власти, потому что

выбор языка и отношение к языку неотделимы от политических ситуаций, отношений власти, языковых идеологий и взглядов участников коммуникации на собственные идентичности и идентичности других. Постоянные социальные, экономические и политические преобразования влияют на расстановку этих факторов, изменяя доступные субъекту в конкретный исторический момент варианты идентичности и идеологии, которые легитимируют определенные идентичности и наделяют их большей ценностью, чем другие¹⁵¹.

Изучая такие явления, механизмы и связи, мы осознаем, что выбор языка, отношение к языкам и их функциям тесно переплетаются и что языковые идеологии связаны с другими идеологиями, существующими в данную эпоху¹⁵².

---

¹⁴⁸ О различии между использованием языка мужчинами и женщинами см.: *Dmitrieva N., Argent G. The Coexistence of Russian and French in Russia in the First Third of the Nineteenth Century: Bilingualism with or without Diglossia? // Offord, Ryazanova-Clarke, Rjéoutski, Argent (Eds). French and Russian in Imperial Russia. Vol. 1. P. 228–242.* В этой же работе дан обзор литературы о диглоссии.

¹⁴⁹ *Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. L.; The Hague; P., 1966. P. 99.*

¹⁵⁰ *Ibid.*

¹⁵¹ *Pavlenko A., Blackledge A. Introduction: New Theoretical Approaches to the Study of Negotiation of Identities in Multilingual Contexts // Pavlenko A., Blackledge A. (Eds). Negotiation of Identities in Multilingual Contexts. Clevedon, 2004. P. 1–33, здесь p. 1–2.*

¹⁵² *Ricento T. Ideologies, Politics and Language Policies. Amsterdam, 2000. P. 4.*

Вопросы методологии

Как ясно из предыдущих разделов, наше исследование истории французского языка в России является междисциплинарным, затрагивающим проблемы как истории, так и социолингвистики. Постараемся теперь выяснить, насколько сходны методы этих двух дисциплин и можно ли совмещать их в рамках одного исследования. В ходе разговора об этом мы коснемся и некоторых других методологических вопросов.

В 1970-е годы Хью Сетон-Уотсон сетовал на то, что история языка отделена от традиционной политической, экономической и социальной истории¹⁵³, однако в настоящее время положение изменилось. За последние сорок лет многие историки проявляли большой интерес к социальной и политической истории языка¹⁵⁴. Этим обусловлено появление сравнительно новой дисциплины – исторической социолингвистики, метод которой по сути является междисциплинарным¹⁵⁵. Однако и по сей день историки, касаясь вопросов языка, не часто обращаются к трудам социолингвистов, в которых можно обнаружить понятийный аппарат и методологические установки, необходимые для изучения истории языка как социального, политического и культурного явления. В результате историки иногда сталкиваются с трудностями, а их трактовка языковых вопросов страдает неточностью¹⁵⁶.

Действительно, историки, предпочитающие диахронический подход, ведут исследование иначе, чем социолингвисты, которые имеют дело с современным словоупотреблением и используют синхронический подход. Чтобы найти ответы на интересующие их вопросы, социолингвисты имеют возможность разрабатывать собственные инструменты, такие как опросники и запись интервью, которые в силу своей природы недоступны для историков (и для ученых, работающих в сфере исторической социолингвистики, тоже). Они имеют возможность собрать многочисленные достоверные фактические данные, которые высоко ценят социологи. Безусловно, это не значит, что историки и специалисты по исторической социолингвистике не имеют доступа к статистическим данным или не могут их собрать. В нашем исследовании мы будем использовать подобного рода информацию, чтобы осветить определенные моменты

---

¹⁵³ Seton-Watson. Nations and States. P. 11.

¹⁵⁴ См., в частности, основополагающие работы: Burke and Porter (1987, 1991, 1995), Corfield (1991), Robert Evans (1998), Burke (2004). Проблемы языка также поднимаются во многих трудах, принадлежащих исследователям национализма, например Seton-Watson (1977), Anderson (1983), Barbour and Carmichael (2000) и Kamusella (2009).

¹⁵⁵ О проблемах, изучаемых этой дисциплиной, и перспективах, которые она предлагает, см. в: Langer N., Davies S., Vandenbussche W. (Eds). Language and History, Linguistics and Historiography: Interdisciplinary Approaches. Oxford, 2012.

¹⁵⁶ Примером исторического исследования, в котором несколько некорректно представлены языковые проблемы, может служить книга Файджеса, где автор утверждает, что русский литературный язык пребывал в недоразвитом состоянии до некоего момента в начале XIX столетия. Согласно мысли Файджеса, в XVIII веке в русском языке не было «устоявшейся грамматики» (это утверждение отрицает достижения грамматиков XVIII века, включая М. В. Ломоносова) и «четких определений для многих отвлеченных понятий» (хотя к 1794 году была закончена работа над «Словарем Академии Российской» в шести частях, что положило начало решению лексикографических задач). Письменный русский язык был «заумным и непонятным» (исследователи поэзии Ломоносова, драматургии Фонвизина и прозы Карамзина едва ли согласятся с этим!). «Разговорным языком высшего общества» был «главным образом французский» (курсив наш; не слишком ясно, что в данном случае значит «главным образом»). «В русском языке отсутствовали средства для выражения мыслей и чувств, которые лежат в основе лексикона писателя». (Но действительно ли такие средства отсутствовали? Об истории развития литературного лексикона в русском языке с конца XVII века см.: Zhivov V. Love à la mode: Russian Words and French Sources // Offord, Ryazanov-Clarke, Rjéoutski, Argent (Eds). French and Russian in Imperial Russia. Vol. 2. P. 214–241.) Основные литературные понятия «невозможно было выразить, не прибегнув к французскому языку». (Что значит «не прибегнув к французскому языку»? Если Файджес имеет в виду использование заимствованных слов, то можно возразить, что лексические заимствования – распространенное языковое явление, что заимствованное слово становится частью языка, в который переходит, что в русском много заимствований из других языков и что, кроме прямого заимствования, новые слова зачастую попадали в язык путем калькирования.) «[В] сущности вся материальная культура общества была перенесена с Запада», и, как следствие, не существовало «русских слов для обозначения самых простых вещей», например предметов европейского костюма. (На самом деле такие слова были, хотя зачастую и представляли собой заимствования, как и английские слова «samovar», «sputnik» и «intelligentsia».) См.: Figes. Natasha's Dance. P. 50.

в истории французского языка в России. Так, мы будем пользоваться собранными Владиславом Ржеуцким данными о количестве кадет, изучавших иностранные языки в Императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе, и о количестве статей на разных языках, опубликованных Императорской академией наук. Кроме того, можно составить некоторое представление о том, сколько книг на разных языках было выпущено в России в определенный исторический период, и о том, сколько подписчиков имели те или иные периодические издания. И тем не менее у историков и социолингвистов нет доступа к столь обширной и достоверной количественной информации, как у социолингвистов, работающих с современным материалом. Поскольку они имеют дело с «неточными данными»¹⁵⁷, они не имеют возможности точно подсчитать количество или вычислить долю, которую составляли в императорской России дворяне, говорившие по-французски в салонах или в детской, или определить, какую часть их речи составляли высказывания на том или ином языке. Они вынуждены обращаться к субъективным наблюдениям, почерпнутым из мемуаров и отчетов о путешествиях, в каждом случае делая поправку на то, что автор мог предвзято относиться к предмету описания или стремиться определенным образом воздействовать на аудиторию, причем эти стремления могут быть представлены в тексте как явно, так и завуалированно.

Если социолингвисты, изучающие современный язык, могут составить точное описание разговорного языка и определить степень владения им, то историки и специалисты по исторической социолингвистике находятся в этом отношении в невыгодных условиях. Имея возможность опираться на ограниченное количество документов, которые по счастливой случайности сохранились до наших дней, они могут оценить, насколько хорошо русские писали по-французски, причем должно быть доподлинно известно, что документ был составлен без помощи и человека, для которого французский был родным языком. В то же время, чтобы сделать выводы об устной речи и владении ею, им приходится полагаться на уже упомянутые нами свидетельства современников, так как письменная речь не является точным отражением устной. Вдобавок ко всему эти свидетельства могут быть в высшей степени субъективными и представлять собой не что иное, как пересказанные слухи. И, как правило, нам неизвестно, какие критерии оценки и доказательства лежат в основе этих суждений. В некоторых случаях их авторы не обладают достаточной компетенцией, чтобы оценить, насколько хорошо русские люди освоили языки, которые являлись иностранными как для них, так и для автора данного свидетельства.

Таким образом, в силу причин, связанных с методологией и природой фактов, доступных при изучении исторического явления, некоторые темы, которые обычно разрабатывают социолингвисты, изучающие современный язык, являются совершенно не перспективными с точки зрения историков и, вероятно, даже невозможными в их области знаний. Эти темы – приведем примеры только из определенной сферы социолингвистики, изучения плюрилингвизма¹⁵⁸, потому что именно эта проблематика находится в центре нашего внимания, – касаются влияния билингвизма на когнитивные способности, положительных и отрицательных сторон билингвального образования и определения того, насколько успешно человек может использовать иностранный язык в устной речи.

И тем не менее у историков и социолингвистов много общего. Изучая сообщества, в той или иной мере склонные к полилингвизму, специалисты по социальной, политической и культурной истории могут преуспеть не меньше социолингвистов, если будут задавать себе вопросы Фишмана о функциях разных языков и о том, как разные обстоятельства влияют на выбор языка. Основные понятия социолингвистики (например, билингвизм, диглоссия, язы-

---

¹⁵⁷ *Joseph B. D. Historical Linguistics and Sociolinguistics: Strange Bedfellows or Natural Friends? // Langer, Davies, Vandenbussche (Eds). Language and History, Linguistics and Historiography. P. 67–88, здесь p. 70.*

¹⁵⁸ Нам представляется, что, хотя термин «плюрилингвизм» зачастую используется как синоним слова «мультилингвизм» и также обозначает владение несколькими языками, в отличие от «мультилингвизма», здесь подразумевается меньшее количество языков в арсенале носителя.

ковое сознание, пуризм, переключение кодов, – это лишь те, к которым мы обращались на страницах этой книги) могут помочь историкам в изучении текстов, написанных на том или ином языке или на нескольких языках сразу. Как историкам, так и социолингвистам может быть интересно выяснить, как изменилась система образования в стране с введением в нее обучения иностранным языкам, как много времени учащиеся посвящали занятиям вторым языком и какими были эти занятия. И те и другие разделяют интерес к изучению социальных и гендерных отношений. Исследования как историков, так и социолингвистов могут касаться реальных или предполагаемых социальных, интеллектуальных и психологических последствий влияния билингвизма, будь они положительными или отрицательными (например, приобретение большего общественного влияния, доступ к власти и улучшение благосостояния, расширение культурных горизонтов, с одной стороны, и социальная изоляция, чувство недовольства, культурная дезориентация, аномия и конфликт лояльностей, с другой). Историков интересуют проблемы национализма, а социолингвистов – языковой лояльности, однако вполне вероятно, что между этими явлениями много общего. Нужно подчеркнуть, что выбор языка и его использование связаны с социальными и культурными процессами, которые входят в область научных интересов историков. Как отмечал В. М. Живов, «языковые элементы в сознании пишущих и говорящих существуют не как абстрактные средства коммуникации, а как индикаторы социальных и культурных позиций»¹⁵⁹.

Если мы считаем, что выбор языка и его использование не просто являются следствием необходимости сделать речь одного человека понятной для другого, а имеют социальное и культурное значение, нельзя не обратиться к концепции речевых жанров М. М. Бахтина. В работе, опубликованной в 1970-х годах, задолго до того, как социолингвистика стала признанной дисциплиной, Бахтин упрекал лингвистов в том, что они сводят к минимуму активную роль адресата в речевой коммуникации¹⁶⁰. Интересно, что Бахтин, в духе социолингвистов, которые стремятся связать использование языка с социальным или культурным контекстом, утверждал, что любое высказывание необходимо рассматривать как «звено в цепи речевого общения определенной сферы». Высказывания, по его мнению,

<...> не равнодушны друг к другу и не довлеют каждое себе, они знают друг о друге и взаимно отражают друг друга <...>. Как бы ни было высказывание монологично (например, научное или философское произведение), как бы ни было оно сосредоточено на своем предмете, оно не может не быть в какой-то мере и ответом на то, что было уже сказано о данном предмете <...>. Высказывание наполнено *диалогическими обертонами* <...>. Ведь и самая мысль наша – и философская, и научная, и художественная – рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями <...>. Говорящий – это не библейский Адам, имеющий дело только с девственными, еще не названными предметами, впервые дающий им имена <...>¹⁶¹.

Будучи частью диалога, каждое высказывание обладает особым качеством, которое Бахтин обозначил словом «адресованность». Иначе говоря, оно всегда обращено, пусть даже и неявно, к реальному или воображаемому читателю или слушателю.

В работе, на которую мы ссылаемся, Бахтин не рассматривал вопросы выбора языка; более того, основным предметом его исследований была литература, а не социальная жизнь. И тем не менее его идеи о взаимосвязи высказываний (прошлых, настоящих и будущих) в определенной сфере и о представлении об адресате, имеющемся у говорящего или пишущего,

---

¹⁵⁹ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 17. См. также с. 19–20.

¹⁶⁰ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 176.

¹⁶¹ Там же. С. 195–199 (курсив автора).

имеют отношение к нашему исследованию русского полилингвизма и выбора, который полилингвы совершают в пользу того или иного языка. Во-первых, сказанное и написанное по-французски закрепляется в культурном и интеллектуальном русскоязычном дискурсе, находит отражение в языковых заимствованиях, прежде всего в области лексики и фразеологии. Во-вторых, актуальность наблюдений Бахтина становится особенно очевидна, когда речь заходит об обращении к французскому как языку, предназначенному для определенных типов письменной речи – например, дворянской переписки и личных записей, включая дневник и *récit de voyage* (описание путешествия), или как к языку международного общения. Мысли Бахтина о языковых проявлениях классового сознания и социального расслоения будут уместны при анализе роли французского языка в построении дворянской социальной идентичности, особенно если учесть, что сам Бахтин подчеркивал применимость своей идеи о «концепции адресата» для описания общества, в котором ведущую роль играет аристократия. И наконец, бывают ситуации, когда использование французского очевидным образом предполагает, что в сознании автора присутствует некое представление об адресате или о том, что адресат должен определенным образом ответить автору¹⁶².

Таким образом, мы убеждены, что у специалистов по социальной, политической и культурной истории и социолингвистов есть много общих научных интересов. Социолингвисты, несомненно, имеют возможность применять на практике определенные инструменты и методы социальных наук, недоступные историкам или доступные, но ограниченные областью применения. И та и другая научная сфера может похвастаться достаточным количеством важных теорий, открытий и находок, которые позволяют нам объединить исторические и социолингвистические темы в рамках одного пограничного исследования. Если попытаться обозначить эту границу между дисциплинами, можно обратиться к подзаголовку нашей книги, который указывает на то, что, описывая результаты нашего исследования, мы больше склонялись к историческому дискурсу, нежели к социолингвистическому. Однако мы убеждены, что любое исследование языка как определенной сферы социальной, политической, культурной или интеллектуальной истории должно обращаться к работам по социолингвистике и разработанным в них понятиям. Только в этом случае оно может стать частью развивающейся научной области – исторической социолингвистики.

---

¹⁶² См., напр., наш анализ письма А. Ф. Ростопчина в третьем разделе главы 4.

Литература как первоисточник

Мы уже обращали внимание на тот очевидный факт, что при изучении использования языка в языковом сообществе, существовавшем в отдаленном прошлом, нам приходится полностью полагаться на письменные источники. Однако нельзя забывать еще и о том, что письменная речь – которая сама по себе является не просто фиксацией устной речи, ее отражением, а самостоятельным языковым явлением¹⁶³ – имеет много разновидностей. Одна довольно широко разработанная ее разновидность используется в основном в деловых целях (например, для создания административных документов или в дипломатической переписке¹⁶⁴). Другая принадлежит литературе. Она создается в соответствии с эстетическими взглядами и находит отражение в текстах, некоторые из которых становятся каноническими и формируют коллективную память, национальную идею, миф и традицию. Между этими двумя крайностями лежит целое поле промежуточных типов текстов, которые хоть и не входили в категорию беллетристики, но имели некоторую художественную функцию на протяжении интересующего нас исторического периода (или его части). Среди этих текстов важное место занимала личная переписка: распространенная среди дворян привычка писать письма сначала на черновик свидетельствует об относительной художественности многих текстов этого жанра, которые имели не только практическую, но и эстетическую функцию. Подобные письменные источники имеют неодинаковую ценность при изучении речевого поведения, то есть *пользования* языком, и *отношения* к нему.

Для изучения речевого поведения будет более целесообразно опираться по большей части на документы, которые *являются его примерами*, нежели на те, целью которых является его *описание*. До нас дошел огромный корпус документов, написанных подданными Российской империи на французском языке. В него входят различные тексты практического свойства: учебные материалы, библиотечные каталоги, полицейские отчеты, не говоря уже о дипломатических бумагах. Кроме того, в него включены художественные произведения и множество текстов, которые, как мы уже упоминали, относятся к пограничной зоне между тем, что является и не является литературой, особенно это касается разных видов самоописания – личных дневников и *récit de voyage*¹⁶⁵. В этот корпус также входит обширная частная переписка. Она представляет собой чрезвычайно ценный источник для изучения проблем речевого поведения, и на то есть несколько причин. В письмах мы встречаем как русский, так и французский или комбинацию этих языков в зависимости от того, кто и кому пишет, каковы отношения между автором послания и адресатом, каковы контекст и содержание конкретного письма. Темы эпистолярных текстов весьма различны: это и светские события или повседневные бытовые ситуации, и характеры знакомых, и здоровье друзей или родственников, и взгляды на политику, и такие вопросы, как управление имением. Столь же различны и варианты отношений между адресатом и адресантом, которые могут быть членами одной семьи, друзьями, коллегами, могут быть равны или нет по социальному положению и так далее. Из этого следует, что анализ личных писем позволяет составить более полное представление о факторах, влиявших на выбор языка и переход с одного языка на другой, о разнице между языковыми привычками разных семей и поколений, мужчин и женщин. Так как эти документы не предназначались для публикации, они ценны еще и тем, что их авторы, скорее всего, писали их относительно спонтанно, не контролируя себя строго и не пытаясь выстроить письмо по заранее определенному сюжету

---

¹⁶³ Romaine S. Socio-Historical Linguistics: Its Status and Methodology. Cambridge, 1982. P. 14–15.

¹⁶⁴ Подробнее об этом см. в главе 5, посвященной использованию французского языка в дипломатической сфере.

¹⁶⁵ Подробнее о такого рода текстах см. в главе 6.

(хотя, конечно, нельзя не принимать во внимание ограничения, которые накладывал эпистолярный этикет).

Когда речь заходит о литературных или отчасти литературных источниках, написанных на русском языке¹⁶⁶, нельзя забывать о том, что рассуждения об использовании языка в них окрашены отношением к данному языку. Конечно, мы не станем утверждать, что из подобных источников, особенно из таких небеллетристических жанров, как мемуары и дневники, нельзя почерпнуть полезной информации об использовании французского языка русскими людьми. Хотя некоторые из этих текстов лишь в малой степени затрагивают проблемы использования языка, в других (например, в записках Ф. Ф. Вигеля¹⁶⁷, охватывающих период с его детских лет, которые пришлось на 1790-е годы, до его выхода в отставку в 1840 году) содержится много наблюдений и проницательных замечаний на этот счет. А в объемном дневнике П. А. Валуева, занимавшего в 1860–1870-е годы высокие министерские посты, есть множество примеров перехода с одного языка на другой¹⁶⁸. Однако необходимо заметить, что подобные тексты, представляющие собой образцы осознанного самоописания и адресованные будущим поколениям, являются формой самопрезентации и самооправдания, поэтому они зачастую окрашены субъективностью и предрассудками авторов.

Но особенно осторожными следует быть, если в качестве источника мы желаем привлечь литературу (к которой мы относим, например, сатирические статьи, драматургию и художественную прозу). В этом случае необходимо оценить, насколько такой источник надежен и насколько точно он отражает социальные, культурные и языковые практики. Это произведения, обладающие высокой степенью художественности, в которых фигура повествователя далеко не всегда будет тождественна авторской и в которых – особенно это касается литературы XIX века – авторы зачастую прибегали к сложной рамочной конструкции, и читатели оказывались в ситуации, когда им нужно было определить, какая из повествовательных инстанций является наиболее надежной. Кроме того, нельзя утверждать наверняка, что слова, вложенные писателями в уста вымышленных персонажей, соответствуют реальной языковой практике: автор мог придумать какие-то языковые привычки или описать их, значительно сгустив краски – например, когда речь шла об использовании заимствованных слов или переключения кодов – в художественных или обличительных целях. По меньшей мере нам следует изучить контекст, в котором создавалось произведение, чтобы убедиться, что мы верно понимаем взгляды автора на актуальные вопросы его времени. Все эти оговорки о привлечении литературных источников в качестве материала для изучения использования языка очень важны, так как критический нарратив о русской франкофонии, о котором мы упоминали, развивался в основном в подобных текстах, начиная с пьес А. П. Сумарокова и Д. И. Фонвизина в XVIII веке и заканчивая романами Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в конце XIX века¹⁶⁹.

Эту мысль необходимо подчеркнуть, потому что многие исследователи, какими бы теоретическими установками они ни руководствовались, обращаются с литературными источниками так, словно они являются отражением реальности. Использование художественных текстов в качестве социологического комментария было общим местом в советской науке. Так, известнейший советский исследователь литературы XVIII века Г. П. Макогоненко писал, что задача комедии Фонвизина «Бригадир», раннего образца сатиры на русскую галломанию и

---

¹⁶⁶ Имеются в виду источники, в которых русские говорят о французском языке и его влиянии. Подробнее см. в главах 8 и 9.

¹⁶⁷ Вигель. Записки. Воспоминания Вигеля были впервые опубликованы посмертно в 1860-х годах.

¹⁶⁸ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. / Ред. П. А. Зайончковский. М., 1961.

¹⁶⁹ Необходимо также отметить, что литературные произведения отражают реальность только в границах того, что писателям определенного государства дозволяется представлять публике. Например, в случае с николаевской эпохой, отмеченной существованием суровой цензуры, было значительно проще изучить, насколько вследствие вестернизации возросло напряжение внутри культуры и насколько сильны были личные предрассудки, чем проанализировать социальные, экономические и моральные последствия существования крепостного права.

франкофонию, определяется «обнаружением ничтожности, паразитической жизни» русского дворянства¹⁷⁰. Подобным же образом К. В. Пигарев в фонвизинском «обличении дворянского космополитизма и раболепства перед иностранщиной» видел стремление автора заклеить позором «социально-бытовое явление, ставшее типическим для дворянского класса»¹⁷¹. Некоторые западные и постсоветские ученые, при всем отличии их методов от методов советского литературоведения, использовали художественные тексты в том же качестве. Например, Д. Уэлш усматривает прямую связь между драмой и культурной реальностью, заявляя, что галломания, которую высмеивает Фонвизин, «была настолько распространена в России, что в период между 1765 и 1823 годами едва ли нашлась бы комедия, в которой не было бы сатирических выпадов в ее адрес»¹⁷². В относительно недавней работе А. М. Эткинд, привлекая в качестве доказательств «Евгения Онегина» Пушкина и «Войну и мир» Толстого, делает весьма категоричные заявления о речевом поведении в России XIX века, например о том, что дамы из высшего общества обычно владели русским «хуже, чем французским», что «французский был языком женщин и семейной жизни, а русский – языком мужчин, их военной службы и помещичьей экономики»¹⁷³. Лотман, подход которого к литературным текстам отличается от методов ученых, перенявших установки марксизма-ленинизма, все же приводил литературных персонажей в пример при анализе «реальных норм поведения», таким образом вымышленные герои представляли в качестве элементов российской реальности, предшествовавших созданию художественного текста, в котором они действовали, и их существование словно бы продолжалось за рамками этих текстов. Другими словами, и в его работах граница между текстом и тем, что является собой «внетекстовая реальность», которую семиотика стремится реконструировать (и которая сама может восприниматься как текст, подлежащий декодированию), порой оказывается размыта¹⁷⁴.

В нашем исследовании мы будем учитывать, с каким типом текста мы имеем дело, в каких обстоятельствах он был написан, какое отношение могло быть у автора к описываемому предмету и какие цели он мог преследовать, создавая этот текст. Внимание к этим факторам позволит нам понять, как именно социальная реальность преломляется в рамках текста. В случае с литературными произведениями мы должны также принимать в расчет их явную художественность и связи с другими текстами, связи, которые представляли большой интерес для русских формалистов, таких как Б. М. Эйхенбаум и В. Б. Шкловский. Кроме того, следует учитывать, что многочисленные упоминания в литературных текстах таких явлений, как галломания, обилие галлицизмов и смешение языков, еще не означают, что они были повсеместно распространены. Эти упоминания могут с равным успехом показывать, что высмеивание французской речи и французской моды было общим местом в европейской литературе XVII–XIX веков¹⁷⁵. Другими словами, мы придерживаемся более осторожного взгляда на отношения между искусством и реальностью, который представлен и в работе Файджеса, например в его высказы-

¹⁷⁰ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.; Л., 1961. С. 142.

¹⁷¹ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 94.

¹⁷² Welsh D. J. Russian Comedy 1765–1823. The Hague, 1966. P. 49. См. также: Smith M. The Influence of French on Eighteenth-Century Literary Russian: Semantic and Phraseological Calques. Oxford, 2006. P. 377.

¹⁷³ Эткинд А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С. 29. Здесь мы снова сталкиваемся с неясностью формулировок, уже упомянутой нами в связи с другими работами, затрагивающими вопросы лингвистического характера. Так, остается неясным, с письменной или устной формой речи мы имеем дело и как следует понимать, что кто-то владел русским «хуже, чем французским». Кроме того, если французский был языком «семейной жизни», то, вероятно, он был языком мужчин в той же степени, что и языком женщин.

¹⁷⁴ Lotman, Uspenskij. The Semiotics of Russian Culture. Р. x; и Лотман Ю. М. О Хлестакове // Лотман. Избранные статьи. Т. 1. С. 337–338.

¹⁷⁵ Более подробно об этом см. в разделе о комедии в главе 8.

ниях о том, что нельзя считать искусство «окном в жизнь» и «буквальной фиксацией жизненного опыта»¹⁷⁶.

Конечно, мы не собираемся спорить с тем, что русская литература является весьма важным источником для нашего исследования истории французского языка в России. Размышления писателей о языке, как показано в последней главе этой книги, были вплетены в тексты их произведений и впоследствии стали частью более крупных авторитетных нарративов о национальной культуре и судьбе, нарративов, созданных русскими авторами золотого века. В то же время нельзя не признать, что сведения, полученные нами из корпуса литературных источников, оказываются более полезными для изучения отношения к данному языку, нежели для изучения языковых, социальных и культурных практик¹⁷⁷. Литературные произведения, безусловно, необходимо рассматривать в контексте, учитывая разнообразные социальные, культурные и исторические обстоятельства, в которых они были созданы. Проще говоря, представление о речевом поведении, которое можно встретить на страницах русской литературы середины XIX века, отражает эссенциалистский взгляд на язык как на элемент этнической и национальной идентичности и свидетельствует о переходе культурного авторитета от придворных и знати, придерживавшихся космополитичных взглядов, к литературному сообществу и интеллигенции, вызванном распространением идей культурного национализма.

* * *

Во введении мы попытались описать некоторые стороны того негативного дискурса об использовании русскими дворянами французского языка, который можно обнаружить на страницах классической русской литературы и некоторых научных работ о русской культуре. Преимущественно негативное отношение к русской франкофонии мы связываем с чрезвычайно влиятельной концепцией русской национальной идентичности, согласно которой Россия определяется через противопоставление «Западу». Отсюда берет начало идея о том, что Российская империя была разделена на европеизированную элиту и народ, который оставался верным иным – исконным – ценностям. Мы отметили важность для нашего исследования некоторых политических идей, в частности понятий империя и нация, и в особенности показали, что рост национального самосознания и распространение идей культурного национализма влияют на выбор языка и отношения к речевому поведению в определенные исторические периоды. Нашей целью было подготовить фон для создания более точной картины использования французского языка в России, которая не ограничится пересказом общих мест, основанных на социальных и культурных стереотипах. Далее мы с большей подробностью обрисуем исторический контекст, который служит фоном для этой картины.

---

¹⁷⁶ *Figes. Natasha's Dance*. P. xxvi, 104; см. также p. 101, где Файджес справедливо отмечает, что нельзя считать наблюдения Толстого в «Войне и мире» «точным отражением реальности», насколько бы роман «ни приближался к реалистическому идеалу».

¹⁷⁷ Использование языка – не единственная тема, при работе с которой опасно полностью полагаться на литературные источники. Как отмечает П. Рузвельт, ученые, исследующие вопросы истории общества и культуры, также зачастую попадали под влияние литературы, рисуя стереотипные фигуры: «то гедонистичный, жестокий или расточительный аристократ, то невежественный, грубый или беспомощный мелкий помещик, то „лишний человек“, как русские интеллигенты называли иных эксцентричных или не имеющих цели в жизни дворян» (*Рузвельт. Жизнь в русской усадьбе*. С. 15).

Глава 1. Исторический контекст русской франкофонии

Распространение французского языка в Европе в XVII–XVIII веках

Как мы покажем в последующих разделах этой главы, в течение XVIII века российское дворянство из простого служилого сословия, чье рабское преклонение перед монархом зачастую вызывало презрение западных людей, посещавших Московию, превратилось в класс, в котором по крайней мере высшие слои представляли собой просвещенную, обладающую чувством собственного достоинства группу людей, активно контактировавших с западноевропейскими дворянами и имевших с ними много общего¹⁷⁸. В то время, когда происходила эта трансформация, именно Франция стала источником наиболее популярных моделей поведения для европейских монарших дворов, аристократического общества, литераторов и ученых. Именно французский язык был главным средством, с помощью которого эти модели можно было перенести на иностранную почву. Расширение сферы влияния французского языка в Европе и его роль в распространении культуры французской элиты (слово «культура» мы используем здесь в широком смысле) много лет назад были описаны Фердинандом Брюно в обширном труде «История французского языка»¹⁷⁹. Некоторое время назад Марк Фюмароли вновь обратился к теме французского языка и культурных достижений, которые ассоциировались с ним вплоть до Французской революции 1789 года¹⁸⁰. Предваряя описание исторических обстоятельств, в которых французский язык укоренился и начал использоваться в России, мы скажем о нескольких факторах, в значительной степени повлиявших на распространение французского языка и французской культуры в Европе начиная с Великого века (*Grand Siècle*), эпохи Людовика XIV, личное правление которого длилось с 1661 по 1715 год¹⁸¹.

Во-первых, в конце XVII и в XVIII веке французский язык был символом образа жизни, которому в континентальной Европе не было равных по изысканности, веселью, «приятности» (*douceur de vivre*) и проявлениям хорошего вкуса (*bon goût*). Этот стиль жизни, пышность и роскошь культивировались при великолепном дворе Людовика XIV в Версале и в целом были характерны для французской аристократии времен Старого порядка. Они в первую очередь ассоциировались с Парижем, наиболее совершенным воплощением «города» в период от конца Возрождения до эпохи промышленной революции, в котором процветала франкофония; средоточием знаний, искусств и ресурсов, необходимых для поддержания новых изысканных вкусов. Действительно, это искусство жить (*l'art de vivre*) совмещало в себе черты городской жизни с понятием учтивости или любезности (*politesse*), которые объединяет слово *urbanité*¹⁸². М. Фюмароли составил обширный список связанных друг с другом факторов, которые во многом объясняют исключительное положение французской монархии и Парижа и относительную

---

¹⁷⁸ Подчеркнем, что в данном случае речь идет не обо всех дворянах, значительная часть которых во времена правления Екатерины II все еще была неграмотной. Подробнее о различных группах людей, входивших в дворянское сословие, см. в четвертом разделе этой главы.

¹⁷⁹ Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à 1900. Vol. 13. Paris, 1905–1953, 1969–1979.

¹⁸⁰ Fumaroli M. Quand l'Europe parlait français. Paris, 2001. Эта книга была переведена на английский язык и выпущена под некорректным европоцентричным названием When the World Spoke French / Transl. by R. Howard. New York, 2011 (Когда мир говорил по-французски). Мы будем давать цитаты из этой книги по английскому изданию.

¹⁸¹ В этом разделе мы будем опираться на собственные исследования и работы других ученых, опубликованные в книге: Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). European Francophonie.

¹⁸² Благодарим Э. Лоджа за это замечание.

«универсальность» французского языка в Европе, сохранявшиеся вплоть до начала Французской революции в 1789 году:

влияние, обеспеченное развитой сетью дипломатических связей; высокое качество переводов многочисленных европейских книг, опубликованных на французском в Париже, Амстердаме и Лондоне; престиж, которым обладали этикетные нормы самого известного двора в мире; авторитет королевских академий и Парижского салона Академии живописи и скульптуры; а также интерес к большим парижским аукционам, на которых продавались предметы искусства, и высокая квалификация их экспертов; притягательность утонченной аристократии, которая подняла личный досуг на уровень искусства жить, требовавшего усилий множества мастеров: от егермейстера до псая, от повара до садовника, от портного до ювелира, от изготовителя париков до парфюмера, от художника до архитектора, от сочинителя легкой поэзии до философа, диктующего моральные нормы и властвующего над умами, от балерины до великого актера, от драматурга до романиста, от домашнего учителя до компаньонки благородной дамы; не говоря уже о веселых ярмарках, праздниках, и повседневной жизни, кипящей на улицах Парижа, и об очаровании и хороших манерах парижских актрис и гризеток¹⁸³.

Важную роль в новой изящной культуре играли красноречие и искусство вести разговор. Луи-Антуан Караччиоли, француз, выходец из неаполитанской семьи, описавший в 1770-х годах восторг, с которым представители европейской элиты относились к французской культуре, поздравлял себя и своих современников с тем, какие новые возможности дала им французская речь, воспроизводя при этом стереотипные представления, с которыми нам не раз еще придется столкнуться:

Мир очарован тем, как разговаривают люди во Франции. Здесь говорит сама любезность, смеется сама искренность, приятное соединяется с полезным, новости перемежаются с остротами, разговор перетекает от одного предмета к другому так незаметно, что самые легкие оттенки самых нежных тонов смешиваются гармонично. <...> У англичанина не было других тем разговора, кроме тех, что касаются его правительства; итальянец говорил лишь о музыке; голландец – лишь о том, что связано с его торговлей; швейцарец – только о своей стране; поляк – о своей свободе; австриец – о своем происхождении. Теперь же появился способ вести разговор так, чтобы все голоса звучали в унисон. Мы говорим обо всем и делаем это хорошо¹⁸⁴.

Образ жизни французского двора и дворянства, а также атмосфера Версаля и Парижа во многом объясняют, почему по-французски в XVIII веке говорили при дворах Фридриха II в Пруссии (годы правления: 1740–1786), Иосифа II в Австрии (император Священной Римской империи, 1765–1790), Густава III в Швеции (1771–1792), герцогов Пармских¹⁸⁵, а также Екатерины II в России. Вместе с тем Париж предлагал модели общения (например, академия, салон, театр) для других национальных центров, в которых существовало франкоговорящее общество и развивалась французская культура. Такими центрами были Берлин, Стокгольм, Турин,

---

¹⁸³ Fumaroli. When the World Spoke French. P. xxvi.

¹⁸⁴ Caraccioli L.-A., *Marquis de. L'Europe française, par l'auteur de La Gaité*. Turin, 1776. P. 336–337, 339.

¹⁸⁵ Об особенностях языкового поведения в этом итальянском герцогстве см.: Minerva N. The Two Latin Sisters: Representations of the French and the French Language in Italy // Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). *European Francophonie*. P. 113–144, здесь p. 137–139.

Вена, а в России – Санкт-Петербург и Москва. Культура французской элиты и ее *lingua franca* способствовали стиранию национальных различий, однако при этом подчеркивали дистанцию, отделяющую одни слои общества от других. Французы, безусловно, были рады повсеместному использованию французского языка в светском обществе. «Я здесь во Франции, – писал Вольтер в 1750 году одному из своих корреспондентов, будучи в Пруссии, где незадолго до этого Фридрих II распорядился, чтобы в Берлинской академии наук вместо латыни пользовались французским. – Здесь говорят только на нашем языке. Немецкий – для солдат и лошадей, он нужен только во время путешествия»¹⁸⁶.

Однако *l'art de vivre* и *douceur de vivre* нельзя воспринимать в отрыве от второго фактора, который обеспечивал французскому языку авторитет в Европе XVIII века, а именно от оригинальной и разнообразной высококачественной литературы, написанной на этом языке¹⁸⁷. К концу Великого века в корпус этих текстов входили «Рассуждение о методе...» Декарта, «Мысли» Паскаля, трагедии Корнеля и Расина, комедии Мольера, басни Лафонтена, максимы Ларошфуко, «Характеры» моралиста Лабрюйера, письма мадам де Севинье, проповеди и надгробные речи Боссюэ, сатиры и «Поэтическое искусство» Буало и «Приключения Телемака» Фенелона. К этому наследию французские авторы эпохи Просвещения добавили значительное количество произведений о социальных, политических, исторических и моральных вопросах, а также нравоучительной литературы. «Персидские письма» и «О духе законов» Монтескье, «Генриада», «История Карла XII», «Философские письма» и «Кандид» Вольтера, «Юлия, или Новая Элоиза», «Об общественном договоре», «Эмиль» и «Исповедь» Руссо, «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» Дидро и Д'Аламбера – эти и многие другие произведения XVIII века, написанные на французском, распространялись по всей Европе от Пруссии и Швеции до Италии и румынских земель (ил. 1).

---

¹⁸⁶ Вольтер – маркизу де Тибувилю, 24 октября 1750 года. См.: *Voltaire. Les œuvres complètes de Voltaire* / Dir. par Th. Besterman, W. H. Barber. Genève, 1968. Vol. 95. P. 375. О развитии придворной жизни и аристократического общества в России и использовании французского языка см. в главах 3 и 4.

¹⁸⁷ Здесь, как и в других местах нашей книги, мы используем слово «литература» в широком смысле.

É M I L E,
O U
D E L'É D U C A T I O N.

P A R J. J. R O U S S E A U,

C I T O Y E N D E G E N È V E.

N O U V E L L E É D I T I O N.

Comte Nicolas Polstoy.
T O M E P R E M I E R.

Etienne Comte De Polstoy.

At.

A P A R I S,

chez { BÉLIN, Libraire, rue St. Jacques, n°. 26.
CAILLE, rue de la Harpe, n°. 150.
GRÉGOIRE, rue du Coq St. Honoré.
VOLLAND, quai des Augustins, n°. 25.

1 7 9 2.

Ил. 1. Титульный лист романа Руссо «Эмиль» (издание конца XVIII века), который был впервые опубликован в 1762 году и в котором Руссо изложил свои взгляды на воспитание. Эта книга вызывала большой интерес в России в екатерининскую эпоху. Копия любезно предоставлена Российской национальной библиотекой, этот экземпляр принадлежал семейству Толстых.

Знание французской литературы XVII–XVIII веков, наряду с утонченностью и изысканными манерами, способствовало расцвету придворной жизни; более того, оно было необходимо, если монарх стремился продемонстрировать свою просвещенность. Екатерина II, которая с успехом играла роль просвещенного монарха¹⁸⁸ (причем делала это демонстративно), при создании «Наказа» для Уложенной комиссии, организованной ей в 1767 году, во многом опиралась на книгу Монтескье «О духе законов». Она вела переписку с Вольтером, а в 1773–1774 годах лично беседовала с Дидро, которого пригласила в Санкт-Петербург. Однако члены «Республики ученых», чьи труды принесли славу французской нации, не всегда поддерживали идею об особом положении аристократии, не говоря уже о Старом порядке. Несомненно, эстетические вкусы многих писателей совпадали со вкусами социальной элиты, и, как следствие, они высоко ценили утонченность и изящество. При этом понятия, ставшие центральными во французской мысли XVIII века (например, разум, добродетель, общественная польза, любовь к отечеству), подрывали Старый порядок. Подобным образом в России литературное сообщество и интеллигенция, появившиеся в результате вестернизации российской элиты, в XIX веке сформировали общественное мнение, направленное против самодержавия и разрушавшее социальную структуру, обеспечивавшую дворянам их высокое положение¹⁸⁹.

Третьим фактором, способствовавшим распространению французского языка в Европе XVII–XVIII веков, было развитие зародившегося во Франции и перенятого другими странами дискурса о достоинствах французского языка¹⁹⁰. Иногда наличие этих достоинств объясняли историческими, экстралингвистическими условиями, но встречались и утверждения, с которыми едва ли согласится большинство современных социолингвистов, например, предположение о том, что языку от природы присущи определенные свойства или что существует связь между языком и характером говорящих на нем людей. В действительности этот дискурс появился задолго до XVIII века. Уже в 1549 году Жоашен дю Белле заявлял, что французский язык может послужить основой для создания литературы не менее великой, чем та, что написана на итальянском языке¹⁹¹. В XVII веке также было сделано несколько смелых заявлений о достоинствах французского языка и, как следствие, о том, что он подходит на роль универсального языка. Например, Луи Ле Лабурер в трактате 1669 года «Преимущества французского языка перед латинским» утверждал, что французскому присуща ясность, потому что его синтаксис отражает «естественный ход мысли». По мнению Ле Лабурера, французский был не только самым «естественным» языком, но и самым «совершенным»¹⁹². Два года спустя французский священник-иезуит Доминик Буур высказывал похожие мысли, рассуждая о целесообразности (и вероятности) использования французского в качестве универсального языка. Только французский, как полагал один из персонажей его «Бесед Ариста и Евгения» (1671), обладает качествами, необходимыми языку, чтобы выполнить эту задачу. Учитывая «ту совершенную [форму], в которой [французский язык] пребывает вот уже несколько лет, – размышляет Буур, – не остается ли нам лишь признать, что в нем есть некие величие и благородство,

---

¹⁸⁸ Подробнее об этом см. во втором разделе главы 7.

¹⁸⁹ Подробнее о понятии «интеллигенция» и явлении, стоящем за ним, см. в последнем разделе этой главы, а также в прим. 1 на с. 137.

¹⁹⁰ Об этом дискурсе см.: *Argent et al. European Francophonie and a Framework for its Study*. P. 10–15.

¹⁹¹ *Дю Белле Ж. Защита и прославление французского языка // Эстетика Ренессанса: Антология: В 2 т. Т. 2 / Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М., 1989. С. 236–269.*

¹⁹² *Le Laboureur L. Avantages de la langue française sur la langue latine*. Paris, 1669. P. 174.

ставящие его почти вровень с латынью и бесконечно выше итальянского и испанского – двух языков, которые, очевидно, могли бы [претендовать на то, чтобы] потягаться с ним?»¹⁹³ Буур считал, что французский превосходит все другие языки того времени по простоте, ясности, точности, чистоте, утонченности, способности выражать нежные чувства и большей (по сравнению с другими языками) естественности¹⁹⁴.

Этот языковой патриотизм получил новый импульс в XVIII веке, когда французский язык все больше распространялся по Европе. Сам Вольтер превозносил французский и его носителей: «Из всех европейских языков, – писал он, – французский определенно является наиболее универсальным, потому что он больше всего подходит для ведения беседы: этим качеством он обязан людям, которые на нем говорят»¹⁹⁵. Спустя тридцать лет после посещения Вольтером Берлина Фридрих II писал о преимуществах французского языка перед другими, яро протестуя против двуязычия, которое, по его мнению, пагубно воздействовало на когнитивные способности человека:

А теперь этот язык стал тем ключом, что откроет вам двери во все дома и все города. Где бы вы ни путешествовали, от Лиссабона до Санкт-Петербурга, от Стокгольма до Неаполя, если вы говорите по-французски, вас везде поймут. Один этот язык избавит вас от необходимости знать множество других, которые переполняют вам память словами, тогда как память гораздо лучше заполнять [другими] вещами¹⁹⁶.

Вероятно, наиболее важным этапом, способствовавшим установлению концептуальной связи между французским языком и представлениями о цивилизованности, стал 1783 год, когда Королевская Берлинская академия наук и искусств объявила конкурс, участникам которого предлагалось объяснить, почему французский язык стал универсальным, назвать причины его особого положения, а также ответить на вопрос, сможет ли он удержать свои позиции. Премию получили два автора – Иоганн Кристоф Шваб и Антуан Ривароль, написавший работу «Рассуждение о всеобщем характере французского языка», благодаря которой он приобрел особую известность. Ривароль, конечно, объясняет распространение французского внешними причинами. Среди них географическое положение Франции, которая расположена в центре, между севером и югом, раннее развитие прессы в этой стране, высокая репутация французских академий, промышленность, мода, поддержка Людовиком XIV искусства и науки. Однако при этом приведенные Риваролем доводы в пользу того, что французский по праву является универсальным языком, окрашены лингвистическим эссенциализмом, то есть убеждением, что язык обладает имманентными неизменными свойствами. Многие перечисленные им качества составляют «гений» (*génie*) языка. Как и французам, французскому языку свойственны «грация» и «учтивость». Он «мужественный», «уверенный», «честный» и «рассудительный». Его порядок слов (подлежащее, сказуемое, дополнение) «естественный». Из этой естественности проистекает ясность (*clarté*) – качество, столь неотъемлемое для этого языка, что, по знаменитому высказыванию Ривароля, все, что не ясно, не является французским («ce qui n'est pas clair n'est pas français»). Он считал, что по своему устройству французский язык является идеальным средством для совершенствования общества на пути к цивилизованности, и полагал, что

---

¹⁹³ *Bouhours D.* Les entretiens d' Ariste et d' Eugène. Paris, 1671. P. 40.

¹⁹⁴ *Ibid.* P. 47–63. Буур строит свои рассуждения о том, как люди используют французский язык, опираясь на идею о достоинствах, присущих языку от природы. Об идеях французских классицистов о французском языке см.: *Siouffi G.* Le «génie de la langue française». Etudes sur les structures imaginaires de la description linguistique à l' Age classique. Paris, 2010.

¹⁹⁵ *Voltaire.* Dictionnaire philosophique // Œuvres complètes de Voltaire. Vol. 19. P. 566.

¹⁹⁶ *Frederick II.* De la littérature allemande; des défauts qu'on peut lui reprocher; quelles en sont les causes; et par quels moyens on peut les corriger. Berlin, 1780. P. 78–79. Этот текст Фридриха II был опубликован сразу и на французском, и на немецком языке. Подробнее о нем см.: *Böhm M.* The Domains of Francophonie and Language Ideology in Eighteenth- and Nineteenth-Century Prussia // Rjéoutski, Offord, and Argent (Eds). European Francophonie. P. 180–182.

его следует считать не просто языком французского народа, но всеобщим достоянием, «языком человечества»¹⁹⁷.

Еще один важный фактор помог распространению французского языка за границей, но он не был связан с привлекательной жизнью французского света, авторитетом французской литературной культуры или теми свойствами, которые приписывали французскому языку и французскому народу. Французский язык распространяли эмигранты. Многие из них, поселившиеся в странах Северной Европы (в особенности в Англии, Нидерландах и Пруссии), были гугенотами, то есть французскими протестантами, бежавшими из Франции из-за религиозных преследований, начавшихся после отмены Людовиком XIV в 1685 году Нантского эдикта, который прежде предоставлял им свободу вероисповедания в католическом государстве «короля-солнца». В XVIII веке русские начали путешествовать за границу, где иногда встречали франкоговорящих протестантов. Вероятно, одним из первых этот опыт получил князь Иван Андреевич Щербатов, которого Петр Великий отправил в Лондон изучать навигацию (вероятнее всего, в 1716 году). Он пытался поступить на службу в Королевский военно-морской флот, но получил отказ, после чего активно взялся за изучение французского языка: брал частные уроки у учителя, который, вероятно, был беженцем-гугенотом и много общался с местными французскими эмигрантами¹⁹⁸. Некоторые гугеноты (скорее всего, не больше 500 человек¹⁹⁹) переселились в Россию, когда страна открылась западному влиянию, и поступили там на службу (в основном они шли служить в армию или на флот или работали в медицинской сфере).

Однако большая часть французских эмигрантов в России XVIII века были католиками. Они были специалистами в таких областях, как военное и инженерное дело, производство шелка, гобеленов, зеркал и предметов роскоши, косметики. Знания и умения французов стали ассоциироваться с самыми разными видами деятельности – от парикмахерского дела до кулинарии и обучения, – и французские специалисты оказались очень востребованы в среде европейской аристократии. Католическая эмиграция также способствовала распространению французского языка, потому что эмигранты повсеместно пользовались им в профессиональных целях. В течение XVIII столетия несколько тысяч французских католиков переселились в Россию, которая, принимая их, следовала примеру других европейских стран²⁰⁰.

Безусловно, существовало много других причин распространения французского языка в Европе в XVII и XVIII веках, которые объясняют, почему французский язык был в разной степени усвоен разными странами и регионами, каким целям он служил, какие ассоциации вызывал, какой репутацией пользовался и насколько сильное сопротивление он вызывал в обществе. Зачастую некоторую роль в этом процессе играли династические браки с членами французских аристократических семей, как в случае с Пьемонтом и Польшей²⁰¹. Порой

¹⁹⁷ Rivarol A. de. De l'universalité de la langue française. Paris, 1991. См. в особенности р. 10, 28–29, 73, 85. Обзор новых работ, касающихся «универсальности французского языка», см.: Böhm. The Domains of Francophonie. P. 182–183.

¹⁹⁸ См.: Rjéoutski V., Offord D. Teaching and Learning French in the Early Eighteenth Century: Ivan Shcherbatov's Letters to his French Teacher. Выдержки из 23 писем Щербатова к его учителю представлены с любезного разрешения Российской национальной библиотеки на сайте нашего проекта, с ними можно ознакомиться по ссылке URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx2112u1m5f3bjp/Ivan%20Shcherbatov%20introduction.pdf>.

¹⁹⁹ Данные получены в ходе недавнего исследовательского проекта о франкоговорящих эмигрантах в России в петровскую эпоху и были опубликованы в книге: Ржеуцкий В. С., Гузевич Д. Ю. (Ред.). Иностранные специалисты в петровской России. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727. М., 2019. Юрген Кеммерер предполагает, что количество гугенотов, переселившихся в Россию, было еще меньше (см.: Kämmerer J. Rußland und die Hugenotten im 18. Jahrhundert (1689–1789). Wiesbaden, 1978).

²⁰⁰ В книге Mézin A., Rjéoutski V. (Eds). Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. Ferney-Voltaire, 2011. 2 vol. представлено более 6000 биографических статей о французах и франкоговорящих швейцарцах, приехавших в Россию в XVIII веке. Однако следует отметить, что в России в это время, несомненно, было существенно больше франкоговорящих иммигрантов.

²⁰¹ См.: Rossebastiano A. Knowledge of French in Piedmont // Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). European Francophonie. P. 81–112, здесь р. 89–90; Serwański M., Napierata K. The Presence of Francophonie in Poland from the Sixteenth Century to the Eighteenth // Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). European Francophonie. P. 307–336, здесь р. 310–316. О том, какие языки исполь-

распространению французского способствовало присутствие иезуитов и членов других религиозных орденов в образовательных учреждениях, что имело место в конце XVII столетия в Парме и Сиене, в XVIII веке – в Мадриде, а также в Варшаве, Кракове, Люблине и Вильне (нынешнем Вильнюсе)²⁰². Французские книги распространялись посредством весьма развитой международной книжной торговли, важнейшим центром которой были прежде всего Нидерланды и Лондон. Интерес к французскому языку усиливался и под влиянием педагогических идей, для чего особое значение имели понятие *honnête homme* и популярность *Grand tour* – образовательного путешествия по Европе, считавшегося кульминацией в воспитании благородного человека²⁰³. В последнем десятилетии XVIII века и первых двух десятилетиях XIX столетия продвижение наполеоновской Великой армии естественным образом повлияло на распространение французского языка и привело к тому, что многие были вынуждены выучить этот язык (примерами могут послужить Нидерланды, Пьемонт и другие регионы Италии²⁰⁴), хотя иностранное вторжение также вызывало и сопротивление языку захватчика. Распространению французского языка в румынских землях способствовало присутствие в Молдавии и Валахии русских офицеров, знавших французский язык. Они появились там во время русско-турецких войн конца XVIII века; впоследствии, начиная с середины XIX столетия, многие представители формирующейся румынской интеллигенции отправлялись во Францию и изучали там французский²⁰⁵. Все перечисленные факторы в совокупности обеспечили французскому господствующее положение среди других живых европейских языков в XVIII – начале XIX века. Поскольку влияние некоторых из этих факторов было существенным в разных частях европейского континента, элита по всей Европе, включая русский двор и русских дворян, приобрела определенное чувство общности культуры, представлений и опыта.

Таким образом, XVIII век стал важной вехой в истории распространения французского языка как в Европе в целом, так и в России в частности. Франкофония в значительной мере ассоциировалась с придворной жизнью XVIII века, с деятельностью монархов, стремившихся показать себя просвещенными, а также с космополитичной европейской аристократией, расцвет которой пришелся на эту эпоху. Безусловно, именно в XVIII веке в наибольшей степени ощущалось влияние французских культуры и языка на культуру Просвещения, в это же время дискурс об универсальности французского языка достигает пика своего развития. Во многих странах за границами Франции, в том числе и в России, аристократы и в XIX веке продолжали вести образ жизни, сложившийся во Франции времен Старого порядка, а французский язык сохранил статус языка двора, высшего общества и международного *lingua franca*. Однако появление романтизма, отвергавшего постулаты Просвещения, и националистический подъем первой половины XIX века изменили отношение к языку: они привели к осознанию ценности национальных языков и вызвали сопротивление господству французского. Наряду с этим во многих европейских странах позиции дворянства – сословия, для которого французский имел особую ценность как показатель престижа, – были ослаблены вследствие экономических, социальных и политических изменений в эпоху промышленной революции. По этим причинам в XIX веке франкофония стала приобретать новые коннотации, хотя французский продолжал служить международным языком-посредником для авторитетных идей и европейских культур,

---

зовались в придворной жизни, а также о «геополитических и социологических характеристиках диглоссии» см.: Burke P. Diglossia in Early Modern Europe // Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). European Francophonie. P. 33–49.

²⁰² См.: Minerva. The Two Latin Sisters. P. 133–134; Sanz-Cabrero A., Regueiro-Salado B., Luis P.-N., Carrasco S. Francophonies in Spain // Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). European Francophonie. P. 239–271, здесь p. 254; Serwański, Napierała. The Presence of Francophonie in Poland. P. 318–319.

²⁰³ Об образовании и воспитании см. подробнее в главе 2.

²⁰⁴ См.: Van Strien-Chardonneau M. The Use of French among the Dutch Elites in Eighteenth-Century Holland // Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). European Francophonie. P. 145–173, здесь p. 150–151; Rossebastiano. Knowledge of French in Piedmont. P. 87–88; Minerva. The Two Latin Sisters. P. 140–143.

²⁰⁵ См.: Mihaila I. The Beginnings and the Golden Age of Francophonie among the Romanians. P. 343–347.

несмотря даже на то, что по мере развития их самосознания социальные группы, стоящие на более низких ступенях социальной лестницы, стали более критически относиться к французскому как культурному капиталу элиты.

Вестернизация России в XVIII веке

В этом разделе мы хотели напомнить читателю некоторые хорошо известные факты о европеизации или вестернизации России в XVIII веке, которая представляет важный контекст нашего исследования.

Французский язык и французская культура, с которой он ассоциировался, пришли в Россию, когда страна перестала быть изолированным, обращенным внутрь себя государством и стала превращаться в великую державу, претендующую на статус европейской и приобретающую силу благодаря новым связям с западным миром²⁰⁶. Отчеты, составленные в XVI–XVII веках дипломатами, посетившими Московию (например, австрийцем Сигизмундом фон Герберштейном, англичанином сэром Джайлсом Флетчером и немцем Адамом Олеарием), содержат описание диких земель на краю Европы, где под властью деспотичного монарха существуют рабоподобное дворянство и тупой, смиренный народ²⁰⁷. Так, на пуританина Дж. Флетчера Московия, в которой он побывал в 1588–1589 годах, произвела впечатление варварской страны, деспотического антипода елизаветинской Англии. Он замечал, что образ правления у них «чисто тиранический» и «весьма похож на турецкий»²⁰⁸. Жители здесь страдают от отсутствия законов и испорчены ложной религией. В экономическом отношении страна отстает от европейских государств, потому что богатство сосредоточено в руках монарха и его приближенных, вследствие чего у народа нет стимула трудиться. Нравы людей, живущих здесь, развращены, ведь «все государство преисполнено <...> грехами» и в нем «нет законов для обуздания блуда, прелюбодеяния и других пороков»²⁰⁹. С нашей точки зрения, важнее всего то, что контакты Московии с западноевропейским миром (в отличие от контактов с Речью Посполитой, православными странами Восточной Европы и, конечно, татарскими ханствами на востоке и юге) были незначительными, по крайней мере до второй половины XVII века. Флетчер писал, что русских, пытавшихся попасть за границу, могли подвергнуть суровым наказаниям вплоть до смертной казни, а посещение иностранцами Московии строго регулировалось:

Вы редко встретите *Русского* путешественника, разве только с посланником или беглого; но бежать отсюда очень трудно, потому что все границы охраняются чрезвычайно бдительно, а наказание за подобную попытку, в случае, если поймают виновного, есть смертная казнь и конфискация всего имущества. <...> По той же причине не дозволено у них иностранцам приезжать в их государство из какой-либо образованной державы иначе, как по торговым сношениям, для сбыта им своих товаров и для получения через них чужеземных товаров²¹⁰.

---

²⁰⁶ О том, в какой момент французский язык приобрел свой авторитет, см. в следующем разделе. Французский не был самым популярным иностранным языком в петровской России. Современное освещение вопроса о том, насколько изолированным государством была допетровская Русь, см. в докторской диссертации Т. В. Черниковой: Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв. М., 2014. Автор считает, что возможно говорить о европеизации применительно к XV веку, не говоря уже о XVI. Она показывает, что в раннее Новое время в России появилось существенное количество иностранцев разных профессий, и утверждает, что большая их часть была приглашена по велению русских монархов.

²⁰⁷ Herberstein S. von. Rerum Moscoviticarum Comentariorum. Англ. пер.: Description of Moscow and Muscovy, 1557 / Ed. by Bertold Picard, transl. by J. B. C. Grundy. London, 1969 (рус. изд. Герберштейн 1988); Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906; Olearius A. Beschreibung der moskowitischen und persischen Reise / Transl. and ed. by Samuel Baron as The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia. Stanford, 1967 (рус. изд.: Олеарий 1906).

²⁰⁸ Флетчер. О государстве русском. С. 25. Об этом произведении Флетчера см. также: Offord D. Sir Giles Fletcher's View of Muscovy: an Early English Stereotype of Russia // Rusistika. 2010. 35. P. 11–16.

²⁰⁹ Флетчер. О государстве русском. С. 128.

²¹⁰ Там же. С. 56.

В XVII веке Московия могла показаться европейским путешественникам местом бесконечно далеким и чуждым. Вероятно, весьма характерным для русского мировоззрения, с которым столкнулись западные люди, было то, что единственный вопрос о жизни по ту сторону западных границ России, который в 1660-х патриарх Никон задал гостю из Голландии, был о церковных колоколах в Амстердаме²¹¹.

Безусловно, наблюдения иностранцев, касающиеся отличий Московии от австрийских и немецких земель или от Англии в раннее Новое время, не отменяют того факта, что еще до XVIII века Московия успела познакомиться с западными обычаями и культурой. Церковная архитектура XVII века испытала на себе влияние западного стиля барокко. В Московию привозили часы и кареты. Была заимствована портретная живопись²¹². Появились ученые люди, такие как поэт и драматург Симеон Полоцкий²¹³. Государственные деятели, такие как Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, учили иностранные языки и выступали за расширение экономических и культурных контактов с Западом²¹⁴. Начали формироваться личные библиотеки книг на иностранных языках. Контакт с западными странами стало больше во время царствования Алексея Михайловича. Основными посредниками между Россией и Западом, влияние которого постепенно усиливалось, стали Киев и Левобережная Украина²¹⁵, отошедшие к России от Речи Посполитой после заключения в 1667 году Андрусовского договора. Таким образом, вестернизация XVIII века, о которой пойдет речь дальше, представляла собой ускорение процесса, который начался раньше, а не полную смену старого порядка новым, как это часто пытались представить Петр и его сподвижники (это же представление можно обнаружить в работах, где петровские реформы называются «революцией»²¹⁶). Тем не менее изменения, произошедшие в России с того момента, как Петр в 1696 году стал единоличным правителем страны, действительно, были весьма обширными.

Основные мотивы, побудившие Петра приступить к модернизации отстающего государства, на престол которого он взошел, были прагматическими: модернизация была необходимым условием для дальнейшего построения империи, которое, как и западные культурные инновации, активно развивалось уже в XVII веке. По этой причине, говоря о вестернизации России в XVIII столетии, мы считаем необходимым учитывать и сопутствующее ей расширение территории государства, особенно в период правления Петра и Екатерины II²¹⁷. Это расширение происходило в основном за счет территорий, принадлежавших Швеции, Турции и Речи Посполитой. Так, Россия победила в продолжительной Северной войне, в которой противником Петра была Швеция (1700–1721). Победа русской армии над шведами под Полтавой в 1709 году была поворотным моментом для русской нации²¹⁸. В результате этой победы Россия приобрела статус крупной североευропейской державы, имеющей выход к Балтийскому морю. Российские границы были значительно расширены за счет территорий вдоль северного

²¹¹ См.: Billington J. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. London, 1966. P. 158.

²¹² См.: Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Imagery. Chicago; London, 1997.

²¹³ О произведениях Полоцкого подробнее см.: Киселева М. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011. С. 125–216; и недавнее исследование Hamburg G. M. Russia's Path toward Enlightenment: Faith, Politics and Reason, 1500–1801. New Haven; London, 2016. P. 191–203.

²¹⁴ Идеи и деятельность Ордина-Нащокина описывал Ключевский, см.: Ключевский В. О. Сочинения. Т. 3. С. 334–351; современный взгляд на них представлен в книге: Hamburg. Russia's Path toward Enlightenment. P. 205–206.

²¹⁵ То есть украинская территория на восточном берегу Днепра.

²¹⁶ См.: Cracraft. The Revolution of Peter the Great.

²¹⁷ Говоря о создании империи и вестернизации в этом разделе, мы будем опираться на некоторые наши прошлые работы, например: Argent G., Offord D., Rjéoutski V. The Functions and Value of Foreign Languages in Eighteenth-Century Russia // The Russian Review. 2015. 74:1. P. 1–19, здесь p. 11–16.

²¹⁸ Чтобы подчеркнуть, насколько продолжительным был процесс расширения русской территории начиная с XVI века, отметим, что петровской Северной войне предшествовала война, которую вел отец Петра, Алексей Михайлович, с Речью Посполитой в 1654–1667 годах. Эта война завершилась заключением Андрусовского договора, о котором шла речь выше.

берега Черного моря и территорий на Северном Кавказе, отошедших к России в результате двух русско-турецких войн (1768–1774 и 1787–1791), которые вела Екатерина. В 1783 году Россия присоединила Крым, который – с формальной точки зрения – был независимым с 1774 года, а до этого подчинялся Османской империи. На западе большие части польской территории в Белоруссии, Ливонии, Литве и северо-западной Украине отошли к Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой между Пруссией, Россией и Австрией в 1772, 1793 и 1795 годах (Австрия участвовала только в первом и третьем разделах).

Это расширение территории, несомненно, воспринималось как процесс построения империи и было предметом гордости для россиян. В 1721 году, после триумфальной победы в войне со Швецией, Петр принял титул императора, заимствованный из латыни, вероятно следуя примеру правителей Священной Римской империи, титул которых имел наибольший вес в системе международных отношений того времени²¹⁹. Военная мощь и воинская отвага, лежащие в основе империи, многократно восхвалялись русскими литераторами XVIII века вне зависимости от их идей и политических взглядов. Важную роль в этом отношении играли оды (например, М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина) и эпическая поэзия (например, М. М. Хераскова). Наиболее ярким сочинением, воплотившим традицию восхваления имперских завоеваний, является двенадцатитомная, хотя и незавершенная «История государства Российского» (1818–1829), написанию которой Н. М. Карамзин посвятил последние двадцать пять лет своей жизни (ил. 2). В ней Карамзин утверждал, что монархи позднесредневековой Московии, в особенности Иван III (годы правления 1462–1505), которого он возвеличивал, вели Россию к славе, которая должна была затмить собой даже славу Древнего Рима²²⁰.

---

²¹⁹ Благодарим С. Я. Карпа за это замечание.

²²⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. СПб., 1816–1829. Особенно см. т. 6. Об этом произведении Карамзина см.: Offord D. Nation-Building and Nationalism in N. M. Karamzin's «History of the Russian State» // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. 3. P. 1–50.

Ил. 2. В. А. Тропинин. Портрет Н. М. Карамзина. Копия портрета из издания: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова: В 5 т. Т. 1. М., 1999. С. 58, предоставлена Российской национальной библиотекой.

Основную роль в строительстве империи играла модернизация в военной сфере. С помощью многочисленных иностранных наемников и советников Петр реорганизовал свою армию, обучил ее и дал ей новое вооружение. Он также построил флот, благодаря которому Россия стала морской державой на Балтийском, а впоследствии и на Черном море, и в Восточном

Средиземноморье²²¹. Наряду с этим он основал институты и ввел практики, целью которых было целесообразное распределение человеческих ресурсов, увеличение налогов и развитие технических возможностей, необходимых для ведения военных действий, а также превращение России в одну из главных европейских держав. Он произвел изменения и на административном уровне: распределил чиновников по «коллегиям», организованным в соответствии с моделями, взятыми на вооружение у Швеции и других европейских стран. Коллегии начали свою работу в 1719 году, каждая отвечала за одно из важнейших направлений государственной деятельности, например ведение иностранных дел, торговлю, управление государственными доходами. В 1722 году Петр учредил созданную по примеру датских, прусских и шведских аналогов «Табель о рангах», которая приписывала лиц, состоящих на государственной службе (военной, государственной или придворной), к одному из четырнадцати классов. При этом чины, перечисленные в табели (например, адмирал, генерал, камергер и канцлер), как и новые титулы (например, барон или граф), указывали на то, что, проводя свои реформы, Петр ориентировался на западные образцы. Стремительный технический прогресс, во многом обеспеченный силами иностранцев, позволил резко увеличить добычу угля и железной руды, организовать новые типы производства и реализовать серьезные строительные проекты, в первую очередь строительство новой столицы на берегу Финского залива, Санкт-Петербурга, которое началось в 1703 году. В целях развития науки и культуры и распространения знаний были учреждены научные и учебные заведения, включая Академию наук, которая была открыта в Санкт-Петербурге вскоре после смерти Петра в 1725 году, причем консультантом при ее создании выступил немецкий математик и философ Готфрид Вильгельм Лейбниц.

Как замечает П. Рузвельт, в основе петровских реформ лежала идея о том, что технологии и культура неразделимы: Петр «пришел к убеждению, что, чтобы мыслить по-европейски – то есть понимать, как устроены западные технологии, военные методы и система управления государством, – русские должны научиться вести себя по-европейски». По этой причине он решил заставить русских дворян вести себя и одеваться по-новому²²², а некоторых подданных обязал посещать общественные собрания²²³. Социальная и культурная вестернизация продолжилась и во время правления императриц, которые занимали российский престол почти все время после смерти Петра в 1725 году вплоть до конца столетия. И действительно, в годы правления Елизаветы Петровны и в особенности Екатерины II создание образа России как мощной державы, которая может похвастаться изысканным обществом и культурой западного типа, было важной задачей империи. Приемы, организованные на французский манер, *soirées*, салоны и балы в конце концов стали привычной частью жизни элиты. Женщины, которые в допетровской Московии, по замечанию Герберштейна²²⁴, вели затворническую жизнь, стали заметными, вызывающими восхищение членами общества. Начиная с 1699 года Петр издавал указы, обязывавшие дворян носить европейскую одежду, и ко времени правления Екатерины II представители русской элиты благодаря модным костюмам, прическам и украшениям выглядели совсем как европейцы. Расширение лексического значения русского слова «свет» (в смысле «мир»), которое теперь стало обозначать и высшее общество (фр. *monde*), было отражением этих социальных и культурных изменений. Заметным было и развитие литературы. В XVIII веке, особенно во второй его половине, русские авторы (А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов и многие другие) создали русские образцы жанров классической и современной европейской литературы, таких как сатира, размышление, трагедия, комедия, элегия, метафизическая поэ-

²²¹ О петровских реформах см. Анисимов (1989), Anisimov (1993), Hughes (1998), Dixon (1999), Павленко (2003), Анисимов (2009). О «модернизации» в России XVIII века см. Dixon (1999), особенно p. 1–26.

²²² Roosevelt P. Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven; London, 1995. P. 8–10.

²²³ Подробнее об этих собраниях см. в первом разделе главы 3.

²²⁴ Herberstein. Description of Moscow and Muscovy, 1557. P. 40–41.

зия, басня, ода, эпическая поэма, а также беллетристика. Начала развиваться периодическая печать, в которой находило выражение только зародившееся общественное мнение. Екатерина II сама поощряла ее развитие, по крайней мере до тех пор, пока безобидные насмешки над общественными нравами не начали перерастать в подобие критики общественного порядка и органов политической власти.

Знакомство с иностранными языками в России XVIII века

Приобщение России к западной культуре и ее практикам неизбежно влекло за собой знакомство с живыми западноевропейскими языками: голландским, английским, французским, немецким, итальянским, – о которых практически не имели представления жители Московии XVII века, где еще не существовало университетов²²⁵. Эти языки служили посредниками, позволявшими русским людям XVIII века получать информацию о темах, которые теперь представляли для них живой интерес: оружие, военная стратегия, кораблестроение, навигация, фортификация, гражданская архитектура, математика, медицина, государственное управление, налогообложение, горное дело, промышленное производство, педагогика, география, история, литература, светское общество, одежда, кухня, вкусы, мода и способы проводить досуг. Возникла большая потребность в знающих иностранные языки людях, которые могли бы познакомить русских с огромным количеством печатных источников, содержащих сведения об этих практических вопросах, не говоря уже о литературном, художественном и музыкальном наследии Запада. Задача была непосильной, и, если русские хотели приобщиться к этому широкому полю информации, у них не оставалось иного выбора, кроме как научиться читать эти источники в оригинале или в переводе на язык-посредник, которым чаще всего в XVIII веке был французский. Во всяком случае, чтобы общаться с иностранными военными, моряками, инженерами, архитекторами, дипломатами, врачами, учеными и учителями, которые наводнили обновленную Россию после 1700 года, русским требовалось умение разговаривать на других европейских языках, так как мало кто из этих иностранцев говорил по-русски. Для того чтобы получить образование за рубежом, русский человек также должен был хорошо владеть языком страны, в которую направлялся, или, по крайней мере, одним из широкоупотребительных международных языков того времени, например латинским, французским или немецким.

Однако нарастающая коммуникация между Россией и Западом в XVIII веке развивалась не только в одном направлении, и иностранные языки были необходимы не только для того, чтобы запустить процесс восприятия иностранной культуры – процесс, который в дальнейшем, особенно в XIX веке, сформировал особую русскую культуру Нового времени. Знание иностранных языков дало русским еще и возможность изменить представления западных людей о своей стране, представив им образ государства, радикально отличавшийся от того, что те могли обнаружить в текстах Герберштейна, Флетчера, Олеария, равно как и других авторов, которые сами не бывали в России, но с готовностью воспроизводили негативные стереотипы²²⁶. Послепетровская Россия позиционировала себя как «европейская держава» – эти слова можно встретить в «Наказе» Екатерины II²²⁷, – которой правит просвещенный монарх. В течение XVIII столетия российский двор и элита добивались, чтобы другие европейцы признали Россию цивилизованным членом их сообщества. Владение самыми широкоупотребительными языками этого сообщества было важным условием для такого признания, оно давало Российской империи право претендовать на столь же высокий статус в культурной сфере,

---

²²⁵ Опыт посещения русским посольством Франции в 1668 году ярко демонстрирует, насколько плохо русские знали французский язык и как это обстоятельство могло ослабить положение русских дипломатов. См.: *Schaub M.-K. Avoir l'oreille du roi: l'ambassade de Pierre Potemkine et Siméon Roumiantsev en France en 1668 // Andretta S. (Dir.) Paroles des négociateurs. Entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen Age à la fin du XIXe siècle. Rome, 2010. P. 213–228, особенно p. 220–221. О том, как улучшилось знание языков в русском дипломатическом сообществе в конце XVII и в XVIII веке, см. в первых трех разделах главы 5.*

²²⁶ См., напр., «Московию» Дж. Мильтона, текст, написанный в середине XVII века. В своем произведении Милтон в значительной степени опирался на описание Дж. Флетчера.

²²⁷ [Екатерина II]. Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. М., 1767.

который она обеспечила себе в сфере дипломатической благодаря военным успехам. Владение этими языками позволило русским писателям войти в европейские литературные круги и познакомить западную публику со своим творчеством как посредством переводов, так и в личной переписке на языке, понятном иностранным читателям. Таким образом, новоприобретенная способность русских говорить на иностранных языках и активно использовать их сильно изменила восприятие России другими народами и самовосприятие русских как на национальном, так и на личном уровне²²⁸.

Многие иностранные языки появились в России в XVIII веке, когда монархи пытались вывести государство на путь ускоренной модернизации, русские дворяне перенимали западные практики и показывали западному миру новый образ своей страны, а количество торговых и личных контактов с Западом увеличилось благодаря участвовавшим путешествиям русских за границу и иностранцев в Россию. Голландский – язык великой морской державы, флот и коммерческие достижения которой произвели огромное впечатление на Петра, – был полезен в сфере судостроения, что подтверждают языковые заимствования того времени²²⁹. Немецкий язык находил применение во многих практических сферах, таких как металлургия, горное дело и медицина²³⁰. На протяжении большей части XVIII века ему обучали так же активно, как и французскому, а в некоторых учебных заведениях немецкому уделяли даже больше внимания, чем французскому языку²³¹. Немецкий широко использовался в Академии наук, где большинство ученых в первое время были выходцами из немецкоговорящих стран²³². В екатерининскую эпоху этот язык осваивали наиболее талантливые студенты, которых отправляли учиться в университеты Германии. И что самое главное, немецкий был родным языком значительной части российской имперской элиты, особенно семей из прибалтийского региона, оказавшегося под властью Российской империи в результате расширения ее границ в XVIII веке. (Прибалтийско-немецкие семьи проявляли исключительную преданность российской императорской власти и снабжали ее огромным количеством военного и гражданского персонала, что особенно впечатляет, если учесть, насколько незначительную часть от общего населения империи составляло это сообщество.) Итальянский также стал частью языкового репертуара некоторых русских дворян, что отчасти объясняется его важной ролью в сфере изобразительных искусств (итальянскому обучали, например, студентов Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге) и его первостепенным значением для музыки, которое не было утрачено даже после того, как французский занял доминирующее положение в других сферах европейской культуры. Кроме того, в Средиземноморском регионе итальянский был важным языком дипломатии, так как служил *lingua franca* в деловых контактах европейцев с турецким двором²³³. К английскому языку некоторые группы русского дворянства также относились с уважением, особенно высоко он ценился в конце XIX века людьми, которые желали продемонстрировать свое социальное превосходство, однако при этом он не имел первостепенного значения, как можно было ожидать, учитывая существенную роль дипломатических и торговых контактов Британии с Россией в XVIII веке и англomанию, периодически возникавшую в среде рус-

²²⁸ Об использовании иностранных языков, в частности французского, с целью создать у европейских читателей определенный образ России см. в главе 7.

²²⁹ Из голландского в русский язык перешли такие слова, как «гавань», «дрейф», «матрос», «штурман», «верфь».

²³⁰ См.: Dahmen K. The Use, Functions, and Spread of German in Eighteenth-Century Russia // The Russian Review. 2015. 74:1. P. 20–40.

²³¹ См.: Rjéoutski V., Offord D. French in Public Education in Eighteenth-Century Russia: The Case of the Cadet Corps. URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx21l2u1m5f3bjp/Cadet%20Corps%20introduction.pdf>.

²³² См. последний раздел главы 5.

²³³ См.: Cremona J. Italian-based Lingua Francas around the Mediterranean // Lepschy A. L., Tosi A. (Eds). Multilingualism in Italy Past and Present. Oxford, 2002. P. 24–30; Varvaro A. The Maghreb Papers in Italian Discovered by Joe Cremona // Lepschy A. L., Tosi A. (Eds). Rethinking Languages in Contact: The Case of Italian. Oxford, 2006. P. 146–151; Bély L. L' Art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne, XVIe—XVIIIe siècle. Paris, 2007. P. 411.

ского дворянства, особенно в начале XIX столетия²³⁴. Латынь тоже использовалась в России XVIII века, она была языком учености в Академии наук, на латыни составлялись девизы и надписи (например, надпись на постаменте медного всадника в Санкт-Петербурге – памятника, воздвигнутого Екатериной II Петру I)²³⁵.

Несмотря на то что к моменту смерти Петра Великого в 1725 году французский уже, по всей видимости, стал основным языком международной коммуникации в Европе и на то что к этому времени российская элита начала высоко ценить знание иностранных языков, люди, принадлежавшие к этой элите, не отдавали предпочтение французскому перед другими упомянутыми выше языками вплоть до середины XVIII века. Однако во второй половине столетия симпатии русской аристократии уже оказались полностью на стороне французского языка и французской культуры. По замечанию Д. Дидро, в Европе не было нации, которая поддавалась бы французскому влиянию – в отношении как языка, так и поведения – столь же быстро, как русская²³⁶. Несомненно, одной из причин доминирования французского в России послужило то, что императрица Елизавета Петровна, которая с детства при дворе Петра училась этому языку у француженки, прекрасно им владела²³⁷. Более того, в начале правления Елизаветы французский язык был важен для нее в политическом смысле: он позволил ей дистанцироваться от немецкоговорящих претендентов на престол после смерти императрицы Анны Иоанновны в 1740 году, а впоследствии сформировать двор, принципиально отличавшийся от двора Анны Иоанновны, фавориты которой, столь ненавистные Елизавете, и главные государственные деятели (Э. И. Бирон, Х. А. Миних и А. И. Остерман) были немцами²³⁸. Однако и после этого Елизавета Петровна не переставала отдавать предпочтение французскому языку. Во времена ее правления при дворе французские театральные труппы часто играли французские комедии²³⁹, а посетивший Россию в 1755 году француз Ла Мессельер заметил, что придворные там говорят по-французски «comme à Paris» (как в Париже)²⁴⁰. В середине века владение французским и привычку говорить дома на этом языке можно было наблюдать в некоторых дворянских семьях (например, у Воронцовых, Шуваловых, Разумовских), чьи представители были приближенными Елизаветы Петровны и сделали весьма успешные карьеры во времена ее правления²⁴¹.

Кроме важной роли, которую французский язык играл в придворной жизни, были и другие факторы, способствовавшие его распространению в среде элиты в середине столетия. Два автора, творчество которых имеет важное значение для истории русской литературы XVIII

²³⁴ См.: Cross A. G. English – a Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // *The Russian Review*. 2015. 74:1. P. 57–68.

²³⁵ См.: Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск, 1999; Ржеуцкий В. Латинский язык в дворянском образовании в России XVIII века // *Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII – начала XIX в.* / Под ред. А. Костина. СПб., 2018. С. 228–251.

²³⁶ См.: Dulac G., Karp S. (Eds). *Les Archives de l'Est et la France des Lumières. Guide des Archives et inédits*. Vol. 2. Ferney-Voltaire, 2007. Vol. 1. P. vi.

²³⁷ См.: Anisimov E. V. *Empress Elizabeth: Her Reign and Her Russia 1741–1761* / Ed., transl. and with a preface by John T. Alexander. Gulf Breeze, 1995. P. 10.

²³⁸ Э. И. Бирон требовал, чтобы вся адресованная ему корреспонденция была на немецком языке. См.: Rogger H. *National Consciousness in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, 1960. P. 93. Однако не стоит переоценивать различия в языковой практике при дворе в правление Анны Иоанновны и в царствование Елизаветы Петровны. Немецкие фавориты и государственные деятели Анны Иоанновны знали французский и часто пользовались им по долгу службы. Более того, именно Анна Иоанновна впервые пригласила ко двору французскую театральную труппу (из Германии).

²³⁹ См. второй раздел главы 3 и работу А. Г. Евстратова, на которую мы в нем ссылаемся.

²⁴⁰ Цит. по: Cross A. (Ed.). *Russia under Western Eyes, 1517–1825*. London, 1971. P. 194.

²⁴¹ Подробнее о Михаиле Илларионовиче Воронцове и Иване Ивановиче Шувалове, франкоязычных придворных Елизаветы Петровны, см. в: Anisimov. *Empress Elizabeth*. P. 211–230. И. И. Шувалов стал фаворитом Елизаветы в конце 1740-х годов. М. И. Воронцов во времена ее правления занимал посты вице-канцлера и канцлера. Об иностранных языках в семье Воронцовых см.: Tipton J. *Multilingualism in the Russian Nobility: A Case Study on the Vorontsov Family*. PhD thesis for the University of Bristol, 2017.

века, – поэт, автор трактатов о стихосложении и переводчик Василий Кириллович Тредиаковский и сатирик и дипломат Антиох Дмитриевич Кантемир – провели долгое время в Париже: первый в 1727–1730 годах учился в Сорбонне, а второй с 1738 года до своей кончины в 1744 году руководил российской дипломатической миссией. Возможно, их знакомство с французским языком обусловило то, что недавно сформировавшееся в России литературное сообщество уже в начале своего существования обратило внимание на Францию. В любом случае именно у французской литературы русские авторы XVIII века, заложившие основы национальной светской литературы, переняли принципы эстетической парадигмы классицизма и заимствовали основные жанровые модели. На политическом уровне хорошие дипломатические отношения между Россией и Францией установились в начале Семилетней войны (1756–1763), которая стала поворотным моментом, когда Россия начала активно позиционировать себя как ведущая европейская держава. Тот факт, что Екатерина II, взошедшая на престол после краткого периода правления ее мужа Петра III, который унаследовал трон после смерти Елизаветы Петровны в 1761 году (или в начале 1762 по новому стилю), сама была иностранкой, также способствовал тому, чтобы обратить взгляды русских на западный мир, где французская культура была в большом почете²⁴².

Однако среди всех причин, по которым французский стал самым важным иностранным языком в среде российской элиты XVIII века, основной, вероятно, было то, что дворяне из смиренных слуг всемогущего монарха превратились в членов сообщества, обладающего самосознанием и собственной инициативой. Будучи главной силой, с помощью которой власть проводила процесс вестернизации России, дворяне (по крайней мере, высшее и отчасти среднее дворянство) подражали европейцам и учились у них тому, как, в том числе с помощью речи, можно было демонстрировать свою принадлежность к определенной социальной группе. Начиная с середины XVIII века владение французским стало важнейшим навыком, необходимым для улучшения или поддержания своего положения в обществе, и дворяне были готовы вкладывать много сил и ресурсов в изучение этого языка, стремясь к тому, чтобы их дети приобрели культурный капитал (термин П. Бурдьё), который впоследствии мог быть преобразован в капитал материальный, так как знание французского было необходимо для того, чтобы занимать высокие посты и добиться успеха при дворе и в высшем обществе. Однако прежде чем подробнее рассмотреть эту социальную трансформацию и проанализировать ее влияние на культуру, мы должны сделать два замечания о распространении французского языка в среде русского дворянства XVIII века.

Во-первых, процесс перенесения практик и продуктов западной культуры в Россию происходил при участии множества посредников разных национальностей, что не удивительно, принимая во внимание огромное количество социальных и культурных изменений, которые претерпела российская элита. Если говорить о французах или франкоязычных посредниках, то среди них были дипломаты из аристократических семей, такие как барон Мари-Даниэль Бурре де Корберон и Луи-Филипп граф де Сегюр, другие члены высшего дворянства, такие как принц Шарль-Жозеф де Линь, и такие европейские интеллектуалы, как энциклопедист Дени Дидро, родившийся в Регенсбурге и живший долго в Париже журналист и художественный критик Фридрих Мельхиор Гримм, будущий писатель и представитель предромантизма Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьер и будущий историк Пьер-Шарль Левек. Возможности сбыта товаров в России, появившиеся с развитием у российского дворянства новых вкусов, привлекали многих франкоязычных эмигрантов различных профессий. Среди них были издатели и книгопродавцы²⁴³, удовлетворявшие спрос на иностранную литературу и западную периодику,

---

²⁴² Подробнее о французском языке в екатерининскую эпоху см. во втором и третьем разделах главы 3.

²⁴³ Подробнее о них см.: *Rjéoutski V. Les libraires français en Russie au Siècle des Lumières // Histoire et civilisation du livre: revue internationale. 2012. 8. P. 161–183.*

торговцы галантерейными товарами, портные, модистки, парикмахеры, парфюмеры, мебельщики, виноторговцы, повара, кондитеры и другие специалисты. Представить себе разнообразие коммерческих задач, решением которых занимались такие посредники, и, как следствие, степень обновления русской материальной культуры можно, обратившись к перечню товаров, привезенных в 1747 году из Руана в Санкт-Петербург французским гугенотом Жаном Дюбиссоном, который был известен в основном как виноторговец, но при этом явно учитывал спрос на другие продукты. Среди его товаров были дамские гарнитуры, мантильи, костюмы для маскарадов, шляпы, кресла, канапе, комоды, зеркала, щетки, трости, кисти, темляки на шпаги, чулки, пудра, гребни, гвозди, булавки, иглы, чернильницы и многое другое²⁴⁴. Французский дипломат Ла Мессельер с ужасом заметил, что «у многих знатных господ живут беглецы, банкроты, развратники, и немало женщин такого же рода, которые, по здешнему пристрастию к французам, занимались воспитанием детей значительных лиц»²⁴⁵. Все, кто приезжал или эмигрировал в Россию, каковы бы ни были их происхождение или личные мотивы, побудившие их отправиться туда, были прямо или косвенно причастны к распространению французского в этой стране. Многие из них, независимо от педагогической квалификации, становились преподавателями в таких учебных заведениях, как Сухопутный шляхетный кадетский корпус (основан в Санкт-Петербурге в 1731 году), в разного рода пансионах, появившихся в Санкт-Петербурге и Москве, или устраивались учителями и гувернантками в дворянские дома²⁴⁶.

Во-вторых, энтузиазм, с которым дворянство осваивало иностранные культурные практики и использовало западные товары, заставляет нас задуматься о том, в какой степени вестернизация XVIII века, по крайней мере в сфере культуры, была продиктована обществом императорской властью. Есть основания предполагать, что в петровскую эпоху вестернизация во всех сферах в основном насаждалась свыше и была обусловлена волей государя, а не духом предпринимательства и любознательностью членов общества. Здесь можно вспомнить упомянутый Е. В. Анисимовым принцип Петра Великого: «Прогресс достигается насильем»²⁴⁷. Однако в период после смерти Петра дворянство стало более независимым в интеллектуальном и культурном отношении. По замечанию И. И. Федюкина, вследствие изменения представлений о человеческой природе дворяне в глазах государства (как и в своих собственных) превратились в сословие, представители которого благодаря «наличию у них амбиций и честолюбия могли претендовать на право самостоятельно распоряжаться своими собственными жизнями и участвовать в принятии решений касательно общего блага». Честолюбие и «анкуражирование» гораздо сильнее, чем принуждение, способствовали тому, что дворяне из слуг превратились в автономных субъектов²⁴⁸. Таким образом отдельные люди, как и государство в целом, начали проявлять инициативу в важных вопросах²⁴⁹. Деятельность дворянства, безусловно, не противоречила ориентированной на Запад политике власти или «государственному проекту европеизации», если воспользоваться выражением А. Шёнле и А. Л. Зорина²⁵⁰. Однако со вре-

²⁴⁴ См.: Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 193–194.

²⁴⁵ Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 4. Стб. 952–1031.

²⁴⁶ О частных школах см.: Rjéoutski V. Les écoles étrangères dans la société russe à l' époque des Lumières // Cahiers du monde russe. 2005. 46:3. Р. 473–528.

²⁴⁷ Так звучит подзаголовок английского издания книги Е. В. Анисимова: *Anisimov E. V. The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia* / Transl. and with an introduction by John T. Alexander. Armonk; N. Y.; London, 1993.

²⁴⁸ Fedukin I. From Passions to Ambitions. Human Nature and Governance from Peter I to the Emancipation of the Nobility // Schönle, Zorin, Evstratov (Eds). *The Europeanized Elite in Russia 1762–1825*. Р. 26–45, здесь р. 26, 41–44.

²⁴⁹ См., напр.: Федюкин И. И., Лавринович М. Б. (Ред.). «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в первой половине XVIII века. М., 2015.

²⁵⁰ А. Шёнле и А. Л. Зорин так определяют роль дворянства в этом процессе: «демонстрация величия Российской империи на международной арене в военной или дипломатической сфере, участие в управлении империи, распространение в обществе европейского этикета и изысканных манер, содействие распространению знаний и образования, основание новых институтов, испытание новых технологий и тому подобное» (Schönle A., Zorin A. Introduction // Schönle, Zorin, Evstratov (Eds). *The*

менем дворянам на пути к изменениям уже больше не требовалось (или почти не требовалось) поощрение власти, особенно в таких сферах, как образование детей, развитие определенных форм социальных отношений и речевого поведения. Свидетельства, к которым мы обратимся, демонстрируют, насколько восприимчивым русское высшее дворянство было по отношению к западным идеям и культуре и насколько сильно вследствие этого обогатилась культурная жизнь общества, что невозможно объяснить только лишь стремлением дворянства исполнить волю властей. В частности, серьезные и настойчивые попытки овладеть иностранными языками, находившие выражение в том воспитании, которое дворяне по возможности давали своим детям, приводят нас к мысли о том, что формирование по-европейски образованной, но патриотически настроенной элиты не было просто учреждено повелением сверху, а согласовалось с желаниями и стремлениями дворянства. Более того, считается, что государство само поощряло «личную инициативу, при этом навязывая дворянству политические обязанности – участие в управлении страной»²⁵¹, о чем мы подробнее поговорим в следующем разделе.

Europeanized Elite in Russia. P. 1–22, здесь p. 9–10).

²⁵¹ Здесь и далее – цитаты по Ibid. P. 7. Шёнле и Зорин, по их словам, стремятся таким образом «возвратить элите некоторую степень свободы воли, несмотря на внешнее раболепство перед монархом» (Ibid. P. 15). Также они подчеркивают «первостепенное значение воспитания», которое должно было привить дворянству «внутреннюю потребность служить монарху» (Ibid. P. 6–7). Мы полностью разделяем эту точку зрения, и именно поэтому мы поместили главу об обучении французскому языку почти в самом начале своей книги. Образование было важнейшим инструментом происходившей в России модернизации, которая, по замечанию Шёнле и Зорина, воспринималась «как важный шаг к просвещению, понимаемому в основном с точки зрения универсализма» (Ibid. P. 2). Стоит добавить, что та часть российской аристократии, самооценка которой определялась высоким уровнем культуры (а не, скажем, родовитостью, богатством или заслугами), не могла не испытывать уважения к образованию, в особенности к такому образованию, важнейшей частью которого было обучение иностранным языкам, открывавшим доступ к культурным моделям, которые вызывали у представителей этой группы особое восхищение.

Золотой век дворянства

Петр Великий требовал, чтобы начиная с пятнадцати лет дворяне несли пожизненную службу, а из учрежденной им Табели о рангах следовало, что построение карьеры дворянина зависело в большей степени от его заслуг перед государством, нежели от происхождения²⁵². Однако последующие правители начали смягчать чрезмерные требования, которые Петр предъявлял к дворянству. В манифесте 1736 года «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнения от оной» Анна Иоанновна ограничила срок службы двадцатью пятью годами и повысила возраст призыва дворян на службу до двадцати лет; кроме того, она предоставила им право оставлять одного или нескольких сыновей дома, чтобы они управляли имением²⁵³. Затем, в годы правления Елизаветы Петровны, был разработан проект закона, определявшего дворянские привилегии, в том числе экономические – исключительное право на владение металлургическими и винными заводами, на получение займов и ссуд²⁵⁴. Наиболее масштабным документом в этом отношении был манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», изданный Петром III в 1762 году, спустя меньше чем два месяца после его восшествия на престол и примерно за четыре до того, как он был свергнут Екатериной II и лишен жизни. Во вступительной части манифеста отмечается, что суровые меры, которые Петр Великий применял к своим подданным, хотя и принесли России много пользы, познакомя дворян с благами просвещения и приучив их к прилежной службе, теперь могут быть ослаблены. Документ освобождал дворян от обязательной военной и гражданской службы и давал им право свободно выезжать за границу (хотя для путешествий им все еще необходимо было получать разрешение, поскольку для выезда требовался паспорт²⁵⁵). Дворяне, имевшие звание офицера, могли уйти в отставку, однако во время войны или за три месяца до начала военной кампании обязаны были оставаться на службе (Статья 1). Дворяне, не дослужившиеся до офицерского звания, могли получить отставку, прослужив двенадцать лет (Статья 8). В пункте манифеста, иллюстрировавшем представление о дворянстве как о европейском сословии, дворянам разрешалось служить другим европейским правителям и сохранять звание, полученное ими за границей, по возвращении в Россию (Статья 5). Дворянин был обязан по требованию властей вернуться в Россию под угрозой конфискации его имения (Статья 4), но кроме этого на дворян налагалось всего одно обязательство – дать своим детям образование, отправив их в учебные заведения России или других европейских стран или наняв им хороших учителей (Статья 7)²⁵⁶.

---

²⁵² Обязанности и права русского дворянства хорошо описаны в работе Исабель де Мадариаги, входящей в двухтомный сборник под редакцией Хэмиша М. Скотта (Scott 1995), где дается сравнительное описание истории этого класса в Европе. Не менее важные работы по этой теме принадлежат Марку Исаевичу Раеву (Raeff 1966) и Роберту Джонсу (Jones 1973). В книге *Lieven D. The Aristocracy in Europe, 1815–1914*. Basingstoke, 1992 (рус. пер.: *Ливен Д. Аристократия в Европе 1815–1914*. СПб., 2000; этот перевод неточен, поэтому мы даем везде свой перевод с оригинального издания) автор приводит весьма интересные сведения о русской аристократии и производит сопоставительный анализ роли и судьбы дворянства в Англии, Германии и России в эпоху промышленного развития и националистического подъема. Классическими русскоязычными работами, посвященными этой теме, являются книги Александра Васильевича Романовича-Славатинского (1870) и Сергея Мартиновича Троицкого (1974). Ниже мы обратимся к более современным работам Елены Нигметовны Марасиновой, Людмилы Васильевны Ивановой и Мишель Ламарш Маррезе. О русском дворянстве и возможности его сравнения с дворянством других европейских стран см. также: *Ржеуцкий В. С., Федюкин И. И., Берелович В. (Ред.). Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века*. М., 2018. С. 5–21.

²⁵³ «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнения от оной» (31 декабря 1736 года): ПСЗ, № 7142.

²⁵⁴ См.: *Anisimov. Empress Elizabeth*. P. 60 ff.

²⁵⁵ Благодарим С. Я. Карпа за это замечание.

²⁵⁶ «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (18 февраля 1762): ПСЗ, № 11444. Об этом документе см. также: *Schönle, Zorin. Introduction*. P. 5–7.

В 1785 году Екатерина II издала собственную «Жалованную грамоту дворянству», подтверждающую данные дворянам Петром III привилегии, такие как право увольняться со службы, выезжать за границу и служить другим европейским державам (Статьи 17–19). Более того, грамота Екатерины II давала им куда больше послаблений и привилегий, чем манифест Петра III. Дворянское достоинство передавалось по наследству, а лишить его могли только человека, совершившего особые преступления, которые считались противоречащими статусу дворянина (4–6). Дворянина могли лишить дворянского достоинства, чести, жизни или имущества только через суд, вершимый людьми того же сословия (8–12). Дворяне были освобождены от телесных наказаний (15) и личных налогов (36). Они могли распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению (22). Им было дано право покупать деревни (26), продавать оптом все, что растет или производится в их имениях (27), устраивать фабрики и заводы на принадлежащей им земле (28), добывать в своих владениях полезные ископаемые (33), а также иметь, покупать или строить дома в городах (30)²⁵⁷.

Манифест Петра III и грамота Екатерины II считаются важными вехами в истории русского дворянства, поэтому мы не можем не учитывать их в своем исследовании речевого поведения, то есть использования дворянами определенного языка и их отношения к нему. Насколько сильно появление этих законодательных актов изменило образ жизни дворян? Как они изменили представление дворян о себе? Одинаково ли повлияли эти законы на всех дворян? И в какой степени эти меры властей (то есть действия сверху) в противовес инициативам самих дворян (то есть спонтанным действиям снизу) послужили причиной преобразования дворянства в сообщество западного типа?

Безусловно, манифест и грамота способствовали тому, что высшие слои дворянства стали более образованными (манифест Петра III открыто призывал их к этому), в результате чего у них развилось особое чувство собственного достоинства (выражаясь по-французски, *amour-propre*, от чего произошла русская калька «самолюбие»)²⁵⁸. Они много путешествовали, пользуясь свободным временем и доходом, получаемым с имений, где трудились крепостные. Если в петровскую эпоху дворяне выезжали за границу в основном по делам, связанным с их профессией, или по указанию монарха, то в годы правления Екатерины II они чаще путешествовали по собственному желанию, подражая западным людям, отправлявшимся в гран-тур. Они перенимали привычки дворян других стран. Сопоставляя русских аристократов с австрийскими, Д. Ливен отмечает, что они «читали те же книги, носили похожую одежду, у них были одинаковые развлечения, они легко общались друг с другом по-французски в модных салонах и на курортах по всей Европе»²⁵⁹. Особенно важным, с нашей точки зрения, был тот факт, что русские дворяне перенимали манеру говорить и – без преувеличения, как между делом замечает Д. Ливен, – язык своих новых европейских собратьев. Владение французским языком было очень важно для молодых русских дворян и дворянок, наряду с утонченными манерами, способностью вести непринужденную беседу, умением рисовать и танцевать, а также фехтовать (в случае с юношами) или петь и играть на музыкальных инструментах (в случае с девочками). Оно было залогом вхождения в ряды европейской социальной элиты. Более того, приобщение к этой элите влекло за собой знакомство с принятыми ею законами чести и нормами социального поведения. Доброе имя, иметь которое стремился каждый уважающий себя благородный человек, стало ключевым компонентом социальной идентичности русских дворян, как и дво-

²⁵⁷ «Жалованная грамота дворянству», или «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1700dok/1785gramota.php>. Номера, указанные нами в скобках, обозначают номера статей грамоты.

²⁵⁸ *Amour-propre* не следует путать с эгоистической любовью к себе (*amour de soi* или «себялюбием»). Д. И. Фонвизин противопоставил эти понятия в своей комедии «Недоросль», которая была впервые поставлена в 1782 году. См. «Недоросль», действие третье, явление I в: Фонвизин. Собр. соч. Т. 1. С. 132.

²⁵⁹ Здесь и далее наш перевод с англ. по изд. Lieven D. Empire. The Russian Empire and Its Rivals. London, 2003. P. 163.

рян английских. При необходимости они были готовы защищать свою честь на дуэли, считая, что потерять здоровье или жизнь менее страшно, чем потерять репутацию, то есть свой культурный капитал, отказавшись от поединка.

Может возникнуть вопрос, многие ли русские дворяне могли в полной мере использовать возможности, открывшиеся им в связи с получением новых юридических прав во второй половине XVIII века. М. Ламарш Маррезе считает, что для многих дворян XVIII столетия эти возможности были ограничены даже после 1762 года из-за долгов и зависимости от покровителей²⁶⁰. И действительно, согласно статистике, приведенной Ириной Викторовной Фаизовой, после 1762 года число дворян, воспользовавшихся возможностью уйти в отставку, значительно не возросло²⁶¹. Е. Н. Марасинова также задается вопросом, стало ли появление манифеста 1762 года по-настоящему поворотным моментом для дворянства, а если стало, то в чем это выражалось. Исследовательница рассматривает этот документ как попытку «не столько провозгласить новые привилегии высшего сословия, сколько усилить воздействие на мотивацию его представителей в нужном для абсолютизма направлении», для чего требовалось «повысить престиж образования» и «усилить авторитет чинов»²⁶². После 1762 года служба, строго говоря, из юридической обязанности превратилась в нравственный долг, однако при этом, как утверждает Е. Н. Марасинова, дворяне все еще ревностно желали служить, так как служба императрице и Отечеству понималась как привилегия, дающая дворянину благосклонность монарха, престиж и, как считалось, доступ к утонченному образу жизни²⁶³. Говоря о том, стал ли манифест 1762 года решающим стимулом для тех дворян, которые использовали свободное время, стараясь просвещаться (например, путешествуя за границу), следует отметить, что некоторые аристократы поступали так еще до издания Петром III этого документа. Таким образом, возникают сомнения в том, что качественные и количественные изменения в деятельности значительного числа дворян после 1762 года произошли именно благодаря привилегиям, данным им Петром III и подтвержденным спустя два десятилетия Екатериной II.

Говоря о дворянских обязанностях, правах, привычках и самовосприятии, следует пояснить и еще раз подчеркнуть один момент, прежде чем перейти к рассмотрению важных для нашего исследования аспектов исторического контекста XIX века. Несмотря на то что в манифесте Петра III 1762 года и грамоте Екатерины II 1785 года были описаны привилегии, которые – теоретически – давались всему дворянскому сословию и проводили резкую границу между дворянами и остальными социальными слоями, российское поместное дворянство само по себе было неоднородным. Пестрота дворянства становится очевидна при чтении грамоты Екатерины II, где, в частности, находит отражение тот факт, что в течение веков люди становились дворянами по разным причинам. Так, из Статьи 91 становится ясно, что при Екатерине дворяне могли унаследовать свое звание, однако оно также могло быть пожаловано им монархом. О том, насколько разнообразным был состав дворянского сословия, можно судить не только по пунктам, прямо говорящим об этом, но и по подробному списку официально признаваемых доказательств благородства и, конечно, по содержащемуся в конце Статьи 91 замечанию о том, что, кроме отмеченных в документе, могут существовать и иные доказательства подобного рода. Мы обратим внимание на некоторые различия между дворянами и объясним, почему они представляют важность для нашего исследования языковой практики дворян.

---

²⁶⁰ *Lamarche Marrese M.* «The Poetics of Everyday Behavior» Revisited: Lotman, Gender, and the Evolution of Russian Noble Identity // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11. Issue 4. P. 701–739, здесь p. 714.

²⁶¹ *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 107–111.

²⁶² *Марасинова Е. Н.* Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // *Российская история*. 2007. № 4. С. 24.

²⁶³ *Марасинова.* Вольность российского дворянства. С. 28–31. Шёнле и Зорин также считают, что этот манифест «предлагал своего рода моральный договор, в котором юридическая эмансипация фактически усиливала внутренний этос преданности и деятельной службы на благо монарха и отечества» и что, таким образом, этот манифест «касался в большей степени внутреннего долга, чем свободы» (*Schönle, Zorin*. Introduction. P. 6).

Во-первых, огромная пропасть разделяла высшую аристократию и мелкопоместное дворянство. Как указывает Элис Кимерлинг Виртшафтер, дворянство представляло собой неоднородный класс: от придворных-аристократов, стоявших у подножия трона, до «однородцев», людей из нижних слоев дворянства, которые владели скромным имением и несколькими крепостными²⁶⁴. Русская литература и публицистика XVIII–XIX веков содержат много свидетельств того, что подобное социальное ранжирование действительно существовало, а дворяне имели представление об иерархии, пронизывающей их сословие. Ярким примером может послужить воспоминание одного из мемуаристов о том, как провинциальная помещица требовала, чтобы соседи более низкого социального положения входили к ней в усадебный дом только через вход для прислуги²⁶⁵. Неравенство внутри дворянского сословия – которое, как считается, было гораздо более значительным, чем неравенство в среде английского или немецкого дворянства середины XIX века²⁶⁶, – можно отчасти объяснить жесткими рамками, наложенными на общество петровской Табелью о рангах, регулировавшей даже то, как следует обращаться к человеку определенного чина. Однако неравенство касалось и благосостояния. Наиболее устойчивым критерием для оценки состояния дворян до отмены крепостного права в 1861 году было число мужчин-крепостных, находящихся во владении семьи. Дворяне, во владении которых было более 5000 душ, считались невероятно богатыми; те, у кого было от 800 до 5000 душ, – весьма состоятельными; от 200 до 800 душ – обеспеченными; владение 80–200 душами было среднестатистическим показателем; а имение, в котором было меньше 80 крепостных-мужчин, считалось экономически несостоятельным. Следует отметить, что большинство русских дворян попадало в две последние категории²⁶⁷. И действительно, в 1766–1767 годах в 52 % имений, принадлежавших провинциальным помещикам, насчитывалось по 20 душ или меньше, а в 34,7 % – от 21 до 100 душ. При этом только малую часть помещиков (незадолго до отмены крепостного права в 1861 году эта часть составляла лишь 1 %) можно было бы назвать вельможами²⁶⁸. Таким образом, число дворян, которые могли позволить себе образование, путешествия, чтение книг и периодики, услуги зарубежных мастеров и контакты с европеизированным обществом в той мере, которая дала бы им возможность овладеть французским на высоком уровне, было очень мало.

Во-вторых, дворянские семьи одинакового статуса и благосостояния тоже могли быть не равны, их различия определялись происхождением и древностью рода, причинами, по которым семье изначально было пожаловано дворянство; учитывалось и то, что члены определенного семейства на протяжении многих поколений несли безупречную службу на благо государства. Важнейшими представителями российского дворянства в XVIII веке были Волконские, Воронцовы, Голицыны, Нарышкины, Толстые и Шереметевы, которые приобрели богатство и власть в результате долгой и верной службы монархам допетровского времени. Другие семьи, которые также можно причислить к самой богатой и могущественной части элиты, стали таковыми лишь недавно, и поэтому люди голубых кровей порой (по крайней мере, на протяжении некоторого времени) относились к ним с пренебрежением, как к «*nouveaux riches*». Так, Зубовы, Меншиковы, Орловы, Панины, Потемкины, Разумовские, Рюмины и Шуваловы были обязаны своим высоким положением щедрости монархов XVIII века, имевших обыкновение

---

²⁶⁴ Wirtschafter E. K. Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, 1997. P. 36. Об этом писал Николай Иванович Тургенев в книге *Tourgueneff N. La Russie et les Russes*. 3 t. Paris, 1847. T. 2. P. 27, к которой мы еще обратимся в главах 4 и 7.

²⁶⁵ Roosevelt. Life on the Russian Country Estate. P. 159.

²⁶⁶ Lieven. The Aristocracy in Europe. P. 42.

²⁶⁷ О различиях между дворянами см.: Roosevelt. Life on the Russian Country Estate. P. xiii; см. также P. 158–159. О благосостоянии дворян, основывающемся на владении крепостными в период, предшествовавший отмене крепостного права, см.: Lieven. The Aristocracy in Europe. P. 42–43, и Roosevelt. Life on the Russian Country Estate. P. 233–234.

²⁶⁸ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки / Ред. Л. В. Иванова. М., 2001. С. 182.

одаривать землями и крепостными своих придворных и фаворитов. Гончаровы, Демидовы, Строгановы и другие недавно аноблированные дворянские фамилии разбогатели не так давно и не по милости монарха; они с успехом пользовались новыми возможностями, проявляя себя в таких сферах, как добыча полезных ископаемых и соли и производство оружия и ткани в период, когда Россия вступила на путь модернизации. Люди из таких семей могли повысить свой социальный статус через заключение браков с представителями древних аристократических родов²⁶⁹. О том, насколько эти различия были важны для русских дворян XVIII века, можно судить по упоминаниям или рассуждениям о них, которые встречаются в литературе, например во второй сатире А. Д. Кантемира и пьесах Д. И. Фонвизина, и по спорам, которые велись в учрежденной Екатериной II Уложенной комиссии о том, что является более важным критерием для пожалования дворянства и сохранения дворянского статуса – происхождение или безупречная служба²⁷⁰.

В-третьих, образ жизни семьи во многом зависел от того, имели ли ее члены средства проводить значительное время за пределами деревенского имения и тем более за границей. Британский путешественник Роберт Лайолл, который жил в России в годы после окончания Наполеоновских войн, отмечал разницу в поведении и манерах аристократов из высшего общества и дворян более низкого положения, особенно тех, кто «не бывал в других странах»²⁷¹. Кругозор дворян, имевших дома в одном из двух наиболее крупных и многонациональных городов России – Санкт-Петербурге и Москве, – где обычно проводили зимние месяцы семьи высшего дворянства, был, естественно, шире кругозора дворян, которые по тем или иным причинам проводили всю жизнь в деревне. Впрочем, считалось, что дворяне из Санкт-Петербурга, где протекала придворная жизнь и располагались органы центрального управления, сильно отличались от московских дворян, симпатия к которым нашла отражение в произведениях таких значительных русских авторов, как А. И. Герцен и Л. Н. Толстой. Качественно отличалась и светская жизнь дворян, проживавших в сельских частях империи, ее особенности определялись степенью удаленности того или иного региона от метрополии и числом представителей местного дворянства. В плодородных сельскохозяйственных областях центральной части государства (каковыми являлись, например, Владимир, Воронеж, Калуга, Кострома, Курск, Орел, Рязань, Смоленск, Тамбов, Тверь, Тула и Ярославль) дворянские имения были не столь малочисленны и располагались не так далеко друг от друга, а расстояние до Москвы или Санкт-Петербурга было не таким огромным, как в случае с областями, расположенными на периферии Европейской России (например, Казань, Пенза, Самара, Саратов, Симбирск в Поволжье).

Кроме того, следует учесть, что русское дворянство было неоднородно не только в социальном плане, но и в этническом отношении. К середине XVIII века среди дворян встречались как многочисленные татары, потомки кочевников из Центральной Азии, вторгшихся на Русь в XIII веке, так и выходцы с территорий, завоеванных в XVII–XVIII веках, во время формирования империи, особенно украинцы и немцы. Многим иммигрантам с Запада, поступившим в России на службу, также было пожаловано дворянство. Ф. Ф. Вигель писал: «Кажется, нет ни одного народа ни в Европе, ни в Азии, коего бы представители, образчики, не находились в русской службе и, следственно, наконец, не делались русскими дворянами, отчего сие сословие у нас так отличается от других, чисто русских, и становится помесью всех пород»²⁷². В связи с этим, если речь идет об этническом составе дворянства, исследователи иногда считают Рос-

²⁶⁹ Lieven. *The Aristocracy in Europe*. P. 37.

²⁷⁰ Кантемир А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 68–88; Offord D. Denis Fonvizin and the Concept of Nobility: An Eighteenth-Century Echo of a European Debate // *European History Quarterly*. 2005. 35:1. P. 9–38, особенно p. 20–26; Madariaga I. de. *Russia in the Age of Catherine the Great*. London, 1981. P. 170 ff.

²⁷¹ Lyall R. *The Character of the Russians, and a Detailed History of Moscow*. London, 1823. P. vi – vii.

²⁷² Вигель. Записки. Т. 1. С. 289.

сию примером премодерной империи, как ее иногда называют, в которой элита практически не чувствует связи с людьми более низкого социального положения, имеющими те же национальные корни, однако при этом «принимает, ассимилирует аристократов из периферийных районов империи» и сотрудничает с ними²⁷³. Кроме того, после петровских реформ дворянство в Российской империи было разнородно и в конфессиональном отношении: иностранцы, исповедовавшие католицизм или протестантизм, могли стать частью российского правящего класса, не обращаясь в православие и не перенимая русских культурных ценностей²⁷⁴.

Факт существования такого разнообразия в среде дворянского сословия представляется нам важным, потому что он опровергает расхожие убеждения о тех возможностях, которые позволяли дворянам учить иностранные языки и говорить на них, а также о том, насколько хорошо дворяне их знали. В разных семьях возможности обеспечить детям хорошее знание языков – и особенно нанять учителей и гувернанток из иностранцев, а в идеале отправить детей за границу путешествовать или продолжать обучение – были очень разными. Следовательно, семьи, которые не могли позволить себе такие расходы, или те, которые вели уединенную жизнь в деревне и нечасто общались с дворянами, говорящими по-французски, оказывались в невыгодном положении, когда речь шла о владении несколькими языками и тех преимуществах, которые были с ним связаны. Разные возможности дворян в отношении изучения французского могут отчасти объяснить, почему в конце XVIII – начале XIX века некоторые писатели в негативном ключе отзывались о русской франкофонии и о ленивых или неграмотных, по их мнению, учителях-иностранцах, которых нанимали в свои дома дворяне, желающие произвести впечатление образованных людей. Не стоит забывать о том, что многие члены литературного сообщества происходили из небогатых дворянских семей или вовсе не имели благородного происхождения, включая поэта Г. Р. Державина (детство которого прошло в отдаленном селе Казанской губернии) и Д. И. Фонвизина, отец которого – Фонвизин упоминал об этом в короткой автобиографии – не мог позволить себе нанять для сына частного учителя иностранных языков²⁷⁵. Переводчик и драматург Владимир Игнатьевич Лукин, весьма язвительно отзывавшийся в своих произведениях о стремлении русских говорить по-французски²⁷⁶, был сыном небогатого придворного лакея.

И наконец, необходимо вспомнить о том, что в XVIII веке среди представителей зарождавшегося образованного класса и литературного сообщества наряду с аристократами были не только люди из средних и низких дворянских слоев, но и люди неблагородного происхождения. В относительно меритократическую эпоху, начавшуюся после петровских реформ, многие выдающиеся ученые и писатели не были выходцами из дворянского сословия: например, экономист Иван Тихонович Посошков, оратор, драматург и священнослужитель Феофан Прокопович, поэт и переводчик В. К. Тредиаковский, ученый и поэт М. В. Ломоносов, драматург и баснописец И. А. Крылов. Таким образом, уже в XVIII веке, еще до начала екатерининской эпохи, можно увидеть признаки процесса, который отчетливо проявился и вызывал множество дискуссий в середине XIX столетия, когда к формирующейся интеллигенции примкнули так называемые «разночинцы», отказавшиеся от привычек и ценностей дворянства. Две группы, образовавшие интеллигенцию, различались кроме всего прочего и в отношении изучения языков и использования их²⁷⁷.

---

²⁷³ Lieven. The Aristocracy in Europe. P. XV; см. также p. 249–250.

²⁷⁴ Ibid. P. 250.

²⁷⁵ Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 87. Об отношении Фонвизина и других литераторов к распространению французского в дворянской среде см. главу 8.

²⁷⁶ См. третий раздел главы 8.

²⁷⁷ О различном отношении к изучению языков см. в следующей главе.

Мы вернемся к вопросам, связанным с литературным сообществом и появлением неоднородной по своей природе интеллигенции, в последнем разделе этой главы, чтобы осветить дальнейшую судьбу этих групп во второй четверти XIX века, в период правления Николая I. Однако перед этим нужно сказать несколько слов об участии России в Наполеоновских войнах в начале XIX века и о восстании декабристов, последовавшем за смертью Александра I в 1825 году, так как при анализе проблем русской франкофонии и отношения к ней нам еще не раз придется обратиться к этим событиям.

Наполеоновские войны и восстание декабристов

Военные действия между Францией и Россией во времена Наполеона начались в 1799 году, при правлении Павла I, когда Россия присоединилась ко Второй коалиции против Франции, и возобновились в 1805–1807 годах при Александре I. Армии России и Австрии были разбиты Наполеоном в декабре 1805 года в битве при Аустерлице. Следующим крупным сражением между наполеоновской армией и силами России и Пруссии была битва при Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии, которая состоялась в феврале 1807 года. (Эта битва не принесла победы ни одной из сторон.) В июне того же года Наполеон одержал решительную победу над русской армией при Фридланде, также в Восточной Пруссии. Военные действия на время прекратились в связи с заключением в июле 1807 года Тильзитского мира, в результате которого Россия и Франция стали союзниками, а Александр I тайно согласился присоединиться к наполеоновской континентальной блокаде против Великобритании. Однако в следующие годы Александр не поддерживал политику Наполеона, и отношения между Россией и Францией опять ухудшились. В июне 1812 года войска Наполеона вторглись в Россию. В последовавшей за этим борьбе русской армии под командованием М. И. Кутузова удалось замедлить, но не остановить продвижение Великой армии Наполеона 7 сентября при Бородино, где развернулась кровавая битва, в которой сражалось около четверти миллиона человек. Неделью спустя Наполеон занял Москву, которая вскоре серьезно пострадала от пожара, предположительно устроенного самими русскими при массовом бегстве из города. Отечественная война завершилась в ноябре – декабре отступлением разрозненных частей наполеоновской армии, солдаты которой страдали от голода, погибали от партизанских атак и не имели экипировки, способной защитить их от суровых русских холодов.

Как и следовало ожидать, военный конфликт с Францией усугубил критический напор, с которым русские писатели и прежде высказывались о галломании своих соотечественников. И действительно, в начале XIX века и позднее в произведениях русских авторов встречаются разнообразные свидетельства о том, что война с Францией остудила страсть, которую русское дворянство питало к французской цивилизации в самом широком смысле слова, и к языку, с помощью которого можно было к ней приобщиться. Галлофобия, выражавшаяся отчасти в критике российской франкофонии, весьма заметна, например, в текстах Ф. В. Ростопчина, который был губернатором Москвы, когда в 1812 году ее заняла Великая армия Наполеона, и который, как предполагали, мог быть ответственен за поджог города²⁷⁸. Ф. Ф. Вигель так описывал воздействие, которое оказало на язык высшего общества вспыхнувшее в его рядах накануне Отечественной войны 1812 года чувство патриотизма:

Знатные барыни на французском языке начали восхвалять русский, изъявлять желание выучиться ему или притворно показывать, будто его знают. Им и придворным людям натолковали, что он искажен, заражен, начинен словами и оборотами, заимствованными у иностранных языков, и что «Беседа» составила́сь единственно с целью возратить и сохранить ему его чистоту и непорочность; и они все взялись быть главными ее поборницами²⁷⁹.

Французский театр в Санкт-Петербурге, который часто посещали люди из высшего общества в начале царствования Александра I, «по мере как французские войска приближались к Москве, начал <...> пустеть и, наконец, всеми брошен. Государь, который никогда не был

---

²⁷⁸ О взглядах Ф. В. Ростопчина мы подробнее поговорим в пятом разделе главы 8.

²⁷⁹ Вигель. Записки. Т. 1. С. 359–360. В этом фрагменте Ф. Ф. Вигель упоминает «Беседу любителей русского слова», консервативное литературное общество, основанное в 1811 году в Санкт-Петербурге (о нем см. также в главе 8).

охотник до театральных зрелищ, сим воспользовался, чтобы велеть его закрыть»²⁸⁰. В то время, когда Ф. В. Ростопчин был губернатором Москвы, владельцам модных магазинов в этом городе было запрещено делать вывески на французском²⁸¹. Даже в провинциальной Пензе осенью 1812 года дамы, стараясь продемонстрировать свой патриотизм, «отказались от французского языка. Многие из них <...> оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки»²⁸². Л. Н. Толстой изобразил эту реакцию на вторжение Наполеона в Россию на страницах «Войны и мира»: «В обществе Жюли Друбецкой, как и во многих обществах Москвы, было положено говорить только по-русски, и те, которые ошибались, говоря французские слова, платили штраф в пользу комитета пожертвований»²⁸³. А. С. Пушкин, которому, в отличие от Л. Н. Толстого, довелось жить во времена Отечественной войны, также писал в неоконченном романе «Рославлев» о том, что московские дворяне «закалялись говорить по-французски»²⁸⁴.

Однако подобные жесты были явно демонстративными и через некоторое время сошли на нет, и примечательно, что такие консервативно настроенные патриоты, как Ростопчин, несмотря на свои страстные протесты против французской культуры и русской франкофонии, продолжали говорить по-французски в обществе и пользовались французским в переписке²⁸⁵. Кроме того, активное использование французского языка в высоких общественных, военных и официальных кругах в течение долгого времени после 1815 года и та важная роль, которую французский язык продолжал играть в обучении дворянских детей, позволяют предположить, что опыт войны с Францией лишь на незначительное время изменил отношение дворянства к французскому языку и французской культуре. Однако были и другие исторические факторы, которые воздействовали на лояльность некоторых дворян по отношению к власти, раскололи прежде однородную образованную элиту и поставили под вопрос ценности дворянской культуры и связанные с ней практики, включая использование иностранного языка в обществе²⁸⁶.

Хронологически первым из исторических факторов, на которые следует обратить внимание, было расхождение между самодержавием, с одной стороны, и общественной и культурной элитой, с другой. В XVIII веке дворянство в целом поддерживало имперскую программу российских монархов, несмотря ни на неоднородную структуру сословия, ни на напряжение, существовавшее между входившими в него группами, ни на время от времени возникавшие проявления политической оппозиции, самым ярким из которых было обличение произвола самодержавия и жестокого обращения с крепостными Александром Николаевичем Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790)²⁸⁷. Однако в течение нескольких лет после победы над Наполеоном дворянское чувство солидарности с монархическим государством начало очевидным образом ослабевать. После 1815 года Александр I вступил в Священный союз, связавший три консервативные державы (Австрию, Пруссию и Россию), кото-

²⁸⁰ Вигель. Записки. Т. 2. С. 54.

²⁸¹ Tourgueneff. La Russie et les russes. Vol. 1. P. 14.

²⁸² Вигель. Записки. Т. 2. С. 21.

²⁸³ Война и мир // Толстой. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 177.

²⁸⁴ Рославлев // Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 8. Ч. 1. С. 153. См. также: Offord D. Treatment of Francophonie in Pushkin's Prose Fiction // Offord, Ryazanova-Clarke, Rjéoutski, Argent (Eds). French and Russian in Imperial Russia. Vol. 2. P. 197–213, здесь р. 209.

²⁸⁵ Как отмечает Ю. М. Лотман, рост патриотических чувств, характерный для русской дворянской культуры в конце XVIII – начале XIX века, «не вступал в противоречие со столь же бурным процессом распространения французского языка» среди дворян. Об этом парадоксе (правда, большая часть дворян, судя по всему, не видела ничего парадоксального в таком положении вещей) см.: Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. С. 353. О французских текстах Ф. В. Ростопчина см. в пятом разделе главы 6. О взглядах на язык других консервативных националистов см. главу 8, где рассматривается мнимое противоречие между языковой галлофобией и реальной языковой практикой.

²⁸⁶ Lieven. The Aristocracy in Europe. P. 5–6.

²⁸⁷ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 225–392.

рые стремились поддерживать старые монархические порядки в Европе. В своем государстве он предоставил свободу действий таким реакционно настроенным государственным деятелям, как Алексей Андреевич Аракчеев, который был сторонником строгой дисциплины. После окончания Наполеоновских войн, в 1814–1815 годах, полные прекрасных впечатлений о жизни в Западной Европе русские офицеры, в которых с детства воспитывалось чувство гражданской ответственности, вернулись в Россию. Здесь они с потрясением обнаружили, что их родной стране уготован жребий оставаться в ряду отсталых государств под властью деспотичного монарха. В них укоренилось сильное чувство разочарования, послужившее толчком к основанию после 1816 года нескольких тайных обществ («Союз спасения», «Союз благоденствия», «Северное общество» в Санкт-Петербурге и «Южное общество» на Украине). Произошло возрождение масонства, которое начиная с екатерининской эпохи призывало русских дворян к самосовершенствованию и благотворительности (и к тому же стало прообразом тайных обществ)²⁸⁸. Были составлены проекты политических реформ: Никита Михайлович Муравьев разработал подробный план введения конституционной монархии с двухпалатным Народным вечем в качестве основного законодательного органа и федеративным устройством, соотносящимся с американской моделью; Павел Иванович Пестель в незавершенном проекте «Русской правды» предлагал установление авторитарной республики по примеру французской якобинской²⁸⁹.

Недовольство сложившейся ситуацией и жажда нравственного совершенствования и политических изменений – на которые Л. Н. Толстой намекает в первой части эпилога к «Войне и миру»²⁹⁰ – в конечном итоге нашли выражение в совершенно непродуманном восстании, которое вошло в историю как восстание декабристов. 14 декабря 1825 года, вскоре после внезапной кончины Александра I, офицеры из «Северного общества» и около 3000 присоединившихся к ним человек отказались присягнуть на верность Николаю I, к которому перешли права на престол после отречения его старшего брата Константина. К концу дня верные государю войска обстреляли солдат, собравшихся на Сенатской площади Санкт-Петербурга, и разогнали их. Было проведено долгое расследование, в результате которого пятеро лидеров восстания в Санкт-Петербурге и последовавшего вскоре после него восстания, организованного «Южным обществом», были повешены, а более ста других участников мятежа приговорены к каторжным работам, ссылке и разжалованию в солдаты. Несмотря на то что среди декабристов были люди разного происхождения²⁹¹, многие из лидеров восстания принадлежали к семьям, занимавшим весьма высокое положение в российском обществе. Декабристами были, например, князь Евгений Петрович Оболенский, Сергей Петрович Трубецкой и Сергей Григорьевич Волконский (его мать была фрейлиной при дворе), барон Вениамин Николаевич Соловьев, граф Захар Григорьевич Чернышев, а также братья Матвей Иванович и Сергей Иванович Муравьевы-Апостолы, сыновья дипломата, и П. И. Пестель, отец которого с 1806 по 1816 год был генерал-губернатором Сибири. Участие в восстании членов таких благородных семейств и сочувствие, которое проявляли к мятежникам члены других семей, прямо не причастных к мятежу, были знаком того, что монархия оказалось под угрозой утраты морального авторитета²⁹².

²⁸⁸ См.: Rjéoutski V., Offord D. Foreign Languages and Noble Sociability: Documents from Russian Masonic Lodges. URL: https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx2112u1m5f3bjp/Free_masonry%20introduction.pdf, к этой работе мы еще обратимся в главе 4. Основные работы о масонстве перечислены в главе 4 в прим. 3 на с. 274.

²⁸⁹ См. текст «Конституции» Н. М. Муравьева и «Русской правды» П. И. Пестеля в: Восстание декабристов: В 23 т. М., 1925–. Т. 7.

²⁹⁰ См. главу 14 в: Толстой. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 281–286.

²⁹¹ Об этом см.: Grandhaye J. Les décembristes: Une génération républicaine en Russie autocratique. Paris, 2011. P. 47–52.

²⁹² Существует большое количество литературы о декабристском восстании, которое считается началом истории революционного движения в России. Для знакомства с этой темой и предысторией восстания можно обратиться к довольно старым работам Mazour (1962) и Raef (1966). Существует также относительно новое исследование на французском языке: Grandhaye

Мир, в котором жили эти члены имперской элиты, был многонациональным и многоязычным. Братья Муравьевы-Апостолы в детстве учились в частном пансионе в Париже. Во время Наполеоновских войн члены тайных декабристских обществ нередко вступали в контакты с французами и француженками. С. П. Трубецкой был женат на дочери французского иммигранта. Н. М. Муравьев дома разговаривал по-французски, хотя жена его была русской. Следует отметить, что некоторые декабристы не были этническими русскими, а для кого-то из них русский не был родным языком. Например, братья Поджио, Александр Викторович и Иосиф Викторович, были сыновьями итальянца, переселившегося в многоязычную и многонациональную Одессу, а Андрей Евгеньевич фон Розен принадлежал к немецкоговорящей семье прибалтийского дворянства. И хотя они вдохновлялись событиями, происходившими в других странах (испанская революция 1820 года, направленная против реставрировавшего монархию Фердинанда VII, Греческая война за независимость от Османской империи, которая началась в 1821 году), декабристы имели склонность к культурному национализму, вследствие чего некоторые из них (например, Николай Александрович Бестужев, П. И. Пестель и С. Г. Волконский) придавали значение речевому поведению²⁹³. Таким образом, к концу правления Александра I часть социальной элиты дистанцировалась от двора, причем не только в отношении политики. В годы правления последующих монархов это разочарование подпитывалось недовольством более общего характера, которое испытывали широкие круги образованной элиты, чей социальный состав менялся в результате вхождения в нее людей недворянского происхождения, которых все больше и больше привлекали для решения самых разных задач, встающих перед модернизирующимся государством и быстро расширяющейся империей.

(2011). Патрик О'Мара написал весьма содержательные биографии Кондратия Федоровича Рылеева и П. И. Пестеля (О'Меага 1994, 2004). Значительный интерес представляют работы Николая Михайловича Дружинина о Н. М. Муравьеве (1985) и Милицы Васильевны Нечкиной о П. И. Пестеле (1955, 1982).

²⁹³ Подробнее о Н. А. Бестужеве и о том, как изменилось языковое сознание после Наполеоновских войн, см. в пятом разделе главы 8.

Литературное сообщество и интеллигенция в николаевскую эпоху

Потрясенный декабрьским восстанием 1825 года, Николай I немедленно предпринял шаги, чтобы в дальнейшем не допустить появления политического инакомыслия, подобного тому, которое развилось в годы, следовавшие за Наполеоновскими войнами. Его вера в легитимность самодержавия была неколебимой, и он тут же принял меры, направленные на ограничение свободы слова и на выявление любых намеков на оппозицию. В 1826 году он ужесточил цензуру, и к 1848 году было создано более десятка комитетов, которые должны были следить за исполнением устава о цензуре. В том же году он учредил новый орган полиции, Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии во главе с графом Александром Христофоровичем Бенкендорфом²⁹⁴. Эта канцелярия, в работе которой, кроме жандармов, было задействовано множество осведомителей, занималась надзором за неблагонадежными (или потенциально неблагонадежными) лицами, в круг которых, кроме политических противников режима, входили также члены религиозных сект и иностранные граждане. В конце николаевского правления – в так называемое «мрачное семилетие», длившееся с 1848 по 1855 год, – правительственные меры стали особенно жесткими, так как Николай I не желал допустить, чтобы восстания, подобные тем, которые имели место в 1848 году во Франции, разных частях Австрийской империи, Германии и Италии, вспыхнули в России. Многие члены петербургского кружка Буташевича-Петрашевского, где в конце 1840-х годов обсуждались идеи социалистов-утопистов, – так называемого кружка петрашевцев, в который входил молодой Ф. М. Достоевский, – были сурово наказаны. В 1849 году Николай I направил русские войска в Венгрию с целью подавления восстания против Габсбургов.

Однако, несмотря на все усилия, Николаю I не удалось предотвратить формирование независимого общественного мнения, которое в конечном итоге помогло расшатать как старые устои дворянской жизни, так и саму империю. Культурный подъем, начавшийся в этот момент, нашел выражение в создании оригинальной литературной традиции. Не стоит забывать о том, что именно в николаевскую эпоху А. С. Пушкин написал большую часть своих произведений, и что именно на этот период пришлось творчество М. Ю. Лермонтова, а также Н. В. Гоголя. И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой начали свою литературную карьеру в конце 1840-х или начале 1850-х годов. Эти авторы не только заложили основы русского литературного канона, их считают создателями современного русского языка, а их произведения стали источником стандартного словоупотребления, что подтверждается большим количеством цитат, помещенных в Словарь современного русского литературного языка, составленный Академией наук²⁹⁵.

Классическая литературная традиция развивалась параллельно с не менее мощной традицией размышлений об эстетических, нравственных, социальных, теологических и в конечном счете политических вопросах. Произведения, принадлежащие к обоим типам словесности – поэзия и проза, с одной стороны, и беллетристика и политическая журналистика, с другой, – публиковались бок о бок в «толстых» журналах, которые возникли в николаевскую эпоху и приобрели особую популярность, когда условия стали более свободными, – в первый период гласности, последовавший за смертью Николая I в 1855 году и поражением России в Крымской войне (1853–1856). Группа, сформировавшая традицию социополитической литературы, впоследствии стала называться интеллигенцией²⁹⁶. Ее нельзя полностью отождествить с лите-

---

²⁹⁴ О языке Третьего отделения см. предпоследний раздел главы 5.

²⁹⁵ См.: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышева. М., 1950–1965.

²⁹⁶ В этой книге мы пользуемся термином «интеллигенция» для обозначения группы людей, которая является в одно и то

ратурным сообществом, особенно когда речь идет о николаевской эпохе: было бы неверно, скажем, приписывать А. С. Пушкину или М. Ю. Лермонтову интерес к тем нравственным проблемам, которые волновали представителей интеллигенции²⁹⁷. Однако зачастую один и тот же человек (например, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский или Л. Н. Толстой) выступал, с одной стороны, как писатель, а с другой – как автор полемических текстов, публицист и памфлетист. Более того, как литераторы, так и интеллигенты обычно испытывали чувство гражданского долга, имели высокие нравственные цели и в одинаковой мере вызывали неодобрение властей или несли наказание за выражение взглядов, неприемлемых для правительства. Как правило, и те и другие были бесконечно далеки от государственной власти (хотя, конечно, не без исключений). И действительно, они считали, как отмечал советский диссидент Андрей Донатович Синявский, что «не должны становиться частью власти, [они] должны наблюдать за ней со стороны»²⁹⁸. Вместе с тем они приобрели большой культурный и моральный авторитет, став своего рода выразителями совести нации, и преследования со стороны власти лишь усиливали этот авторитет.

Появление литературного и интеллектуального сообщества в годы правления Николая I является свидетельством того, что в среде культурной элиты произошел еще один раскол. Рядом с теми дворянами, которые оставались в большей или меньшей степени лояльны по отношению к самодержавию, формировалось сообщество эрудированных, свободомыслящих авторов, которые далеко не всегда принадлежали к дворянскому сословию. Многие члены литературного сообщества и интеллигенции (например, ведущий критик В. Г. Белинский, одаренный дилетант Василий Петрович Боткин, историк Михаил Петрович Погодин, историограф и критик Николай Алексеевич Полевой) были детьми людей разных профессий, купцов или даже крестьян²⁹⁹. Самые выдающиеся литераторы и публицисты николаевской эпохи (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Тургенев, молодые Достоевский и Толстой, а также Тимофей Николаевич Грановский, Герцен и многие другие) были дворянами, пусть и разными по своему социальному положению. Однако даже дворяне, ощутив себя частью литературного и интеллектуального сообщества, могли отказаться от дворянских идеалов или, по крайней мере, перестать всецело разделять их. Дворяне продолжали испытывать чувство долга перед империей, бывшей их отечеством, первыми сынами которого, метафорически выражаясь, они

же время интеллектуально независимой и социально и политически активной. Однако следует отметить, что дать определение этому понятию достаточно сложно. В английском языке это слово имеет пренебрежительный оттенок, что находит подтверждение в романе Герберта Уэллса «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна», герой которого, мистер Бритлинг, называет интеллигенцию «безответственным средним классом с идеями» (этот пример дает Oxford English Dictionary, 2-е изд. Vol. 7. P. 1070). Однако в русском интеллектуальном сообществе этот термин имеет скорее положительную окраску, как и в работах Исайи Берлина, восхищавшегося представителями интеллигенции середины XIX века, о которых он написал эссе, собранные в книге «Русские мыслители» (2008). Г. Хэмбург в одной из своих статей делает попытку переосмыслить это понятие и решить проблемы, связанные с его употреблением, говоря о том, что существуют разные типы интеллигенции (2010). Еще одну проблему представляет ретроспективное применение этого термина: судя по всему, он не был широко распространен вплоть до 1860-х годов (Петр Дмитриевич Боборыкин, писатель второго ряда, заявлял, что именно он ввел это слово в массовое употребление), но таких мыслителей, как В. Г. Белинский, деятельность которого пришлась на гораздо более ранний период, 1830–1840-е годы, теперь обычно причисляют к интеллигенции. Кроме уже упомянутых работ И. Берлина и Г. Хэмбурга, существует большое количество литературы, посвященной этому вопросу. Многие из работ, написанные достаточно давно, в 1960–1970-х годах, когда интерес западных ученых к этой теме был весьма велик, по сей день не утратили своей ценности: см., напр., упомянутые в библиографии Billington (1960), Malia (1961), Nahirny (1962), Pollard (1964), Raeff (1966), Confino (1972), а также более свежие работы Sdvižkov (2006) и Сдвижков (2021).

²⁹⁷ При этом, однако, мы не станем противопоставлять таких «великих писателей», как Достоевский, Толстой и Чехов, радикальной интеллигенции, как это делает Гэри Сол Морсон, см.: *Morson G. S. Tradition and Counter-Tradition: the Radical Intelligentsia and Classical Russian Literature* // Leatherbarrow W., Offord D. (Eds). *A History of Russian Thought*. Cambridge, 2010. P. 141–168, особенно п. 141–148.

²⁹⁸ *Sinyavsky A. The Russian Intelligentsia* / Transl. by Lynn Visson. New York, 1997. P. 2. В отличие от нас, А. Д. Синявский не проводит различия между интеллигенцией и литературным сообществом.

²⁹⁹ В конце 1850-х и в 1860-х годах, после смерти Николая I (1855) и поражения России в Крымской войне, в рядах интеллигенции значительно возросло число разночинцев, многие из которых были детьми священнослужителей. Самыми яркими примерами являются Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

были. В противовес этому представители новой литературной и интеллектуальной элиты считали скорее, что они служат нации, идею которой они почерпнули в философии и литературе европейского контрпросвещения и романтизма. Более всего они стремились выявить исключительность России, ее «самобытность», и разрешить загадку ее судьбы. Их великая миссия состояла в том чтобы пояснить важность роли России в некой универсальной системе, похожей на ту, которую описал Георг Вильгельм Фридрих Гегель в своей философии истории. Уверенные в том, что, благодаря своим знаниям они куда лучше дворян и корыстолюбивых государственных деятелей смогут описать сущность России и понять ее нужды, они считали себя той социальной группой, которая достойна говорить от лица нации³⁰⁰. И хотя это может показаться парадоксальным, многие писатели и философы, принадлежащие к противоборствующим лагерям западников и славянофилов, придерживались схожих взглядов, в основе которых лежал культурный национализм. Как заметил А. И. Герцен в мемуарном произведении «Былое и думы», западники и славянофилы, «как двуглавый орел, смотрели в разные стороны в то время, как сердце билось одно»³⁰¹.

Раскол в среде образованной элиты выражался в разнице ценностей. Можно сказать, что формы культурного капитала, которые были важны для литературного и интеллектуального сообщества, отличались от тех, которые ценило дворянство, несмотря даже на то, что многие члены этого сообщества имели благородное происхождение и отголоски дворянских ценностей находили отражение в речи и поведении таких людей, как Пушкин, Герцен и Толстой. Если дворяне стремились заслужить благосклонность монарха и одобрение высшего света как на родине, так и за границей, для писателей и мыслителей было важнее заслужить уважение других писателей, критиков, журналистов, читателей и европейских литераторов и интеллектуалов. Многие из них демонстративно выказывали неприязнь к светскому обществу, в котором вращались дворяне, считая его притворным, манерным и лицемерным, и предпочитали более простой и, на их взгляд, более естественный образ жизни³⁰². Они презирали материализм (понимаемый как любовь к земным благам), порицая как расточительность высшего дворянства, так и скупость, приписываемую западной буржуазии. Вместо этого они культивировали нестяжательство³⁰³. Общественное сознание и альтруизм занимали более высокое место в их системе ценностей, чем личная честь. Взяв на вооружение ценности, противоположные ценностям политически лояльного дворянина, они, как заметила И. Клеппис, говоря о Герцене, могли даже воспринимать наказание, полученное от власти, как «явный и особо ценный знак царской немилости»³⁰⁴.

Для нашего исследования важно, что языком, имевшим большое значение для литературного сообщества и интеллигенции, был не французский, а русский. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, у многих представителей культурного и интеллектуального сообщества середины XIX века не было того высокого уровня устного владения иностранными языками, в особенности французским, которое могли продемонстрировать дворяне. Так, можно вспомнить о В. Г. Белинском, который в значительной степени повлиял на развитие русской литературы 1830–1840-х годов и который считается ярким примером первого поколения интеллигенции, активно интересовавшейся нравственными и общественными проблемами. Белинский был сыном бедного военного врача и информацию о философии и литературе Франции и Германии, повлиявшую на его осмысление русской литературы, получал во многом

---

³⁰⁰ Frede V. Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia. Madison, 2011. P. 137.

³⁰¹ Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 9. С. 170.

³⁰² Такое поведение в XIX веке не было новостью; уже в русской литературе XVIII века оно было общим местом.

³⁰³ См.: Offord D. Worshipping the Golden Calf: The Intelligentsia's Conception of the Bourgeois World in the Age of Nicholas // Andrew J., Offord D., Reid R. (Eds). Turgenev and Russian Culture: Essays to Honour Richard Peace. Amsterdam; N. Y., 2008. P. 237–257.

³⁰⁴ Kleespies. A Nation Astray. P. 160.

от владевших иностранными языками дворян: Павла Васильевича Анненкова, Михаила Александровича Бакунина, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского и И. С. Тургенева. Это вовсе не значит, что знание иностранных языков было бесполезно для интеллигенции, ведь с их помощью можно было напрямую познакомиться с новой европейской литературой и европейскими идеями. Белинский и сам пытался лучше изучить французский язык в 1840-е годы, чтобы иметь возможность читать в оригинале Жорж Санд, Пьера Леру и других авторов³⁰⁵. Однако это не могло стать ключевым элементом коллективной идентичности или личного статуса в группе, основанной на меритократическом принципе, чьи члены в силу своего социального происхождения не имели возможности овладеть иностранными языками в раннем детстве.

Во-вторых, представители формирующегося литературного сообщества, происходившие не из дворян, не стремились сравняться по социальному статусу с элитой, для которой владение французским – равно как и хорошие манеры, титулы и гербы – имело знаковый характер. Напротив, они демонстрировали безразличие к высокому социальному положению. Некоторые представители литературного сообщества из числа дворян высказывались о своем происхождении в виноватом тоне³⁰⁶ или даже пытались опроститься, нося народные костюмы и перенимая крестьянские привычки³⁰⁷. Чувство отмежевания, отчуждения от привилегированного социального класса естественным образом влекло за собой и неприятие его языковых практик. Поскольку представители новой социальной группы желали говорить от лица всей нации, литераторы и интеллигенты, как мы увидим в дальнейшем, постоянно критиковали языковые привычки дворянства³⁰⁸. Не случайно эта критика достигла своего апогея во второй половине XIX столетия, когда дворяне ощутили, что их главенство в среде образованной элиты находится в как никогда уязвимом положении, и когда они потеряли свое исключительное право владеть землей, на которой трудились крепостные.

В-третьих, как мы отметили, в XIX веке нации начали ассоциироваться с конкретными «народами»³⁰⁹, и язык того народа, который составлял ядро нации, начал восприниматься в качестве фундаментального элемента национальной идентичности. По этой причине члены литературного сообщества и интеллигенция, которые были главными представителями национальной культуры, отвечали за сохранение и развитие ее языковых традиций, а также воплощали в себе социальное и политическое самосознание нации. Для того чтобы играть эту роль, им необходимо было создать корпус текстов на *русском* языке, и то значение, которое их тексты имели для формирования чувства национального единства в России этой эпохи, едва ли можно переоценить³¹⁰. В противоположность этому, дворяне, в эпоху национализма, переживавшего подъем в середине XIX века, говорившие по-французски в свете и дома, не обладали теми качествами, которые позволили бы им стать голосом русской нации, а не Российской империи.

И наконец, следует отметить, что сущность нации, по представлению многих писателей и мыслителей середины XIX века, в чистом виде находила воплощение в народе, то есть в крестьянах, чья жизнь была свободна от великосветских привычек высших слоев общества. Эту мысль разделяли многие писатели и мыслители, независимо от их политических взглядов, включая А. И. Герцена, М. А. Бакунина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и славянофилов.

---

³⁰⁵ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 242, 243.

³⁰⁶ Например, можно обратить внимание на то, в каком негативном тоне И. И. Панаев в литературных воспоминаниях говорит о своей дворянской юности и о кругах, в которых он вращался в то время. Панаев. Литературные воспоминания. С. 145.

³⁰⁷ Л. Н. Толстой в конце жизни стремился к такому опрощению.

³⁰⁸ См. особенно главы 8 и 9.

³⁰⁹ В данном случае под «народом» понимается группа людей, представляющая собой определенную этническую группу и культурное сообщество, а не подданные конкретного царя или другого правителя и не граждане конкретного государства.

³¹⁰ Это подчеркивает в своей книге Дж. Хоскинг, см.: Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001. С. 298–325.

Народные массы вызвали живой интерес литераторов и интеллигенции. Смещение фокуса с петербургских салонов на крестьянскую избу, являвшую собой противоположность дворянскому миру, нашло отражение в многочисленных публикациях периода, следовавшего за николаевской эпохой, некоторые из этих публикаций представляли собой результаты работы, начало которой было положено много лет назад. Среди них были рассказы о крестьянской жизни, исследования, посвященные истории крепостного права, крестьянской общины и крестьянских восстаний, а также сборники народных песен, сказок, преданий, мифов и устного эпоса³¹¹. Большое внимание уделялось и народной речи: в 1862 году лексикограф Владимир Иванович Даль выпустил сборник, включавший в себя более 30 000 пословиц и поговорок, который можно считать своего рода хранилищем самобытности и мудрости русского народа³¹².

Безусловно, не стоит забывать о том, что не весь народ в Российской империи говорил по-русски: этнические меньшинства, проживавшие в разных регионах (например, эстонцы, грузины, евреи, калмыки, марийцы, а также не русскоязычные славяне, такие как украинцы), могли вообще не знать русского языка, знать его довольно плохо или быть в той или иной степени двуязычными. Тем не менее в основной своей массе крестьяне в Центральной России – и та их часть, которая в первую очередь интересовала литературное сообщество и интеллигенцию, – были русскими и говорили только на одном языке, что также объясняет, почему во второй половине XIX века франко-русский билингвизм начал терять свою ценность в глазах русских писателей и мыслителей.

* * *

Речевое поведение, которое мы будем описывать, и отношение к языку, формирование которого мы проследим на страницах этой книги, должны рассматриваться в контексте социальных и культурных процессов, происходивших в России в XVIII–XIX веках. По этой причине мы кратко охарактеризовали европеизацию российского дворянства, которая началась еще в XVII веке и резко интенсифицировалась в XVIII, особенно во время царствования Петра Великого, будучи частью его программы создания империи, и сопровождалась масштабной модернизацией государства. Мы указали на неоднородность дворянства и подчеркнули, что владение французским языком было распространено преимущественно в высших слоях этого сословия, причем выучить этот язык было невозможно, не обладая определенными материальными ресурсами, поэтому умение говорить по-французски считалось признаком принадлежности к элите. Мы затронули вопрос о том, в какой степени (по-нашему мнению, в незначительной) действия царской власти обусловили формирование многоязычного и космополитичного типа высшего дворянства в России XVIII века. На протяжении долгого периода, который находится в центре нашего внимания в данной книге, дворянство постепенно утрачивало позиции главного сословия империи, тогда как литературное сообщество и интеллигенция, напротив, становились важнейшими культурными и нравственными представителями нации. Эти процессы сопровождалась различиями в речевом поведении и отношении к языку, и обсуждение этих различий является частью большого нарратива о судьбе нации, наложившего значительный отпечаток на быстро развивавшиеся литературу и публицистику дореволюционной России.

---

³¹¹ Примеры художественной литературы о крестьянах можно найти в: Wortman (1967), Glickman (1973), Offord (1990). Примеры других упомянутых здесь публикаций можно найти в: Offord D. The People // Leatherbarrow, Offord (Eds). A History of Russian Thought. P. 241–262, здесь p. 252, 261 (п. 44–49).

³¹² Даль. Пословицы русского народа.

Глава 2. Преподавание и изучение французского языка

Владение французским языком стало необходимым атрибутом социальной и личной жизни русского дворянина XVIII–XIX веков: французским пользовались в обществе, в театре, во время путешествий, для чтения или просто для ведения дневника. Однако другие языки – прежде всего немецкий, английский, латынь и, конечно, русский – также широко использовались и в каком-то смысле были конкурентами французского языка в России в имперский период. В этой главе мы увидим, какие языки отдельные люди и целые социальные группы выбирали для изучения, и постараемся понять, что выбор языка говорит нам об их социальной и культурной идентичности. Изучение языка покажет нам, с какими «воображаемыми сообществами», используя выражение Бенедикта Андерсона, ассоциировали себя люди того времени. Языки были формой культурного капитала, в этом смысле они обладали разной ценностью в представлении тех, кто изучал их. Мы обратим пристальное внимание на эти различия и на то, как они противопоставляют группы людей в социальном и культурном планах. Мы также покажем, что близкие дворянству идеи и ценности, такие как дружба, учтивость и стиль, а также главное занятие дворянства – общение с равными себе – оказали влияние на формы изучения французского в этой среде. Но сначала мы кратко очертим хронологию развития преподавания французского языка в России начиная с конца XVII и до начала XX века.

Обзор преподавания французского языка в России

До XVIII века в России мало преподавали живые иностранные языки³¹³. Это объясняется культурной изоляцией страны: тем немногим иностранным купцам, которые приезжали в Москву, приходилось самим учить русский, чтобы вести дела в России. Так было, например, с купцами из ганзейских городов. Кроме того, русские с опасением относились к присутствию «схизматиков» в православных школах, поэтому иностранцев не допускали к преподаванию в них, даже при том, что в России почти не было своих учителей иностранных языков. Однако государству нужны были люди со знанием новых языков, особенно для переговоров с дипломатами других стран и для перевода документов. Правда, в XVII веке эти потребности еще не были столь большими, и Посольский приказ мог удовлетворять их. Здесь делали переводы для единственного русского периодического издания того времени – «Вестей-Курантов», важного источника информации о внешнем мире, предназначенного для царя и его ближайшего окружения³¹⁴. Когда в результате политики ускоренной модернизации, проводимой Петром I, потребность в переводчиках резко возросла, количество людей со знанием языков так быстро не увеличилось. Никакого преподавания французского или других живых иностранных языков не было в большинстве учебных заведений петровского времени: ни в начальных школах (так называемых «цифирных» и «арифметических»), ни в Морской академии в Петербурге, ни в Славяно-греко-латинской академии в Москве.

На исходе XVII века в изучении французского языка многие европейские страны (Голландия, германские государства, Швеция, Польша и Англия) ушли далеко вперед по сравнению с Россией. В некоторых странах существовала давняя традиция использования французского как профессионального языка, например в области права в Англии (хотя интерес к использованию французского в этой сфере снизился в конце Средних веков)³¹⁵. В Голландии, взаимоотношения которой с Францией были тесными, французский использовался в сфере внешних сношений, его изучали еще в Средние века, а в XVI веке его преподавание достигло расцвета, прежде всего во вспомогательных школах, которые были разрешены муниципальными властями, в то время как в официальных школах царила латынь. В последнюю треть XVI века, после завоевания части Нидерландов испанцами, произошел отток франкоговорящих протестантов в северные Нидерланды, что привело к дальнейшему усилению позиций французского языка в этой стране³¹⁶. Затем, в XVII веке, французский постепенно превратился в *lingua franca* Европы³¹⁷. В Швеции сделать карьеру в сфере управления без знания этого языка было уже невозможно. Учебники по военному делу, в особенности по фортификации, в большинстве своем были написаны на французском³¹⁸. Всякому, кто хотел зарабатывать на жизнь частным преподаванием в Швеции, знание французского тоже было важным подспорьем. Кроме дво-

---

³¹³ О началах преподавания языков в Московии во второй половине XVII века см. первую часть главы 5.

³¹⁴ О Посольском приказе и «Вестях-Курантах» см. первую часть главы 5.

³¹⁵ См.: Kibbee D. A. For to Speke Frenche Trewely. The French Language in England, 1000–1600: Its Status, Description, and Instruction. Amsterdam, 1991.

³¹⁶ Riemens K. J. Esquisse historique de l'enseignement du français en Hollande du XVIe au XIXe s. Leiden, 1919; Frijhoff W. Le français et son usage dans les Pays-Bas septentrionaux jusqu'au XIXe siècle // Documents HFLES. 1989. 3. P. 1–8; Swiggers P. Regards sur l'histoire de l'enseignement du français aux Pays-Bas (XVIe—XVIIe siècles) // Documents HFLES. 2013. 50. P. 49–77.

³¹⁷ Более подробно см.: Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à 1900. Vol. 13. Paris, 1905–1953, 1969–1979. T. 5, 8, ч. 1–2; Siouffi G. De l'«universalité» européenne du français au XVIIIe siècle: retour sur les représentations et les réalités // Langue française. 2010. 3. 167. P. 13–29; Rjéoutski V., Offord D., Argent G. (Eds). European Francophonie: The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language. Oxford, 2014.

³¹⁸ См.: Chaline O. L'art de la fortification en Europe centrale et la francophonie (XVIIIe—XIXe siècles) // Gretchanaia E., Stroev A., Viollet C. (Dir.). La francophonie européenne, XVIIIe—XIXe siècles. Perspectives littéraires, historiques et culturelles. Bruxelles, 2012. P. 127–136.

рянских пансионов, там стали развиваться частные школы, готовившие коммерсантов и рассчитанные на средний класс, в них также преподавали французский³¹⁹. В некоторых местах распространению французского языка способствовали группы религиозных проповедников – так было в Польше, куда были приглашены французские монахини после того, как французская принцесса вышла замуж за польского короля³²⁰. В Италии тоже изучали этот язык – в дворянских коллегиумах в Пьемонте и в герцогстве Пармском, а также в Риме, где многие ученые и духовные лица знали его уже в начале XVII века, а также во Флоренции и других крупных городах³²¹. Нередко изучение французского инициировал королевский двор – либо из-за матримониальных связей с французским двором, либо из-за предпочтения такой модели придворной культуры, в которой развлечения на французском языке, такие как театр, играли центральную роль. В то же время французский сталкивался и с мощным сопротивлением: в университетах и в иезуитских коллегиумах латынь долгое время не уступала ему пальму первенства.

Если мы проанализируем эволюцию изучения французского языка в России, мы увидим, что хронология, которой до сих пор придерживались историки, должна быть несколько пересмотрена. Небольшие группы людей изучали французский уже в царствование Петра I, в конце XVII – начале XVIII века. Это были, как правило, члены семей, близких к царю-реформатору, а также семьи иностранцев на русской службе. Французский также изучали по крайней мере в одной школе, пользовавшейся поддержкой государства, – школе пастора Эрнста Иоганна Глюка, который готовил учеников к службе в Посольском приказе³²². Напротив, в католических и протестантских школах при иноверческих церквях Москвы и Петербурга, которые привлекали и семьи русского дворянства, французский не преподавали, зато там учили немецкому и латыни³²³. После смерти Петра французский стали преподавать в гимназии Академии наук (осн. 1724) и в Кадетском корпусе (осн. 1731) наряду с немецким и латынью. Таким образом, в послепетровский период французский был признан важным языком культуры, который невозможно было игнорировать. Его стали преподавать и в Московском университете (осн. 1755), и в Институте благородных девиц (или Смольном институте, осн. 1764) – первой государственной школе для девочек в России. При этом вплоть до эпохи Екатерины II знание иностранных языков было нечастым явлением даже в дворянской среде. Ф. Вигель в своих мемуарах подчеркивает, как мало было знатоков французского языка среди русских до 1760-х годов: он упоминает князя Сергея Федоровича Голицына, представителя видной ветви этой известной семьи, который в конце царствования Елизаветы учился в Кадетском корпусе, где изучал немецкий. Только после окончания корпуса Голицын хорошо выучил французский через общение в благородном обществе. «Знание языков было тогда не безделица, – замечает Вигель, – оно вело к повышению»³²⁴.

Развитие преподавания французского в русских учебных заведениях XVIII века не должно скрывать тот факт, что в середине века обучение этому языку все так же во многом ограничивалось двумя главными городами страны, Санкт-Петербургом и Москвой. Помимо столичных городов, было мало центров изучения живых иностранных языков. Хотя в Екатеринбурге на Урале благодаря усилиям Василия Никитича Татищева иностранные языки преподавали уже в 1730-е годы, это было скорее исключение, чем правило. Более того, единственными языками, введенными Татищевым в преподавание, были латынь и немецкий – последний

³¹⁹ Hammar E. L'enseignement du français en Suède jusqu'en 1807. Méthodes et manuels. Stockholm, 1980. P. 11–12.

³²⁰ Nikliborc A. L'enseignement du français dans les écoles polonaises au XVIIIe s. Wrocław, 1962. P. 21, etc.

³²¹ Minerva N. Les précepteurs français dans les maisons nobiliaires et les collèges en Italie (XVIIe et XVIIIe siècles) // Rjéoutski V., Tchoudinov A. (Dir.). Le Précepteur francophone en Europe. XVIIe–XIXe siècles. Paris, 2013. P. 65–87.

³²² Об этой школе и об изучении иностранных языков в России петровского времени см. подробнее первую часть главы 5.

³²³ Флоровский А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Т. 5. Отв. ред. П. Н. Берков. М.; Л., 1962. С. 317–335; Ковригина В. А. Иноверческие школы Москвы XVII – первой четверти XVIII в. // Педагогика. 2001. № 2. С. 74–79.

³²⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1. С. 73.

считали важным для горной промышленности, которая развивалась в этом регионе и для которой технологии и часть рабочей силы поступали из германских государств³²⁵. Но во второй половине века, особенно в царствование Екатерины II, изучение языков распространилось в русской провинции – не только благодаря гувернерам и частным школам, но и благодаря появлению новых казенных учебных заведений для дворянства, например дворянского училища в Твери (осн. 1779)³²⁶. Однако в провинции было трудно найти учителей, если судить по тому факту, что в 1784 году дворянское училище в Курске, открытое в предыдущем году, искало учителя французского в Москве³²⁷.

В конце XVIII века события, начавшиеся с Французской революции, на какое-то время бросили тень на репутацию французского языка, на который некоторые стали смотреть как на возможное средство распространения опасных идей. В царствование Павла I торговля французскими книгами была запрещена в России, а преподавание французского прекращено в учебных заведениях. Митрополит Гавриил Новгородский (Петр Петров-Шапошников) послал распоряжение в епархии, объясняя причины этого запрета: «Семинаристы ваши обучаются французскому языку, но как опыт доказал, что неблагонамеренные из них злоупотребляют знанием сего языка, мне поручено вашему Преосвященству писать, чтобы благоволили сей класс оставить»³²⁸. Трудно сказать, существовали ли доказательства подобного «злоупотребления» знаниями французского, но очевидно, что власти пытались изменить взгляд общества на этот язык, чтобы представить его как средство для проникновения в Россию революционных идей. Однако эти меры недолго оставались в силе, и с 1797 года преподавание французского начало возобновляться³²⁹.

Долгое время препятствием в изучении французского языка в России был недостаток учителей. В государственных учебных заведениях (Сухопутном кадетском корпусе, Морском кадетском корпусе, Пажеском корпусе...) французский преподавали иностранцы самого разного происхождения: среди них были немцы, итальянцы, шведы, так же как французы и швейцарцы, как мужчины, так и женщины. Поскольку многие русского не знали, они обучали французскому через другой иностранный язык, обычно через немецкий. Русских учителей иностранных языков было очень мало в XVIII веке, поэтому учебные заведения, так же как и семьи, были вынуждены приглашать для этой цели иностранцев. Это вызвало обеспокоенность властей в 1780-х годах, когда Комиссия по учреждению народных училищ стала проводить реформу государственного образования, затронувшую и Воспитательное общество благородных девиц, более известное как Смольный институт. Комиссия заключила, что преподавание в Обществе нельзя было назвать удовлетворительным, в том числе потому, что ученицы плохо владели русским, почему Комиссия и решила заменить большую часть иностранных учителей на русских.

Однако и в XIX веке положение с учителями иностранных языков во многом осталось таким же, что и раньше. В Царскосельском лицее, в котором учился Пушкин, французский язык и литературу преподавал швейцарец Давид Будри (David Boudri), брат Жана-Поля Марата, лидера радикальной фракции монтаньяров во время Французской революции. В Петербургском университете, основанном в 1819 году, французскому обучали Жан Тийо (Jean Tillot), Антуан Дюгур (Antoine Dugourt), Шарль де Сен-Жюльен (Charles de Saint-Julien), Жан

³²⁵ Сафронова А. М. В. Н. Татищев о важности изучения иностранных языков // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 26–28.

³²⁶ Туттолмин Т. И. Положение общества дворянского Тверского наместничества, и План училища, учреждаемого в Твери, на общественном дворянском иждивении. [М.], печатано в Университетской типографии, [у Н. Новикова], 1779.

³²⁷ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1578.

³²⁸ Колосов В. История Тверской духовной семинарии. Ко дню 150-летнего юбилея семинарии. Тверь, 1889. С. 241. Цит. по: Kislova E. Le français et l' allemand dans l' éducation religieuse en Russie au XVIIIe siècle // Vivliofika. 2014. № 1. P. 51–56.

³²⁹ Kislova. Le français et l' allemand dans l' éducation religieuse en Russie au XVIIIe siècle. P. 56.

Флери (Jean Fleury) и другие, а первый русский лектор французского языка, Федор Батюшков, получил свое место только в 1895 году! В Училище правоведения и в Николаевском сиротском институте французский преподавал все тот же Флери³³⁰. В Институте Корпуса инженеров путей сообщения занятия вел Сен-Жюльен, в Мариинском институте и в Обществе благородных девиц – Альфонс Жобар (Alfonse Jobart), бывший преподаватель Казанского университета, в Гатчинском сиротском институте и в Демидовском лицее – Жюль Перро (Jules Perrault), который позже станет лектором в Санкт-Петербургском университете. Этот список учебных заведений свидетельствует о распространении изучения французского языка в XIX веке. Очевидно, что знания и опытность учителей намного выросли со временем, не в последнюю очередь потому, что в XIX столетии в России было гораздо больше франкоговорящих иностранцев. Некоторые из них (например, Будри, Флери, Сен-Жюльен) сами были авторами учебников французского языка и литературы³³¹. Иностранцы продолжали преобладать среди учителей иностранных языков в российских учебных заведениях и позже: даже в 1900 году большинство учителей французского в средних школах в России были французами и швейцарцами³³².

В конце XVIII и начале XIX века присутствие многочисленных иностранцев в роли воспитателей, особенно в домах дворянства, вызывало у многих беспокойство, поскольку считалось, что такое воспитание влияло на национальное самосознание детей³³³. В высших слоях бюрократии было немало противников «французского» воспитания: адмирал Александр Шишков, граф Федор Ростопчин, адмирал Николай Мордвинов, как и другие государственные деятели, писали о недостатках, происходивших от воспитания дворянства иностранцами. Мордвинов, например, рекомендовал прививать молодым дворянам привязанность к их стране и языку и советовал Александру I

<...> сделать двор образцом любви ко всему хорошему русскому – к языку, вере, обычаям и обрядам. На сей конец должно вывести из употребления при дворе и во всех обществах французский язык, французские вещи, французские обряды, которые так много ослабляют дух народный и любовь к отечеству и внимательному наблюдателю деяний человеческих предвещают следствия печальныя³³⁴.

Мордвинов предлагал запретить дворянству брать к себе в дом иностранцев в качестве воспитателей и позволить иностранцам давать частные уроки только при условии, что они будут знать русский язык. Для него было очень важно, чтобы предметы преподавались дворянству на русском языке. Воспитание дворян иностранцами, как и воспитание их за границей, он считал злом. По его мнению, Россия уже испытывала пагубные последствия этих практик:

Лучшие иностранные воспитатели, не зная духа русского народа, не имея сыновняго усердия и преданности к России, и при добрых своих желаниях не

³³⁰ О карьере Флери и его учебниках см.: Власов С. В. Жан Флери, лектор французского языка и французской литературы в Санкт-Петербургском университете (1872–1894) // Чубарьян А. О., Лиштенан Ф.-Д., Ржеуцкий В. С., Окунева О. В. (Ред.). Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX в. М., 2013. С. 50–64.

³³¹ Boudri. *Premiers principes de la langue françoise ou nouvelle grammaire*, 2 vol. (1812); *Idem*. *Abrégé de la grammaire françoise* (1819). Сен-Жюльен написал несколько учебников, в том числе *Histoire et littérature des sciences, cours professé à l'Institut des voies de communications* (1836); *Cours méthodique et général de composition* (1845). Учебник Флери «*Grammaire en action*» переиздавался несколько раз. См.: Goëtz C. *De précepteur privé à professeur en titre à Tsarskoïé Selo: le parcours de David (Marat) de Boudry // Rjéoutski V., Tchoudinov A. (Dir.). Le Précepteur francophone en Europe, XVIIe–XIXe siècles*. Paris, 2014. P. 373–390; Власов. Жан Флери. С. 56–57; Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870. С. 140.

³³² Piccard E. F. *L'enseignement de la langue française*. I. Introduction. St-Petersbourg, 1900. P. 7.

³³³ Rjéoutski V. *Le Précepteur français comme ennemi: la construction de son image en Russie (deuxième moitié du XVIIIe siècle // Krulic B. (Dir.). L'ennemi en regard(s): Images, usages et interprétations dans l'histoire et la littérature*. Paris, Bern, 2012. P. 31–39.

³³⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 1–10. СПб., 1901–1903. Т. 4, 1902. С. 398–399.

могут дать русскому юношеству хорошаго воспитания, не могут приготовить полезных сынов отечеству. Чего же ожидать должно от толпы бродяг-учителей неискусных, корыстолюбивых и, может быть, даже злонамеренных, которым дворянство русское вверяет образование умов и сердец своих детей? Питомцы сих наставников будут истинными всемирными гражданами, т. е. не будут иметь ни своего отечества, ни своего языка, ни своих обычаев, не будут знать ни отечественных постановлений, ни своих обязанностей, ни связей кровных³³⁵.

Мордвинов особенно жестко критикует пансионы, которые содержали иностранцы, поскольку, как он писал, дети выходят из них с плохим знанием французского, поверхностными и часто ложными знаниями, умея только худо-бедно танцевать и музицировать, и становятся иностранцами по духу. Такое воспитание, продолжает он, делает их вялыми «в теле и духе». Язык Мордвинова (он пишет о кровных связях, теле, духе, вялости) отражает идею о естественной и исключительной связи человека с родной страной и помогает ему противопоставить крепость и нравственную природу русской нации вялости и аморальности французской.

Можно быть уверенным в том, что критика Мордвинова относится прежде всего к людям его социального круга, потому что именно в высших слоях русского общества детей воспитывали дома, прибегая к услугам иностранных гувернеров. Согласно данным, собранным Александром Феофановым, во второй половине XVIII века военные первых трех классов по Табели о рангах (то есть от фельдмаршала до генерал-лейтенанта) все реже и реже посылали своих сыновей в одну из государственных дворянских школ, таких как Шляхетный кадетский корпус. Они отдавали предпочтение другим возможностям получать образование, таким как домашнее воспитание, образование за границей (во время гран-тура) или обучение в Пажеском корпусе, который с точки зрения социального уровня учеников был гораздо более элитным заведением, чем Кадетский корпус³³⁶.

В XIX веке контроль за иностранными гувернерами, большая часть которых преподавала французский язык в семьях, становится константой российской политики: для них вводятся обязательные экзамены, их пытаются превратить в своего рода государственных служащих... Непрерывающиеся революции в Европе сильно волновали русские власти: они видели во французских гувернерах агентов революции, которые под прикрытием воспитательной работы пытались привить дворянам – опоре самодержавия – опасные идеи. Правительство стремилось если не уничтожить полностью сам институт гувернерства, то, по крайней мере, уменьшить число гувернеров и поставить их под идеологический контроль³³⁷. Симптоматично, что в учебниках французского, специально подготовленных для русских детей в это время, иногда появляются разделы о русской истории. Так, в учебнике «*Ami de la jeunesse russe*» (Друг российского юношества)³³⁸, написанном неким Л. Тибо (L. Thibault), преподавателем французского в Ларинской гимназии, находим краткое изложение истории России (с. 152–210) и рассуждение о «прекрасных чертах русской истории» (с. 38–46), представляющее собой апологию «героев» русской национальной истории и прославление царствующей династии.

Но в то время не существовало никакой возможности полностью заменить домашнее образование обучением в государственных учебных заведениях с русскими преподавателями.

---

³³⁵ Там же. Т. 4. С. 400.

³³⁶ Доклад А. Феофанова на конференции «За границами традиционной историографии образования в России», которая была организована в Германском историческом институте в Москве 27–28 января 2017 года.

³³⁷ Solodiankina O. Les précepteurs français parmi les autres éducateurs étrangers en Russie en 1820–1850 // Rjéoutski V., Tchoudinov A. (Dir.). Le Précepteur francophone en Europe. XVIIe–XIXe siècles. Paris, 2013. P. 151–170.

³³⁸ Thibault L. L' Ami de la jeunesse russe, méthode graduée de langue française, suivi d' un abrégé de l' histoire de Russie depuis Rurik jusqu'à nos jours. St-Pétersbourg, 1837.

Это одна из причин инициативы императрицы Марии Федоровны, которая создает в 1810-х годах в Московском воспитательном доме класс наставниц, которых специально готовят для преподавания в семьях дворянства, в том числе в провинции. Хотя «французское» воспитание систематически подвергалось тогда порицанию в обществе, в классе наставниц французский язык занимал главное место по сравнению с немецким³³⁹, и это понятно, учитывая важность, которую он приобрел для русского дворянства.

Постепенно из языка элиты общества французский становился и языком культуры. Есть значимые различия между употреблением французского языка дворянством, в особенности до начала заката элитарной франкофонии, и его использованием широкими слоями населения, которые выучили этот язык в учебных заведениях империи. В первом случае французский является центром воспитательной и эстетической системы ценностей дворянина и частью его идентичности. Этот язык служит каналом не только для французской культуры, но и для всех европейских культур, с которыми российский дворянин знакомится через посредничество французского языка чаще, чем в русском переводе. Во втором случае французский является языковым средством, позволяющим получить доступ к французской культуре как таковой, чьи контуры – реальные или воображаемые – очерчены в представлении современников гораздо более четко, чем это было раньше. Кроме того, знание французского могло быть полезным для карьеры. Эти различия отражались в способах изучения этого языка, которые зависели от социального уровня ученика. В семьях высшего и среднего дворянства французский постигался через языковую практику едва ли не больше, чем в процессе обучения: во время прогулок с гувернерами, в разных формах общения, в салонах и театре, через чтение книг, поездки за границу, например, в рамках гран-тура. Поэтому дворянство могло упражняться в языке в самых разных контекстах, где границы между формальным изучением языка и общением далеко не всегда были четко обозначены, в то время как другие социальные группы изучали язык, как правило, только за школьной партой.

В конце XIX века в гимназиях и реальных училищах французский изучали главным образом через перевод и зубрежку грамматики. Учебники, которые использовали в этих школах, были «полностью лишены всякого интереса», как писал один из учителей французского этого времени: грамматика и лексика в них были подобраны «совершенно произвольно» и не имели связи с целями обучения³⁴⁰. Количество учеников в языковых классах было очень большим (нередко по 50 человек в классе). Хуже того, учителя, чтобы заработать на жизнь, должны были давать по 30–40 часов уроков в неделю, и преподавание страдало от этого³⁴¹. Французский изучали 2–3 часа в неделю наряду с немецким, а в классических гимназиях еще и с латынью и греческим, а иногда и с английским, что не позволяло быстро овладеть языком³⁴². Очевидно, что изучение французского в этих школах было совсем не похоже на практики обучения в высшем обществе и в привилегированных учебных заведениях (Царскосельский лицей, Пажеский корпус, Школа правоведения...) ³⁴³, но и цели его были другими: в первом случае акцент делался больше на чтении и понимании иностранного текста, а во втором ученики еще до поступления в школу имели настолько хороший уровень знания французского, что, согласно мнению эксперта Министерства народного просвещения, этот язык им нужно было преподавать так, как

---

³³⁹ Лавринович М. Б. Соединяя «благосостояние с общею пользою»: классы подготовки домашних наставниц для дворянских детей в Московском воспитательном доме в 1810-е – начале 1820-х годов // Ржеуцкий, Федюкин, Берелович. Идеал воспитания дворянства в Европе, XVII–XIX вв. С. 320–347.

³⁴⁰ Piccard. L'enseignement de la langue française. P. 12.

³⁴¹ Ibid. P. 7–9.

³⁴² Ibid. P. 11.

³⁴³ Loup Ch. du. Rapport à son Excellence le ministre de l'Instruction publique sur l'enseignement de la langue française en Russie. St-Pétersbourg, 1896. P. 7.

если бы это был родной язык учеников, делая упор на владение письменной речью на высоком уровне, чем не занимались в непривилегированных школах³⁴⁴.

По мере увеличения числа изучающих французский язык и расширения социальных границ этой группы обучение языку стало более теоретическим, с акцентом на грамматике, причем даже в Кадетских корпусах и Институте благородных девиц. Одним из последствий этих изменений было ухудшение практического владения языком. Учитель в Екатерининском институте в Петербурге (основанном в 1798 году) сравнивал поколение учениц, которые учились в институтах для девушек из благородных семей в 1860–1870-е годы, с теми, кто учился там в конце XIX века. Он находил, что первые говорили по-французски бегло, с «превосходным произношением и в целом удивительно правильно»; вторые «бормочут короткие фразы, а если хотят начать связный разговор, их речь бывает усеяна солесизмами и варваризмами, которые тут же показывают, что их знания французского несовершенны». Однако вторые, изучая французский «как мертвый язык», имели гораздо больше теоретических знаний о языке, чем первые³⁴⁵. Тот же наблюдатель выделял несколько причин «упадка французского языка» в России. Раньше «во всех салонах можно было услышать только французскую речь», а во второй половине XIX века это стало исключением. Появился своего рода языковой патриотизм, также сыгравший свою роль:

Патриоты скажут, – писал он в 1895 году, – что возвращение к национальному языку вполне справедливо: он более гармоничен, более богат, чем французский, и не заслуживал того пренебрежения, с которым с ним обращались долгое время. Влияние этих идей произвело следствие, своего рода реакцию, или скорее от одной крайности перешли к другой и остаются там³⁴⁶.

Изменение модели и социального контекста преподавания французского также может быть показано на примере сети школ Alliance Française, которые начали работать в России в начале XX века. Помимо Москвы и Петербурга, к 1913 году отделения Альянса открылись в трех десятках городов по всей стране. Теперь французский был не маркером привилегированного сословия, а языком, представлявшим Францию и ее ценности. Альянс предлагал своим слушателям, помимо языковых курсов, лекции по литературе, науке, музыке и другим аспектам французской культуры, которые читали видные деятели литературы и науки из Франции и Бельгии, такие как Франц Функ-Брентано, Пьер Леруа-Болье, Жан Ришпен и Эмиль Верхарн, и которые привлекали сотни слушателей. Альянс, как и Французский институт (основанный в 1912 году), опирался на французское землячество, занимавшее прочные позиции в России, и на французских дипломатов (французский посол был почетным президентом Петербургского отделения Alliance Française). Эти организации институционально поддерживали «франкофонию» (слово уже было придумано Онезимом Реклю) и были инструментами того, что сегодня называют «мягкой силой» (*soft power*) в борьбе за гегемонию в мировом пространстве. Эта политика берет начало в традиционном соперничестве Франции и Германии, обострившемся особенно после поражения Франции во Франко-прусской войне 1870–1871 годов³⁴⁷.

Социальная база этих организаций отражает разнообразие франкоязычного общества в России этого времени. С одной стороны, большинство слушателей, особенно на курсах, организованных в Alliance Française, составляли девушки из семей мелкой буржуазии и чиновников низшего уровня, что объясняется как положением женщин в образовательной системе –

³⁴⁴ Ibid. P. 18.

³⁴⁵ Fondet E. L'enseignement de la langue française en Russie et en particulier dans les instituts. M., 1895. P. 3.

³⁴⁶ Fondet. L'enseignement de la langue française en Russie et en particulier dans les instituts. P. 5.

³⁴⁷ См.: Medvedkova O. «Scientifique» ou «intellectuel»? Louis Réau et la création de l'Institut Français de Saint-Petersbourg // Cahiers du monde russe. 2002. 43:2–3. P. 411–422.

ведь университеты для них все еще были закрыты, – так и состоянием рынка услуг, на котором ощущалась значительная потребность в гувернантках, способных преподавать французский язык в семьях. С другой стороны, люди, которые заседали в попечительских советах таких организаций, в большинстве своем представляли высшую российскую бюрократию и императорский двор. Конечно, подобные связи сами по себе были важны для этих институций, но мы не должны также забывать, что петербургский двор был и продолжал оставаться важным центром франкофонии в России³⁴⁸.

После катаклизмов большевистской революции и Гражданской войны, после эмиграции значительной части франкоговорящей элиты из России обучение французскому пришло в упадок. Французский славист Андре Мазон, посланный в 1920-е годы французским министром образования в СССР с целью проследить изменения в области образования, пришел к следующему заключению: «Нет и одного заведения из десяти, в котором бы был квалифицированный преподаватель французского языка». Если в школе было возможно выбирать язык для изучения (немецкий, английский или французский), выбор делался исходя из «местных потребностей», и почти всегда в пользу немецкого, реже в пользу английского. В высших учебных заведениях студенты продолжали изучать тот язык, который они начали в школе, то есть почти всегда немецкий или английский. В университете изучение французского притягивало прежде всего «девушек, принадлежащих в большинстве своем к старому обществу», – пишет Мазон³⁴⁹. Лучше было положение с французским на вечерних платных курсах, но и там публика была почти исключительно женская³⁵⁰. Командированный на Украину французским Министерством образования г-н Парен докладывал в 1925 году, что в Киеве французский преподавали только в одном заведении, «техникуме», где изучали внешние сношения: в нем этому языку обучалось 15 человек, в то время как английскому – примерно 30, а немецкому – около 150. В Одессе, настоящем центре франкофонии в Российской империи до 1917 года, французский преподавали только в трех учебных заведениях. Курс продолжался, как правило, два года, по два часа в неделю, и по его окончании, констатировал Парен, студенты «не знают почти ничего». «Французское влияние или скорее интерес к Франции [*goût de la France*], – пишет Парен, – сохраняется в высоких кругах интеллигенции», в Академии наук, в кругах ученых-франкофилов (в особенности среди востоковедов), получивших образование до революции. Новое поколение русских ученых, из низких социальных слоев, почти не изучало французский, что привело к резкому уменьшению контактов с французскими учеными³⁵¹. «Помимо интеллигенции и ученых из кругов бывшей буржуазии, о каком-либо французском влиянии, кроме чисто практических вещей, не может быть и речи, за исключением городов, в которых есть традиция франкофонии, таких как Ленинград, Москва и Одесса», – писал Парен³⁵². Такое игнорирование французского имело под собой, конечно, не только социальные, но и политические основания, ведь он вызывал подозрения как язык дореволюционного высшего общества. Однако были и чисто практические причины: Германия была более открыта для торговли с Советской Россией, а СССР «старается прежде всего воспитать людей, которые могли бы способствовать процветанию в будущем его экономики и торговли», заявил Мазону в беседе один из высших

³⁴⁸ Rjéoutski V. L' Alliance Française à Saint-Petersbourg (1907–1919) // L' Alliance Française et l' Institut Français à Saint-Petersbourg. St-Petersbourg, 2001. P. 8–49; *Idem*. L' Institut Français de Saint-Petersbourg // L' Alliance Française et l' Institut Français à Saint-Petersbourg. St-Petersbourg, 2001. P. 65–127.

³⁴⁹ Rapport du 15 juin 1927. Institut de France. Фонд Андре Мазона. № 6780. Fol. 417.

³⁵⁰ В Ленинграде наиболее популярными курсами руководили лингвист Лев Щерба, ученик Бодуэна де Куртенэ, а в Москве Клавдия Ганшина – известные специалисты по французскому языку, которые сформировались как ученые до 1917 года.

³⁵¹ Rjéoutski V. Le français des scientifiques en URSS (1920–1930) (d' après des documents du fonds André Mazon, Institut de France) // Simonato E. (Dir.). La linguistique urbaine en Union Soviétique. Cahiers de l' ILSL. 2014. № 39. P. 37–48.

³⁵² Institut de France. Фонд Андре Мазона. № 6780. Fol. 118–120, 124–125.

чиновников Комиссариата просвещения на Украине, Ян Ряппо³⁵³. Мазон с горечью констатировал, что революция

<...> смела вместе со старым обществом и язык, которым оно пользовалось; она привела во власть большое количество людей, которые во время политической эмиграции приобщились к немецкой или англосаксонской культуре; она направила молодежь, чей лозунг – расчетливость и реалистичность, изучать другие языки, немецкий и английский, которые считаются там [в СССР. – *Авт.*] более полезными в ближайшей перспективе³⁵⁴.

В следующей части мы более детально рассмотрим соотношение языков в сфере образования с социальной и культурной структурой общества имперской России, в основном в XVIII веке, когда французский из второстепенного превратился в главный язык российской элиты. Поскольку мы подчеркнули многоязычие высшего российского общества, мы рассмотрим положение французского по отношению к немецкому, латыни, английскому и русскому языкам.

---

³⁵³ Ibid. Fol. 419.

³⁵⁴ Ibid. Fol. 408.

Французский/немецкий

На протяжении значительной части XVIII века французский не был главным иностранным языком в России, ведущую позицию занимал немецкий. Во-первых, немецкий был языком большинства иностранцев, проживавших в империи. У России были тесные связи с немецкоязычными странами. Присоединение Остзейских провинций Петром Великим в результате Северной войны привело к появлению в империи большой группы прибалтийских дворян, родным языком которых был немецкий. В этих обстоятельствах не стоит удивляться тому, что немецкий привлек к себе такой интерес в России, особенно в государственных образовательных учреждениях³⁵⁵. Поэтому историю изучения иностранных языков в России в эпоху Просвещения можно писать как историю продвижения французского в соревновании с другими языками, в особенности с немецким. Иногда французский расширял свое влияние за счет немецкого, иногда параллельно с ним. По этой причине говорить о «французской Европе»³⁵⁶ в отношении России по крайней мере до середины XVIII века весьма проблематично. В России нормой было скорее многоязычие, чем франко-русское двуязычие. Однако то же самое можно сказать и о некоторых других европейских странах. Так, в шведских военных учебных заведениях в начале XIX века французский испытывал сильную конкуренцию со стороны не только немецкого, но и английского³⁵⁷. В Богемии XVIII века дворянство использовало немецкий, французский, иногда чешский и даже латынь, но у каждого языка была своя функция³⁵⁸. Подобное многоязычие мы видим и в Нидерландах, где французский был языком дворянства и буржуазии, но немецкий и английский следовали за ним по пятам³⁵⁹.

Данные о публикации учебников для изучения языков показывают, что, хотя русские стали серьезно интересоваться французским уже в середине века, количество таких учебников сильно выросло только в 1780-е годы³⁶⁰. Интерес к немецкому начался гораздо раньше, в XVII веке, но количество учебников немецкого стало расти только начиная с 1760-х годов и достигло пика в 1780-е и 1790-е годы. Поэтому можно предположить, что в последнюю треть века изучением языков заинтересовалась не только аристократия, но и среднее и мелкое дворянство, а также «разночинцы».

Также во второй половине века немецкий и французский вошли в программы обучения в семинариях, нередко по инициативе заведовавших ими духовных лиц, которые сами владели иностранными языками. Например, французский изучали в нижегородской семинарии примерно с 1753 года, в рязанской семинарии с 1765 или 1766 года, в воронежской семинарии с 1770-х годов, в семинарии Александро-Невской лавры в Петербурге по крайней мере с 1772 года. На Украине французскому учили в Харьковском коллегиуме в 1736–1741 годах, а затем снова с 1768 года. Возможно, что введение в программы семинарий этих двух языков следует связать с «Инструкцией, данной комиссии о церковных имениях» 29 ноября 1762 года,

---

³⁵⁵ Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin; N. Y., 2002.

³⁵⁶ Так называется известная книга маркиза Луи-Антуана Караччиоли, о которой мы упоминали в первой части главы 1.

³⁵⁷ Östman M. French in Sweden in the Seventeenth, Eighteenth and Nineteenth Centuries // Rjéoutski, Offord, Argent (Eds). European Francophonie. P. 280–281.

³⁵⁸ Cerman I. Le Précepteur français en Bohême au temps des Lumières // Rjéoutski V., Tchoudinov A. (Dir.). Le Précepteur francophone en Europe, XVIIe—XIXe siècles. Paris, 2014. P. 21–36.

³⁵⁹ Frijhoff W. Amitié, utilité, conquête? Le statut culturel du français entre appropriation et rejet dans la Hollande prémoderne // Documents HFLES. 2013. 50. P. 30–31.

³⁶⁰ См.: Vlassov S. Les manuels utilisés dans l'enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle: influences occidentales et leur réception en Russie // Viviofika. 2013. № 1. P. 75–98; Glück H., Pörzgen Y. Deutschlernen in Russland und in den baltischen Ländern vom 17. Jahrhundert bis 1941. Eine teilkommentierte Bibliographie. Wiesbaden, 2009. S. xxxix, xl. Число таких публикаций, возможно, выросло и благодаря разрешению заводить частные типографии, данному в 1783 году.

в которой Екатерина II сетовала на низкий культурный уровень духовенства. Хотя языки в этой инструкции прямо не упоминались, их изучение без сомнения могли рассматривать как возможный способ поднять уровень общей культуры священников³⁶¹. Знание французского было знаком образованности, способным изменить образ невежественного священника, который сложился у многих дворян, тем более что дворянство не смотрело на латынь – важный язык для духовного сословия в России – как на непрменный признак культурного человека. То, что Карамзин говорит о священниках по случаю посещения им Троице-Сергиевой лавры, хорошо показывает, что владение иностранными языками среди духовных лиц могло произвести на дворянина положительное впечатление:

Кроме древних языков, здесь учат французскому и немецкому. Это похвально: кому надобно проповедывать, тот должен знать Боссюэта и Массильйона. Некоторые из здешних монахов говорили со мною по-французски, а важные учителя вмешивали в свой разговор французские фразы. Они доказывали мне, что ученость приветлива: ходили со мною и все показывали с видом искренней услужливости. Наука дает человеку какое-то благородство во всяком состоянии³⁶².

Соревнование между французским и немецким языками можно хорошо показать на примере Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, который был главным питомником российского дворянства в XVIII веке. Вплоть до царствования Екатерины II немецкий был главным языком, изучавшимся в этом заведении³⁶³. За примерно 30 лет, с 1730-х по 1760-е годы, французский учили от одной до двух третей русскоговорящих учеников Корпуса, в то время как практически все они учили немецкий. Чтобы понять удивительную непопулярность французского языка в главной российской дворянской школе в середине века Просвещения, нужно принять во внимание социальный уровень учеников, которые в большинстве своем были из среды среднего и низшего дворянства, особенно после реформы Корпуса 1760-х годов, когда число учеников значительно возросло. Их семьи были в социальном и в культурном отношении весьма отдалены от петербургского двора, который был центром зарождающегося франкоговорящего общества в России. Есть и другие причины, объясняющие, почему французский не был самым изучаемым языком в Кадетском корпусе, – например, присутствие многочисленных немцев в преподавательском составе этого учебного заведения. Эти учителя, как правило, не владели русским и преподавали французский через немецкий язык, поэтому русские ученики должны были сначала выучить немецкий, прежде чем приниматься за французский.

В первой половине XVIII века немецкий также был основным языком преподавания в Кадетском корпусе, независимо от родного языка учеников. В апреле 1734 года в Корпусе был только один русский учитель, обучавший неязыковым предметам, и один немецкий учитель математики, знавший немного русский язык³⁶⁴. В 1737 году почти все книги, которые использовались для преподавания неязыковых предметов, были на немецком языке, реже на латыни. Только на уроках геометрии использовался учебник на русском языке, переведенный с немец-

³⁶¹ Официально французский и немецкий были введены в программы семинарий и духовных академий только в 1798 году, да и то как дополнительные предметы. См.: *Kislova. Le français et l'allemand dans l'éducation religieuse en Russie au XVIIIe siècle*. P. 51–56.

³⁶² Карамзин Н. М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя: избранная проза. Сост., вступ. ст. и примеч. Вл. Б. Муравьева. М., 1988. С. 285–309. Указ. в: *Kislova E. Le français et l'allemand dans l'éducation religieuse en Russie au XVIIIe siècle*.

³⁶³ См. статистические данные за 1731–1764 годы в статье: *Rjéoutski V. Native Tongues and Foreign Languages in the Education of the Russian Nobility: The Case of the Noble Cadet Corps (the 1730s–1760s)* // McLelland N., Smith R. (Eds). *The History of Language Learning and Teaching*. Vol. 1, 16th–18th Century Europe. Legenda, 2018. P. 129–144.

³⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 396. Л. 29.

кого одним из учителей³⁶⁵. Это было совершенно не исключительное явление, как показала в своей книге Кристина Кох (Дамен): немецкий использовали для преподавания ряда предметов и в образовательных учреждениях при Академии наук. Таким образом, из иностранного языка немецкий превратился в России в один из главных языков преподавания и играл роль, сходную с той, что играла латынь в иезуитских коллегиях и европейских университетах. Это положение приводило к значительным трудностям, поскольку многие ученики плохо понимали, что говорили их немецкие учителя³⁶⁶.

Российские власти поддерживали изучение немецкого. Кажется, что в 1732 году немецкий был обязательным предметом для русских учеников в Корпусе, а русский был фактически обязательным для учеников из семей прибалтийского дворянства. Тот факт, что в Кадетском корпусе требовали, чтобы каждая из двух основных национальных групп учеников овладела языком другой группы, показывает стремление добиться их культурного сближения. Это сближение рассматривалось как средство достижения стабильности в империи. В 1773 году Сенат послал в Московский университет, Сухопутный кадетский корпус, Морской кадетский корпус и Академию наук указ, в котором сенаторы выражали сожаление, что русские дворяне недостаточно знают немецкий язык. Они рассматривали овладение немецким как государственный приоритет, причем главной причиной, названной в указе, была необходимость лучшей интеграции прибалтийских провинций в империю. Сенат также приказал этим учебным заведениям отдать предпочтение немецкому перед другими языками³⁶⁷, что наводит на мысль о том, что немецкий уже потерял свое главенствующее положение.

С другой стороны, в системе частного образования немецкий начал сдавать позиции французскому уже в середине века. Начиная с 1720-х и 1730-х годов французский язык стали использовать круги, которые были наиболее подвержены западным влияниям и имели возможности частых контактов с иностранцами³⁶⁸. Согласно данным (конечно, весьма неполным), собранным в 1757 году комиссией Петербургской Академии наук, которая должна была экзаменовать тех, кто хотел преподавать в петербургских семьях и в частных школах, французскому в них учили больше, чем немецкому³⁶⁹.

	<i>Общее число семей, в которых языки преподавали гувернеры</i>	<i>Семьи, в которых изучали французский и немецкий</i>	<i>Семьи, в которых изучали только французский</i>	<i>Семьи, в которых изучали только немецкий</i>
<i>Все семьи</i>	30	7	16	7
<i>Семьи русских дворян</i>	23	5	14	4

³⁶⁵ Сухомлинов. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 3. С. 464–465.

³⁶⁶ Koch. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. S. 155–168.

³⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 70. Л. 2–2 об. Существует другой вариант этого указа, от 9 сентября 1773 года, опубликованный в: ПСЗ. Т. 19. С. 818–819. № 14036. Именно этот вариант, который существенно отличается от текста, найденного нами в РГА ВМФ, имел силу закона. Опубликованный текст указа подчеркивает выгоды, которые знание немецкого дает мужчинам на гражданской службе, что показывает обеспокоенность властей изменениями общественного мнения, считавшего другие языки (без сомнения, французский) более полезными с точки зрения карьеры.

³⁶⁸ Об изучении французского в семьях, близких к Петру Великому, см. первую часть главы 5.

³⁶⁹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 80 (1757–1758).

Преобладание французского в домашнем воспитании нужно, вероятно, объяснить тем, что петербургские семьи, приглашавшие гувернеров в это время, нередко занимали довольно высокое социальное положение и были близки ко двору. В некоторых семьях изучение немецкого вообще не велось либо отошло на второй план. Историограф князь Михаил Михайлович Щербатов, например, мало изучал немецкий и никогда не использовал его в своей переписке, хотя и не подвергал сомнению необходимость для русского дворянина знать этот язык³⁷⁰. В целом, однако, русская аристократия продолжала учить немецкий язык. Например, в семье князей Барятинских в 1770-е годы не только мальчики, но и девочки учили немецкий.

В екатерининское царствование и французский, и немецкий учили в многочисленных пансионах, которые открывали иностранцы в Петербурге и Москве. Ученики в этих заведениях были по большей части детьми иностранных торговцев и ремесленников, а русские дети были сыновьями офицеров или чиновников среднего и низкого уровня (поручик, капитан, коллежский асессор, почтальон...), очень редко – сыновьями русских торговцев³⁷¹. Среди семей, которые мы находим в списках 1757 года, фигурирует только одна русская купеческая семья, в которой дети учили немецкий. Возможно предположить, что русское купечество редко учило иностранные языки в XVIII веке. Мы мало знаем о языках, которые изучали в семьях мелкопоместного дворянства в то время, потому что удалось найти совсем немного документов, проливающих свет на частную сферу в этом социальном кругу. Известно, что на протяжении всего царствования Екатерины II некоторые бедные дворяне в России были безграмотными, поэтому сомнительно, чтобы такие семьи могли позволить себе изучение иностранных языков. В наказах провинциального дворянства, поданных во время работы Уложенной комиссии, созданной Екатериной II в 1767 году, вопросы образования вообще упоминаются редко. Они затрагиваются по большей части в наказах дворянства Московской губернии и Украины. Редкие упоминания иностранных языков касаются французского и немецкого³⁷².

В конце царствования Екатерины II в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе французский был главным изучаемым языком, если судить по количеству записей на нем, сделанных кадетами в книгах поздравлений директору корпуса по случаю его именин или Нового года. В 1773 году Никола-Габриэль Клерк (впоследствии известный историк Леклерк), который был тогда заведующим учебной частью Корпуса (*directeur des études*), писал о французском как о «языке, глубокое знание которого для учеников важнее всего, после русского языка»³⁷³. Ученики «второго возраста» (с 9 до 12 лет) должны были изучать французский 16 часов в неделю на уроках чтения и письма, а русский только 4,5 часа. Для самых младших учеников (6–9 лет), наоборот, уроков русского было существенно больше, чем уроков французского, поскольку считалось, что молодые дворяне должны обращать большое внимание на овладение родным языком. Ученики «третьего возраста» (12–15 лет) должны были учить русский 4, а французский 10 часов в неделю на уроках грамматики, диктантов и чтения. Только с этого возраста ученики должны были начинать учить немецкий язык (3 часа в неделю). У двух старших возрастов (15–21 год) больше не было ни уроков французского, ни уроков немецкого, поскольку

³⁷⁰ См.: Offord D., Rjéoutski V. French in the Education of the Nobility: Mikhail Shcherbatov's Letters to his Son Dmitrii. URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx21l2u1m5f3bjp/Ivan%20Shcherbatov%20introduction.pdf>.

³⁷¹ Rjéoutski V. Les écoles étrangères dans la société russe à l' époque des Lumières // Cahiers du monde russe. 2005. 46:3. P. 473–528. И информация, любезно предоставленная Галиной Ивановной Смагиной.

³⁷² Кусбер Я. Какие знания нужны дворянину для жизни? Провинциальные и столичные воспитательные дискурсы второй половины XVIII и начала XIX века // Глаголева О., Ширле И. (Ред.). Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 277, 279.

³⁷³ Tableaux des Exercices et des Etudes de Messieurs les cadets <...>. Название каждой таблицы заканчивается указанием на возраст учащихся («второй возраст» и т. д.). Речь идет о расписании уроков на неделю, которое было включено Бецким в его книгу Les plans et les statuts des différents établissements, vol. 2; см. также: Kouzmina N. Les langues vivantes dans les établissements éducatifs russes au siècle des Lumières. En amont de l' histoire de l' enseignement du français aux russophones // Documents HFLES. 2005. 35. P. 7–26. P. 15. Не ясно, применялось ли это расписание на практике.

считалось, что к этому возрасту кадеты должны были овладеть этими языками. Единственным упражнением в языке на этом уровне был перевод с французского и немецкого на русский, только один час в неделю. Однако ученики должны были продолжать учить русский (3 часа на изучение грамматики). Двадцать минут в неделю отводилось на изучение церковнославянского языка³⁷⁴. По случаю праздников и торжественных дней в конце 1780-х и начале 1790-х годов кадеты произносили речи перед всеми своими товарищами, как правило, по-французски³⁷⁵. В целом в учебных заведениях стало общим местом произнесение речей на французском языке по торжественным поводам³⁷⁶, что символически подчеркивало место, отведенное французскому языку в российском образовании как до, так и после войны с Наполеоном. Тем не менее, хотя немецкий стал уступать первенство французскому, правилом оставалось владение тремя языками – русским, французским и немецким, а не русским и французским, как нередко считают, говоря об этом периоде.

Конечно, были исключения. В Морском кадетском корпусе кадеты редко учили более одного иностранного языка. Так, в 1771–1772 годах только 17 из 45 русских учеников учили французский, 14 – немецкий и 10 – английский. В 1778 году картина была примерно та же: 22 из 47 учеников учили французский, 22 – немецкий и только 8 – английский. Да и уровень владения изучаемыми языками был в этом учебном заведении невысок, во всяком случае в упомянутые годы³⁷⁷. Тем не менее и здесь в царствование Екатерины II французскому уделялось большее значение, чем немецкому, если судить по предложению директора Корпуса, Ивана Голенищева-Кутузова, организовать в Морском корпусе театр в феврале 1774 года. По его мнению, театр был призван стать способом

<...> к приобретению свободного обхождения, непринужденных поступков, незастенчивости в разговорах и красоты в самых телодвижениях и действиях, кои для благородных отроков не токмо пристойны, но и необходимо нужны <...>³⁷⁸.

Директор упомянул только два языка, на которых кадеты должны были ставить пьесы, – русский и французский. Спектакли нужно было «представлять не на одном только русском языке, а как более употребительном, и лучшие театральные сочинения имеющем и на французском», – писал Голенищев-Кутузов³⁷⁹. Эксперимент, очевидно, дал хорошие результаты, и в 1777 году директор потребовал, чтобы все кадеты принимали участие в постановках, «кроме неспособных, ленивых, худаго поведения и неопрятных». Кажется, в это время спектакли ставились не только на русском и французском, но и на других языках, которые изучали кадеты, поскольку театр рассматривался как способ укрепиться «в знании иностранных языков и в способности на оных разговаривать»³⁸⁰.

В Институте благородных девиц, согласно уставу, ученицы должны были изучать иностранные языки по такому расписанию³⁸¹:

³⁷⁴ Kouzmina. Les langues vivantes dans les établissements éducatifs russes. P. 15–17.

³⁷⁵ Этот вывод сделан на основе анализа документов в ОР РНБ, ф. 1057 (Кадетский корпус). В первые годы существования Корпуса, в 1730-е годы, речи произносили на трех языках: немецком, французском и латыни.

³⁷⁶ Григорьев. Императорский Санкт-Петербургский университет. С. 43.

³⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. В. 23 (1770–1771). Л. 154–158; Д. 5 (1762–1783). Л. 1–26. Список не содержит имена всех кадет, учившихся в Морском кадетском корпусе.

³⁷⁸ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 103. Л. 42.

³⁷⁹ Там же. Л. 42–42 об.

³⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 103. Л. 44–44 об.

³⁸¹ Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк 1764–1914. 3 т. СПб., 1914–1915. Т. 3. С. 136–137. Число часов для недворянских учениц немного отличалось (Там же. С. 138–139). Это расписание было утверждено в 1783 году.

Язык/ «возраст»	1-й возраст	2-й возраст	3-й возраст	4-й возраст
французский	7 часов, затем 6½ часов (чтение и письмо)	3 часа (грамматика, чтение, диктант), 1 час (письмо)	1 час (чтение книг)	1 час (чтение книг)
немецкий	4 часа (чтение и письмо)	2 часа (грамматика), 1 час (чтение книг, диктант)	2 часа (грамматика, перевод)	4 часа (грамматика, перевод, чтение книг)

Может показаться странным, что количество часов, отводившееся на французский в течение последних шести лет обучения, сводилось почти к нулю, тогда как время, отводившееся на изучение немецкого, наоборот, возрастало в последние три года обучения. Без сомнения, это объясняется тем, что ученицы должны были освоить французский язык к двенадцатилетнему возрасту. Следующие шесть лет обучения преследовали другие цели, такие как развитие знаний о французской литературе. В любом случае ученицы могли продолжать совершенствоваться во французском языке, посещая занятия по другим предметам, которые велись по-французски, и разговаривая по-французски с преподавателями. В целом французский занимал в Смольном институте более важное место, чем немецкий, но не следует забывать, что это учебное заведение было приближено ко двору, где французский играл центральную роль. Кроме того, для девушки из дворянской семьи, готовящейся играть важную роль в дворянском обществе, французский считался более важным языком, чем немецкий.

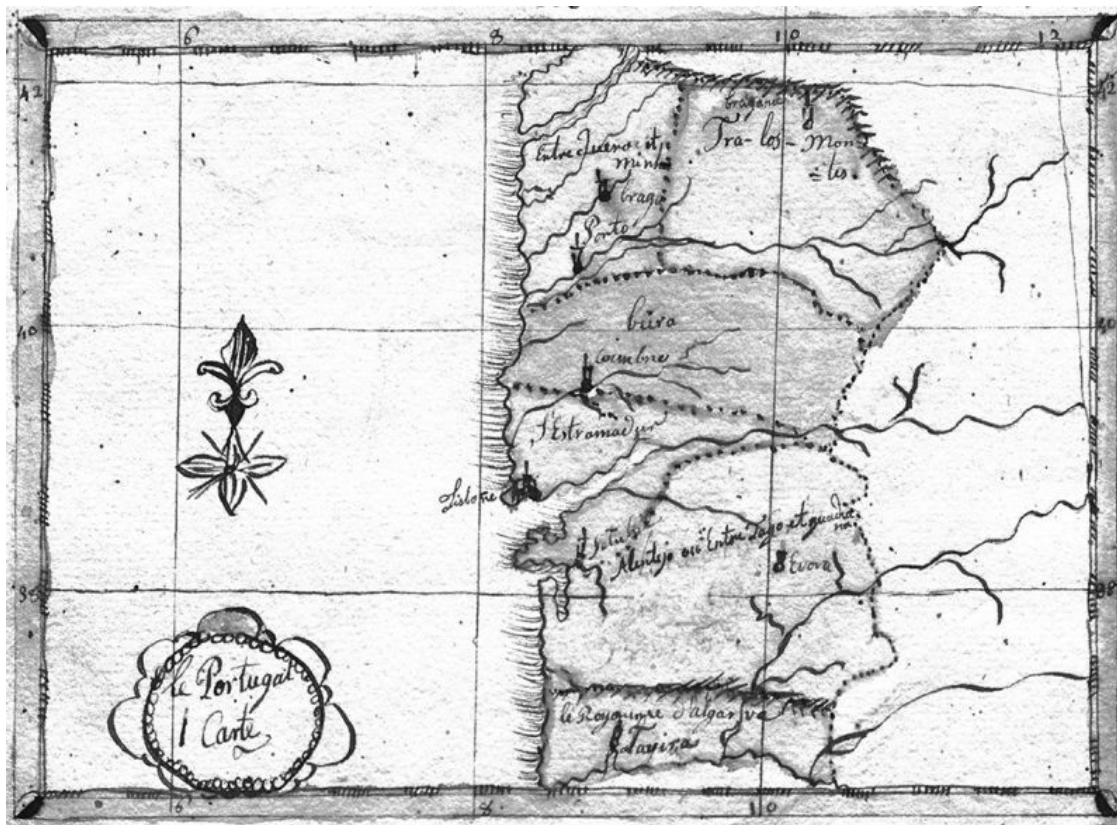
В семьях аристократии методы обучения языкам были основаны на прямом общении ученика с учителем на изучаемом языке. Это объясняет, откуда уже в середине XVIII века в России появились аристократы, прекрасно владевшие французским³⁸². Другие практики, принятые на вооружение высшим дворянством, также способствовали быстрому изучению языка. Французский часто был главным и иногда единственным языком общения в дворянской семье. Во время правления Екатерины II он также стал во многих дворянских семьях языком преподавания многих неязыковых предметов, таких как география, математика, история (включая русскую историю) и литература. Это доказывают примеры ряда дворянских семей, включая Барятинских, Голицыных, Дурново, Саблуковых, Строгановых (ил. 3).

Так же обстояло дело и в царской семье. Географии и математике великих князей Александра и Константина Павловичей обучал по-французски Шарль Массон, а истории их учил, также по-французски, Фредерик-Сезар Лагарп. Позже, в XIX веке, будущий император Николай I и великий князь Михаил Павлович изучали политику по-французски с академиком Генрихом Шторхом, по происхождению немцем, и читали греческих и римских авторов во французском переводе с французом Дю Пюже. В архивах можно найти несколько учебников, написанных по-французски гувернерами для своих учеников³⁸³.

³⁸² Rjéoutski V. Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au XVIIIe siècle // Vivliofika. 2013. 1. P. 20–47. URL: <https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/621/511>. P. 32–36. Впрочем, и в учебных заведениях для дворянства ученики, как правило, общались с учителями-иностранцами на иностранном языке.

³⁸³ Напр., «Tableau Chronologique – historique et géographique avec deux cartes de l'Empire de Russie. A Mr Alexandre Sabloukofff <...> 22 octobre 1800» [Ж.-Б. де Резимона (J.-B. de Résimont)], ОР РНБ. Fr. Q IV. № 165; «Tableau des événements les plus remarquables de l'histoire de Russie suivi d'une description topographique de ce vaste Empire, S. Pétersbourg, année 1800», ОР РНБ. Ф. 95. № 1457 (167), написано для другого ученика Ж.-Б. де Резимона, Николая Дмитриевича Дурново (1792–1828), который был сыном гофмаршала и впоследствии стал офицером. См. также переводы текстов по русской истории (с русского

Ил. 3. Карта Португалии, нарисованная княжной Ниной Барятинской (1785). НИОР РГБ. Ф. 19. Оп. 284. Д. 3. Л. 4. Изображение любезно предоставлено нам Российской государственной библиотекой.

Мы не должны также забывать о важном месте чтения на французском языке в дворянских семьях, в которых дети начинали читать по-французски в раннем детстве. Овладение письменным французским в большой степени зависело от этого первого опыта. Однако чтение на французском языке было для юного дворянина не только способом овладения разными предметами образовательной программы, такими как история или география, но и частью широкой программы воспитания³⁸⁴. В то же время акцент на «французском» воспитании не обязательно приводил к исключению русских книг из круга чтения молодого дворянина³⁸⁵. Предстоит еще оценить, насколько русский аристократ был погружен в литературу на французском языке, но есть основания предполагать, что количество книг на французском языке, которые читали представители высшего дворянства в России начиная с царствования Екатерины II, превосходило число книг на других языках, включая русский и немецкий, и что эта практика имела на них большое воздействие. Многочисленные каталоги частных дворянских библиотек, сохранившиеся либо в форме печатных изданий, либо в составе архивов дворянских семей, свидетельствуют о важности чтения на французском в дворянской среде, хотя преобладание в них книг на французском объясняется, конечно, не только интересом к французской литературе,

на французский), которые Дурново делал в возрасте 12 лет: Там же. Ф. 95. № 1456а (141), 1456б (142). Дурново впоследствии стал писать дневники по-французски: НИОР РГБ. Ф. 95. № М.9535(90) – М.9551 (106) (1811–1828).

³⁸⁴ См. примеры в книге: *Rjéoutski V. (Dir.). Quand le français gouvernait la Russie. L' éducation de la noblesse russe, 1750–1880.* Paris, 2016. P. 43, 45, 59, 75 (Голицыны), 316–317 (Протасовы), 349 (семья Льва Толстого), и т. д.

³⁸⁵ Так, француз Жак Демишель (Jacques Démichel), гувернер сына барона Григория Строганова, писал в плане воспитания, составленном для его ученика, что в библиотеке молодого барона должны быть книги на русском для того, чтобы он мог упражняться в родном языке. Ibid. P. 139–140.

но и престижем французской книги в русской дворянской культуре вообще. Из многочисленных примеров, таких как семьи А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого, мы знаем, что дети имели доступ к библиотекам родителей, в которых французские книги занимали главное место³⁸⁶.

По мере расширения популярности французского языка в обществе его использование как языка преподавания распространилось и на государственные учебные заведения, где ранее многие предметы преподавали на немецком. В царствование Екатерины II Клерк читал курс истории в Кадетском корпусе по-французски. В Санкт-Петербургском университете востоковеды Жан-Франсуа Деманж (Jean-François Demange) и Франсуа-Бернар Шармуа (François-Bernard Charmoy) также читали лекции на французском. С 1810 года целая когорта французских инженеров – Пьер Базен (Pierre Bazin), Александр Фабр (Alexandre Fabre), Шарль Потье (Charles Potier), Морис Дестрем (Maurice Destrem) – и испанский инженер Августин де Бетанкур (Augustín de Betancourt) читали по-французски лекции в Санкт-Петербургском Институте Корпуса инженеров путей сообщения. Большинство предметов в этом институте преподавались по-французски по крайней мере до начала 1830-х годов³⁸⁷. Французские книги в изобилии использовали при изучении разных предметов в русских учебных заведениях. В Санкт-Петербургском университете, например, алгебру, геометрию, дифференциальное исчисление преподавали по книгам Луи Лефевюра де Фурси (Louis Lefébure de Fourcy), Огюстена Луи Коши (Augustin Louis Cauchy), Гаспара Монжа (Gaspard Monge) и Сильвестра Франсуа Лакруа (Sylvestre François Lacroix). Теоретическую механику преподавали по учебникам Луи-Бенжамена Франкёра (Louis-Benjamin Francœur), «физиологию растений» – по книгам швейцарского ученого Огюстена Пирамюса де Кандоля (Augustin Pyramus de Candolle), зоологию – по работам Анри-Мари Дюкроте де Бленвиля (Henri-Marie Ducrotay de Blainville)³⁸⁸. Такое широкое использование франкоязычной учебной литературы, конечно, было бы невозможно, если бы студенты не знали французского.

³⁸⁶ Архив князей Барятинских показывает всю важность книги на французском языке в библиотеках русских аристократов. Не только названия всех книг в книжных каталогах этой семьи написаны на французском языке, но и названия самих каталогов также писались, как правило, по-французски. См.: НИОР РГБ. Ф. 19. Оп. 5. Д. 31–32, «Catalogue des livres de la bibliothèque du prince W. Bariatsky» (б. д.); Д. 37, «Catalogue des livres de français du prince Wladimir Bariatsky» (б. д.); Д. 38, «Catalogue de la Bibliothèque du prince Wladimir Bariatsky» (1863); Д. 259–261, «Catalogue général de la bibliothèque du Feld-maréchal Prince Bariatsky» (1873–1876). Более того, в архивах этой семьи мы находим также и собрания рукописей на французском, десятки манускриптов на самые разные темы, от вопросов, касающихся военного дела, до фармацевтики, гимнастики, производства сыра во Франции и т. д. (Там же. Д. 93–98, 110). Мы также находим многочисленные упоминания книг на французском языке в читательских дневниках членов этой семьи (Там же. Д. 131, 132). Неудивительно, что первые пробы пера аристократов, взращенных на французских литературных моделях и имевших доступ к такому большому количеству образцов литературы на французском языке, были также на французском, примером чему могут служить тексты, написанные Иваном Ивановичем Барятинским (Там же. Д. 133, «Les aventures tragiques et comiques. Conte de fée. Autographe de Ivan Ivanovitch Bariatsky» (б. д.)). Изменение практик чтения в этой семье к концу XIX века нашло отражение и в выборе книг: теперь Барятинские их читали не только на французском, английском или итальянском, но и на русском языке (Там же. Д. 27, 30).

³⁸⁷ Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Карл Иванович Потье (1785–1855): Третий директор Института Корпуса инженеров путей сообщения. СПб., 2013. С. 57, 96, 226.

³⁸⁸ Григорьев. Императорский Санкт-Петербургский университет. С. 131.

Французский/латынь

Если многоязычие высшего российского дворянства сближало его с дворянством стран Северной Европы, то в одном отношении Россия радикально отличалась от других европейских стран: здесь не было традиции изучения латыни в дворянской среде (хотя православное духовенство учило латынь³⁸⁹). Как же соотносились латинский и французский языки в образовании той эпохи?

Согласно Максу Окенфусу, в России XVIII века латынь перестала быть частью широкой гуманистической культуры и стала практическим знанием, необходимым государственным служащим³⁹⁰. Дворянство почти не воспользовалось возможностью учить латынь в таком очаге латинской культуры в Петербурге, как академический университет (осн. 1724), где было небольшое число студентов. При Академии, однако, существовала и гимназия, среди учеников которой было немало представителей прибалтийского и российского дворянства³⁹¹. Латынь была одним из основных предметов в этой школе наряду с немецким, французским, арифметикой, геометрией и географией. Однако большинство русских учеников латынь не учили, зато учили живые иностранные языки (французский или немецкий, реже и тот и другой)³⁹².

В Сухопутном кадетском корпусе мы видим схожую ситуацию: почти полное отсутствие интереса к латыни у русскоязычных учеников несмотря на то, что в 1730-х годах контакты между Корпусом и Академией наук были очень тесными, что повлияло и на широту подхода к образованию дворян в этом учебном заведении, и на место, которое отводилось в нем латыни. Так, в Корпусе поначалу преподавалось гражданское право, для чего использовались книги на латинском языке. Латынь была одним из языков, на котором кадеты произносили речи на публичном экзамене в присутствии членов Петербургской Академии наук³⁹³. Однако, несмотря на эти усилия, число учеников, изучавших латынь, было ничтожным. В 1732 году только 1 % изучал латынь, в 1737 году – только 4 %, в 1748-м – 13 %, в 1764-м (группа учеников, оканчивающих корпус) – 6,5 %³⁹⁴. Очевидно, мало что поменялось и в конце XVIII века: в десятках томов выпуск из произведений и поздравлений директору, написанных кадетами в последние годы царствования Екатерины II, нам удалось найти всего один пример использования латыни³⁹⁵. На фоне повсеместных и многочисленных записей на французском, немецком и русском это единственное поздравление на латыни выглядит красноречиво: латынь была данью традиции широкого образования, но в реальности латинские штудии находились в Корпусе в зачаточном состоянии. Очевидно, что, как и в академической гимназии, безразличие дворянства к латыни коррелирует с интересом к живым языкам и прежде всего к французскому.

Картина в Московском университете во многом похожая. При университете существовали дворянская и разночинная гимназии, в них были «казенные» (имевшие стипендию) и «своекоштные» (то есть учившиеся на свой счет) ученики. Доли изучавших тот или иной язык

³⁸⁹ Freeze G. L. *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA; London, 1977. P. 83–85; Kislova E. *Latin as the Language of the Orthodox Clergy in Eighteenth-Century Russia* // Rjéoutski V., Frijhoff W. (Eds). *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability and Governance*. Amsterdam, 2018. P. 191–224.

³⁹⁰ Okenfuss M. J. *The Jesuit Origins of Petrine Education* // Garrard J. G. (Ed.). *The Eighteenth Century in Russia*. Oxford, 1973. P. 106–130; *Idem*. *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early Modern Russia. Pagan Authors, Ukrainians and the Resiliency of Muscovy*. Leiden; New York; Köln: Brill, 1995.

³⁹¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 217–226, 325–343; Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885. С. 32.

³⁹² Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 226–230, 330–343.

³⁹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 396. Л. 17 об., 71–76, 543–545 об.

³⁹⁴ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1654. Л. 1–176; Там же. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1654. Л. 306–384 (Список, содержащий всего 79 имен); РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2178.

³⁹⁵ ОР РНБ. Ф. 1057. Compliments du nouvel an. 1790.

в 1776 году «казенных» и «своекоштных» учеников из дворян различаются настолько, что становится понятно: те, кто находился на казенном содержании, скорее всего, были вынуждены учить латынь³⁹⁶. Особенно большая разница между тремя предметами: латинским, греческим и французским. Подавляющее большинство «казенных» учеников изучали латынь и греческий, но только пятая часть учила французский. Среди «своекоштных» учеников из дворян пропорции прямо противоположные: латынь изучали меньше пятой части учеников, греческий еще меньше, а вот французский – больше половины. В группе «своекоштных» разночинцев живые иностранные языки изучали значительно меньше половины учеников, а вот латынь, наоборот, – 65 %. Скорее всего, эта разница связана с тем, что казенных учеников гимназии готовили к поступлению в университет, а знание латыни было обязательным условием для зачисления в студенты. Многие «своекоштные» ученики из дворян не собирались становиться студентами – это, вероятно, те, кто латынь не учил. Таким образом, мы видим значительный социальный контраст в выборе изучаемых языков.

Латынь не пользовалась популярностью ни при дворе, ни в среде дворян, обучавших своих детей дома. Это видно из данных учрежденных в 1757 году комиссий, одной при Академии наук, о ней мы уже писали, а другой – при Московском университете. Конечно, в начале XVIII века царевич Петр Алексеевич (будущий Петр II) учил латынь, и даже французский язык он изучал с опорой на латынь, как это ни покажется удивительным³⁹⁷. Однако уже в конце этого столетия внуки Екатерины II – великие князья Александр (будущий император) и Константин – не учили латинский язык: один из их учителей, известный Лагарп, выступал против изучения латыни, и императрица соглашалась с ним в этом. Но некоторые русские аристократы XVIII века латынь учили – не в последнюю очередь потому, что незнание этого языка не позволяло молодым дворянам учиться в университете во время образовательного путешествия за границу, вынуждая их брать частные уроки у университетских профессоров, что можно было делать по-французски или по-немецки. Именно так в середине XVIII века поступил в Женеве барон (в будущем – граф) Александр Сергеевич Строганов, который до приезда в Швейцарию латынь не учил. В эпоху Екатерины II некоторые аристократы также учили латынь, например князья Борис и Дмитрий Голицыны. Для их матери, княгини Натальи Петровны Голицыной, латинский был показателем хорошего образования, а князь Борис считал, что он «необходим для тех, кто хочет обладать основательными знаниями»³⁹⁸. В начале XIX века граф Александр Строганов, сын Павла Александровича и Софьи Владимировны Строгановых, также учил латынь³⁹⁹. В царствование Александра I латынь получила некоторое распространение в дворянском обществе: как отметил Ю. М. Лотман, многие декабристы (например, Г. С. Батеньков, М. А. Дмитриев-Мамонов, А. О. Корнилович, Н. М. Муравьев, М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев, И. Д. Якушкин) хорошо владели этим языком⁴⁰⁰, а М. С. Лунин был способен не только читать по-латински, но и писать на этом языке, о чем свидетельствует сохранившееся письмо, написанное им Мише Волконскому, сыну его товарища-декабриста Сергея Волконского, для которого он сочинил программу обучения, включавшую изучение латыни с десятилетнего возраста⁴⁰¹. (Прекрасное владение латынью в случае Лунина может объясняться его интересом

³⁹⁶ ОР РНБ. Эрм. 500–1, Приклонский М. В., директор Московского университета. «Всепоподаннейший рапорт из Московского университета об успехах, понятии, прилежности и поступках, обучающихся в Университете студентов и в гимназиях учеников по экзамену сего 1776 г. (июня?) со 2-го по 22-е число» (1776).

³⁹⁷ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 11. Мы благодарим О. Е. Кошелеву за эту информацию.

³⁹⁸ Письмо Б. В. Голицына к Н. П. Голицыной, 19 марта 1791 года. НИОР РГБ. Ф. 64. К. 93. Д. 45. Л. 1–2. Мы благодарим Ш. Лера, указавшего нам на эти сведения.

³⁹⁹ Rjéoutski V., Somov V. Language Use among the Russian Aristocracy: The Case of the Counts Stroganov // Offord, Ryazanova-Clarke, Rjéoutski, Argent (Eds). French and Russian in Imperial Russia. Vol. 1. P. 75.

⁴⁰⁰ Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 554–555.

⁴⁰¹ Лунин М. С. Письма из Сибири / Под ред. И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельмана. М., 1987. С. 147–149, 265; см. также

к католицизму.) Даже будущий славянофил Юрий Самарин в детстве, которое пришлось на 1820-е годы, прекрасно выучил латинский наряду с французским благодаря своему гувернеру Адольфу Пако (Adolphe Pascault)⁴⁰².

В Смольном институте латынь не учили. Вероятно, в этом нужно видеть отражение традиционных для Европы этого времени воззрений на женщину как существо в умственном отношении более слабое, чем мужчина, в то время как латынь считалась трудным языком. Без сомнения, это было также следствием положения женщин, для которых возможности получения хорошего образования были ограничены, поскольку университет – один из центров латинской культуры – был для них закрыт в эту эпоху⁴⁰³. Однако при общем низком интересе к латыни русского дворянства мы не видим существенной разницы между мальчиками и девочками даже в этой области. В отличие от Западной и Центральной Европы, в России XVIII века и мальчики и девочки изучали живые иностранные языки, прежде всего французский и немецкий.

Положение в западных губерниях Российской империи, на территории нынешних Украины и Беларуси, во многом было особым. В царствование Екатерины II и Александра I учебная программа расположенных там иезуитских коллегий имела значительные отличия от программы главных государственных дворянских школ России – прежде всего в том, что касалось латыни, которая находилась в центре обучения в иезуитских коллегиях. Для многих дворян, живших в Царстве Польском (впрочем, как и в Санкт-Петербурге, где иезуиты тоже преподавали в конце XVIII – начале XIX века), латинский был проводником в изучении древней истории и литературы. Знакомство с этими предметами позволяло ученикам получить представление о республиканских идеях. Возможно, не случайно, что несколько дворян, учившихся в этих школах, впоследствии приняли участие в восстании 14 декабря 1825 года. Православные коллегии западных губерний Российской империи, влияние на которые иезуитской модели образования было значительным, предлагали сходную программу обучения. В отличие от русских церковных семинарий, которые дворяне обычно избегали, эти коллегии были открыты для семей из разных социальных слоев и профессий, и шляхтичи часто посылали в них своих детей⁴⁰⁴.

В своем нежелании учить латынь русское дворянство находило поддержку у властей поддерживающих. Хотя латынь не делала погоды в дворянском образовании, в новом уставе Кадетского корпуса (1766) Иван Иванович Бецкой, который в царствование Екатерины II долгое время был де-факто министром образования, предложил избавиться от нее как от лишнего груза, на который уходит «лучшая часть жизни»⁴⁰⁵. Бецкой, конечно, был знаком с позицией французских просветителей, для которых латынь представляла собой символ старой школы, сопротивляющейся переменам, более практическому, быстро приложимому в профессиональной жизни образованию. При этом он настаивал на изучении двух живых иностранных языков – французского и немецкого.

с. 469.

⁴⁰² Иванова Л. В. Домашняя школа Самариных // Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995. С. 20–33. Мы благодарим О. Ю. Солодянкину, обратившую наше внимание на эту статью.

⁴⁰³ Некоторые французские педагоги (Фенелон, маркиза де Ламбер) считали, однако, что и благородные девочки должны изучать латынь.

⁴⁰⁴ Посохова Л. Ю. На перехресті культур, традицій, епох: православні колегіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. Харків, 2011 (рус. пер.: Посохова Л. Ю. Православные коллегии на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М., 2016); Rouët de Journel M.-J. Un Collège de Jésuites à Saint-Petersbourg (1800–1816). Paris, 1922; Блинова Т. Б. Иезуиты в Беларуси (их роль в организации образования и просвещения). Гродно, 2002; Инглот М. Общество Иисуса в Российской империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире. М., 2004. Мы благодарим Д. Кондакова, который обратил наше внимание на два последних исследования.

⁴⁰⁵ [Бецкой И.] Устав императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса учрежденного в Санкт-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества. СПб.: Тип. Сух. Кад. корпуса, 1766. 2-я пагинация. С. 53.

Таким образом, не изучая латыни, дворяне изучали живые иностранные языки, и все больше – французский. Для русского дворянина именно он занял во второй половине XVIII века то место, которое долгое время занимала латынь в западноевропейской культуре. Это был новый *lingua franca* Европы, который позволял дворянству получать доступ к самому широкому спектру учебных дисциплин и профессиональному знанию благодаря количеству написанных или переведенных на французский книг. Предпочтение, отдаваемое ему дворянством, объясняется также культурными кодами, связанными с французским и латынью в то время: латынь ассоциировалась с социальным слоем, который находился ниже дворянства. Лотман писал, что «латынь для разночинной интеллигенции XVIII – начала XIX века была таким же языком-паролем, как французский для дворянства»⁴⁰⁶. Николай Греч, вспоминая о юнкерском институте при Сенате в конце XVIII века, писал, что латыни там не учили, потому что «латинский язык называли лекарским, неприличным дворянству!»⁴⁰⁷. Правда, латынь могла привлекать некоторых дворян, которые, отдаляясь от своих социальных корней, сближались с университетской средой. Такое изменение произошло уже в XIX веке, когда были введены гимназии с уклоном в древние языки и античную культуру. Со временем гимназии стали единственным возможным путем к университетскому образованию, которое становилось условием для занятия определенных должностей на государственной службе. Однако в царствование Александра I гимназия была всесословной и мало привлекала дворянство, которое продолжало воспитываться в пансионах, где латынь, как правило, не преподавалась⁴⁰⁸.

---

⁴⁰⁶ Лотман. Пушкин. С. 554.

⁴⁰⁷ Греч Н. И. Николай Греч. «Записки о моей жизни». М., 2002. С. 154. Мы благодарим Ю. К. Воробьева, указавшего нам на этот источник.

⁴⁰⁸ Максимова С. Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX – начала XX века. М., 2005. С. 16–17. Латынь преподавалась, однако, например, в таком заведении для дворян, как Царскосельский лицей. Пушкин, учившийся в лицее, мог бегло читать латинских авторов.

Французский (и английский)/русский

Долгое время русский язык не был самостоятельной дисциплиной в дворянском образовании. Часть дворянских детей, поступавших в Кадетский корпус в 1730–1740-х годах, не умела ни читать, ни писать по-русски, хотя по-французски или по-немецки некоторые дети умели читать, а иногда и писать, что говорит нам о приоритетах дворянского образования в России до эпохи Екатерины II⁴⁰⁹. Однако еще в середине XVIII века начало формироваться представление о русском как о европейском языке, наделенном многими качествами, включая те, которые традиционно приписывались французскому. Прекрасным тому примером является речь о французском языке, произнесенная в 1757 году малоизвестным преподавателем этого языка в Московском университете, французом Гийомом Раулем (Guillaume Raoul), на торжественном собрании университета в присутствии многих представителей московского дворянства⁴¹⁰. Рауль освещал свою тему с позиций французской – точнее, европейской – традиции, в которой было принято говорить о «гении» французского языка и которая нашла яркое выражение в сочинении, представленном Риваролем на конкурс Берлинской академии в 1783 году. Однако Рауль лестно отзывался и о русском языке, совсем не в тех терминах, в которых король Пруссии Фридрих II говорил о немецком, на котором пристало разве что говорить с лошадьми. Таким образом, в России русский начали воспринимать не только как официальный язык империи, но и как один из главных языков Европы. Речи в университете стали проноситься на трех живых языках: русском, французском и немецком, а также на латыни⁴¹¹.

Повышение статуса русского языка отразилось и в Уставе Кадетского корпуса, принадлежащем перу И. И. Бецкого, который в 1760-е годы предложил вести все занятия в Кадетском корпусе, кроме языковых уроков, только на русском языке, тогда как прежде их часто вели на немецком. Стремясь обосновать эти меры, Бецкой апеллировал к идеям того времени о процессе усвоения знаний. Он утверждал, что обучение может проходить успешно только на родном языке. Более того, Бецкой выступал за изучение церковнославянского, чтобы ученики могли «российским писать *правильно и красноречиво* и тем удобнее разуместь церковныя наши книги»⁴¹². Мы видим здесь, очевидно, влияние религии и национального самосознания, которые в России были традиционно тесно связаны. Вместе с тем Бецкой переносил на русскую почву дискуссию, развернувшуюся во Франции, где французский и латинский были соперниками и латинский все больше уступал французскому место языка преподавания в учебных заведениях для дворян. Сторонники преподавания на родном языке стремились к тому, чтобы обучение шло быстрее и давало практические результаты. Если римскую литературу и историю и признавали необходимыми предметами, то изучать их нужно было на родном языке, в данном случае на французском, тем более что основные греческие и римские авторы были переведены. Родной язык облегчал дворянству доступ к «наукам» (то есть к знаниям вообще), тогда как латынь требовала больших усилий и внушала молодым дворянам «отвращение» к учебе⁴¹³. Бецкой строил на русской почве ту же оппозицию, однако, так как латынь играла незначительную роль в образовании российского дворянства в екатерининскую эпоху, ее место заняли живые иностранные языки, на которых науки преподавались дворянству.

---

⁴⁰⁹ Мы благодарны И. И. Федюкину за эти сведения.

⁴¹⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 805. Л. 1–2 об. Мы благодарны Д. Н. Костышину за то, что он обратил наше внимание на этот документ.

⁴¹¹ О топосе гордости за русский язык см. во втором разделе главы 8.

⁴¹² [Бецкой]. Устав императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. Вторая пагинация. С. 50. (Курсив в оригинале.)

⁴¹³ См.: *Le Gras N.* «L' Académie Royale de Richelieu, a son Eminence (1642)». BNF. Arsenal 4–H–8289. Fol. 23–30. Мы благодарны А. Бруски за то, что он обратил наше внимание на этот источник.

Несколько реформ вывели русский язык на первый план. В 1780-х годах была основана Российская академия, в которой под руководством княгини Е. Р. Дашковой началось составление словаря русского языка⁴¹⁴. Новая реформа государственных учебных заведений представляла собой попытку завершить начатое Бецким и обеспечить преподавание всех предметов, кроме иностранных языков, на русском. Неясно, насколько быстро эта инициатива увенчалась успехом. Сам Бецкой признавал, что было невозможно найти русскоговорящих преподавателей по всем дисциплинам, и для воплощения его проекта нужно было много времени. Поэтому нам, вероятно, стоит с осторожностью оценивать влияние подобных инициатив властей на место русского языка в государственном дворянском образовании. Недовольство, которое в 1773 году сенаторы проявляли по поводу постепенного отказа от немецкого языка в государственных учебных заведениях, также показывает, видимо, что желания властей порой не давали ощутимых результатов. Однако к концу царствования Екатерины русский язык в Кадетском корпусе не уступал в правах двум другим основным языкам, французскому и немецкому. Кадеты прекрасно владели им, о чем свидетельствуют сборники рукописных поздравлений кадет директору на русском языке. Расхожее мнение о том, что дворяне в это время были настолько подвержены французскому влиянию, что не знали родного языка, безусловно, не имеет оснований, по крайней мере если судить по успехам учеников Кадетского корпуса.

Подчеркнув, что знание русского языка было широко распространено среди дворян, мы должны также учесть, что, возможно, он в целом занимал более важное место в государственном образовании, чем в домашнем (которое оставалось важнейшей формой образования в XVIII – начале XIX века, особенно среди высшего дворянства). Существует несколько примеров почти исключительного предпочтения французского в российских аристократических семьях екатерининского времени. Так, в семье княгини Н. П. Голицыной обучение детей и общение между родителями и детьми, между семьей и близким кругом друзей того же социального положения почти всегда происходили на французском языке. В доме князей Барятинских даже российскую историю – которая в 1770-х годах, несомненно, воспринималась как средство укрепления чувства национальной принадлежности у детей – преподавали не по-русски, а по-французски⁴¹⁵. Все предметы, которые в то время в семье Барятинских изучали девочки (историю, мифологию, географию, литературу, математику), им преподавали на французском, кроме языков, среди которых появляется и русский, наряду с французским, немецким и даже итальянским⁴¹⁶.

Наоборот, в пушкинском поколении, которое воспитывалось в александровскую эпоху и во время Наполеоновских войн, привязанность к русскому языку становится распространенным явлением. Александр Строганов, сын Павла Строганова и внук Александра Сергеевича Строганова, обучался русскому языку и литературе и читал русские сочинения, которые должны были внушить ему патриотические чувства, например пьесу Матвея Васильевича Крюковского «Пожарский» (1807), эпическую поэму М. М. Хераскова «Россиада» и речь, которую, как считается, Петр Великий произнес перед Полтавской битвой (1709). Несколько русскоязычных учителей преподавали ему неязыковые предметы на русском языке, что было трудно представить в период, когда получал воспитание его дед, в середине XVIII века⁴¹⁷. Русский язык стал теперь самостоятельным предметом, который учили через письмо и чтение, в основном литературных текстов.

Более того, некоторые русские дворяне, предпочитая вести переписку на французском, во взрослом возрасте старались совершенствовать свое знание русского языка. Примером

---

⁴¹⁴ См. второй раздел главы 8.

⁴¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 19. Оп. 284. Д. 5.

⁴¹⁶ Там же. Д. 2–8.

⁴¹⁷ О том, как в этой семье обучали языкам, см.: *Rjéoutski, Somov. Language Use among the Russian Aristocracy.*

может послужить князь Борис Владимирович Голицын, один из так называемых «франко-русских писателей». Елизавета Александровна Муханова, впоследствии вышедшая замуж за князя Валентина Михайловича Шаховского, вела по-русски дневник, хотя писать на этом языке ей было сложнее, чем на французском. Ей хотелось лучше освоить русский язык: «<...> я непременно хочу прочесть весь новый Завет один раз по русски, а другой по славянски; я люблю свой отечественный язык и желаю утвердиться в нем», – писала она⁴¹⁸. Сестра Бориса Голицына Софья, вышедшая замуж за графа П. А. Строганова, тоже рекомендовала изучение церковнославянского языка наряду с русским. В 1819 году она писала дочери (хоть и по-французски!): «Je suis enchantée que tu t'applique à la langue esclavone, c'est la clef du russe, et puis elle est si belle que cette raison seule devrait suffire pour l' étudier» («Я рада, что ты занимаешься славянским, это ключ к русскому, к тому же он так красив, что одной этой причины довольно, чтобы [захотеть] учить его»)⁴¹⁹.

Как ни парадоксально, во многих семьях это новое стремление учить национальный язык и читать русскую литературу почти никак не повлияло на личное общение, которое, как и раньше, происходило по-французски, и французский продолжал оставаться основой дворянского воспитания. Так было, например, в семье Строгановых в первой половине XIX века. Наталья Валентиновна Шаховская (дочь упомянутой выше Е. А. Шаховской, урожденной Мухановой) и ее кузины София Александровна Муравьева, Прасковья Михайловна Голынская и Матильда Михайловна Голынская в личном общении редко обращались к русскому языку, используя французский и иногда другие языки: английский, немецкий и итальянский. Это отражало особенности их учебной программы, предполагавшей изучение разных языков, но, казалось бы, странным образом обращавшей мало внимания на родной язык⁴²⁰. Можно предположить, что патриотические чувства могли сочетаться у русских аристократов с предпочтением французского языка в бытовом общении.

В первой половине XIX века большая часть предметов во многих дворянских семьях продолжала изучаться по-французски, как нам известно по документам о Голицыных, Кернах, Соллогубах, Строгановых и других семьях. Французский аббат Фроман (Froment) преподавал на этом языке историю, географию и ботанику в домах Гурьевых, Давыдовых и Кочубеев. В семье Александра Ивановича Дмитриева, брата известного поэта и государственного деятеля И. И. Дмитриева, русский язык преподавали по субботам, а основное время было посвящено изучению французского, немецкого и других предметов: географии, древней истории и мифологии, которым обучали по-французски. Федор Васильевич Самарин, чье детство пришлось на конец XVIII века, изучал российскую историю на французском языке и во взрослом возрасте продолжал активно пользоваться французским и писал путевые заметки, исторические и религиозные сочинения на этом языке. Его сын Юрий в первые годы обучения (1820-е) не учил русский язык, о чем свидетельствует дневник занятий, принадлежащий его гувернеру – французцу Пако. «Хотя он [живет] в России, он очень мало учит родной язык, – писал Пако, сокрушаясь о том, что в этой семье, по его мнению, слишком много говорят по-французски. – Без сомнения, первая причина тому – мое постоянное присутствие рядом с ним. Но если бы только я один говорил с ним по-французски, возможно, он сделал бы некоторые успехи в русском языке»⁴²¹. Может показаться иронией судьбы, что отчасти именно по инициативе французского гувернера юному Юрию наняли учителя русского языка, благодаря чему будущий славянофил смог хорошо овладеть своим родным языком. Французский главенствовал и в семье прибалтийских

⁴¹⁸ Письмо от 25 сентября 1823 года. Цит. по: Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М., 2010. С. 184.

⁴¹⁹ ОР РНБ. Ф. 669. № 54. Л. 4.

⁴²⁰ Гречаная. Когда Россия говорила по-французски. С. 190.

⁴²¹ Самарин Юрий Федорович // Русский биографический словарь. Т. 18. С. 134. Мы благодарны О. Ю. Солодянкиной за то, что она обратила наше внимание на эту информацию.

дворян баронов фон Мейендорфов. В начале XIX века они еще плохо говорили по-русски, и прекрасное владение французским позволило Мейендорфам быстро войти в российское высшее общество. В александровскую эпоху дети из этой семьи переписывались с матерью по-французски и в целом пользовались этим языком в частной жизни, таким образом отодвигая родной немецкий на задний план⁴²². В некоторых дворянских семьях русским языком пренебрегали даже в царствование Николая I. Так, домашним языком в семье Бахметевых, откуда происходила мать мемуаристки Е. Ю. Хвоцинской, был французский, а все учителя были иностранцами. Если дети говорили по-русски, их наказывали (привязывали на грудь «языки» из красной ткани), а уроки русского были «в полном забвении»⁴²³. Даже детей Л. Н. Толстого в 1870-е годы обучала армия иностранных учителей (из Англии, Франции, Германии и Швейцарии), и, хотя они учили русский, французский оставался основой их образования⁴²⁴.

В другой семье высокопоставленных дворян, князей Куракиных, в образовании детей русскому языку уделялось достаточное внимание, хотя французский оставался основным языком в доме. Несмотря на то что их раннее детство прошло во Франции в 1840-е годы, Елизавета Алексеевна Куракина и ее брат Борис, дети дипломата А. Б. Куракина, учили большинство предметов (русский язык, географию, древнюю историю, историю России, математику, естественную историю, физику и ботанику) на русском языке с русским учителем. По воспоминаниям самой Елизаветы, она совершенствовала познания в родном языке, переводя «Путешествие юного Анахарсиса по Греции» с французского на русский⁴²⁵. Важно отметить, что одной из причин возвращения семьи в Россию было стремление дать «русское образование» брату Елизаветы Борису⁴²⁶. Однако домашним языком семьи в то время оставался французский, о чем свидетельствуют воспоминания Елизаветы, так как, цитируя речь кого-то из членов семьи, она обычно делает это по-французски, хотя воспоминания написаны по-русски. Нельзя не отметить, что ее французский, который она выучила в пансионе во время пребывания во Франции, был не хуже, чем у ее товарищей-французов, если верить ей: «И после этого пусть попробуют нам сказать, что русские – это казаки!» – восхищенно восклицал ее учитель⁴²⁷.

Однако в среде российской аристократии языком частной жизни не обязательно был французский. Например, князь М. М. Щербатов, живший во второй половине XVIII века, редко переписывался на французском с членами своей семьи и другими русскими. Те немногочисленные письма на французском, которые он посылал сыну Дмитрию, носили педагогический характер. В одном из них Щербатов поднимает вопрос о выборе языка общения и о том, почему следует учить тот или иной язык. Французский кажется ему необходимым, потому что он

a present si repandue en Europe et par consequent necessaire tant pour la conversation, que pour l' instruction a cause du grand nombre de bons auteurs qui ont écrit en cette langue <...>.

⁴²² Offord D., Rjéoutski V. Family Correspondence in the Russian Nobility: a Letter of 1847 from Valerii Levashov to his Cousin, Ivan D. Iakushkin. URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx2112u1m5f3bjp/Levashov%20introduction.pdf>.

⁴²³ Хвоцинская Е. Ю. Воспоминания Елены Юрьевны Хвоцинской // Русская старина. 1897. № 3. С. 518. Мать Хвоцинской, родившаяся в 1822 году, говорила, что у нее было всего семь уроков русского языка, и те у малороссийского священника, который неправильно произносил слова «пять» и «пятница» (Там же).

⁴²⁴ Полосина А. Н. Гувернеры в жизни и произведениях Л. Н. Толстого // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011. С. 329–347.

⁴²⁵ Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей / С предисл. и примеч. Е. В. Дружинина. М., 2014. С. 45–46, 53. Нарышкина – фамилия Е. А. Куракиной в замужестве.

⁴²⁶ Нарышкина. Мои воспоминания. Под властью трех царей. С. 67.

⁴²⁷ Там же. С. 57, 491.

(в настоящее время так распространен в Европе, а следовательно, необходим как для общения, так и для образования, так как большое число хороших авторов писали на этом языке. <...>)⁴²⁸.

«C'est pour cela, – пишет Щербатов, – que je vous conseille en ami et en père de vous appliquer à lire les bons auteurs français, et à tâcher de former votre style sur ces bons auteurs» («Именно поэтому я советую вам как друг и как отец заняться чтением хороших французских авторов и постараться сформировать свой собственный стиль следуя этим образцам»)⁴²⁹. Таким образом, причины, по которым Щербатов считает важным изучение французского, связаны с его функцией *lingua franca*, литературными достоинствами французских авторов и требованиями стиля⁴³⁰. Щербатов не склонен видеть во французском языке, который может служить средством общения в любой ситуации в России и заменить русский. Вполне вероятно, что эта позиция была связана с его критикой практик и форм общения, введенных в России в результате вестернизации, хотя его пессимистическое сочинение «О повреждении нравов в России», кажется, не содержит прямых замечаний о чрезмерном использовании французского языка в России. В любом случае отказ Щербатова от использования французского в переписке не был исключением, поскольку даже в царствование Екатерины II мы находим много писем представителей элиты, полностью написанных на русском языке.

Вероятно, чаще всего речь шла не об исключительном предпочтении того или иного языка, французского или русского, а о некой форме двуязычия, при которой разные языки выполняли разные функции. Например, дворянин мог говорить по-французски с другим дворянином, но по-русски – со священником или купцом. Или же мужчины-дворяне могли общаться по-русски между собой, но переходить на французский в беседах с женщиной. В других обстоятельствах функции языков могли сближаться или даже совпадать. Так, в повседневном общении дворяне могли переходить с французского на русский, даже не чувствуя, что функции этих языков различаются⁴³¹. Сложность причин выбора того или иного языка усугублялась тем, что уровень владения французским языком не был одинаковым у разных поколений российской аристократии. Об этом свидетельствуют примеры Голицыных и Строгановых. Наталья Петровна Голицына писала по-французски вполне свободно, однако нередко использовала «фонетическую» орфографию (несколько примеров см. в следующем разделе). Это говорит об образовании, которое получали женщины поколения Голицыной в царствование Елизаветы Петровны и в начале царствования Екатерины II: они уже были хорошо знакомы с французским, но их едва ли учили писать на этом языке. При этом детей Голицыной, как мальчиков, так и девочек, в 1770–1780-х годах гораздо лучше обучали французскому. Вероятнее всего, они были билингвами, хотя это трудно доказать в силу того, что мы не находим текстов, написанных ими по-русски, по крайней мере в период, когда они получали образование. Отец Александра Сергеевича Строганова, барон Сергей Григорьевич Строганов, в 1750-е годы вел переписку с сыном на русском языке, так как мог читать, но не умел писать по-французски. Сам А. С. Строганов тоже часто переписывался с сыном Павлом по-русски, но по другой причине: Павел родился и воспитывался во Франции и гораздо лучше владел французским, чем русским, по крайней мере в письменной речи, поэтому его отцу приходилось принимать меры для исправления этой языковой асимметрии. Целью гран-тура по России, в который А. С. Строганов отправил сына, было не только познакомить Павла с его страной, но

⁴²⁸ РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 517. Л. 12–13, 33–34, 174–174 об. Орфография Щербатова сохранена. Письма Щербатова к сыну были опубликованы в русском переводе в: *Щербатов М. М. Избранные труды* / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. С. Г. Калинина. М., 2010. С. 108–116, а также переизданы в: *Он же. Переписка князя М. М. Щербатова* / Введение и коммент. С. Г. Калининой. М., 2011. С. 352–354, 357–361, 366–368. Цитата на с. 357–358.

⁴²⁹ *Щербатов. Переписка князя М. М. Щербатова*. С. 357.

⁴³⁰ О стиле см. следующий раздел этой главы.

⁴³¹ О переключении кодов см. особенно главу 6.

и улучшить знание родного языка. Это было нечто новое в российском дворянском образовании. Сын Павла, которого тоже звали Александр, одинаково хорошо владел обоими языками и мог изящно выражаться как по-французски, так и по-русски, несмотря на то что редко писал по-русски вне уроков⁴³².

Наконец, следует отметить, что, хотя французский в начале XIX века сохранял свое главенствующее положение и многие по-прежнему продолжали изучать немецкий (хотя в меньшей степени, чем раньше, и обычно после французского), все больше и больше семей стали нанимать английских или шотландских учителей. Уже в царствование Екатерины английский учили в семьях Голицыных⁴³³ и Строгановых⁴³⁴. Однако даже когда в александровскую эпоху среди российского дворянства распространилась англомания, увлечение английской культурой далеко не всегда подразумевало знание английского языка⁴³⁵, хотя интерес к нему возрос⁴³⁶. Еще одним признаком того, что в это время некоторые русские могли читать по-английски, было основание в 1822 году шотландцем Джеймсом Бакстером, гувернером в семье Киреевских, журнала *The English Literary Journal of Moscow*, просуществовавшего, правда, недолгое время. Издатель журнала объяснял, что его цель заключалась в том, чтобы помочь тем, кто говорит на английском языке и изучает его, но не успевает следить за новыми публикациями английской литературы. По его замечанию, в это время во всей Европе и особенно в России наблюдалось «явное внимание к английскому языку»⁴³⁷. При этом для удобства русских читателей, недостаточно знавших английский, публикуемые тексты сопровождалось французскими переводами, что говорит о сохранявшейся функции французского как языка-посредника⁴³⁸.

Таким образом, в конце царствования Екатерины II языковые различия наблюдались не только между дворянством, духовенством и разночинцами, но и в среде самого дворянства. Желание знать французский мы видим в разных слоях дворянства. При этом, судя по всему, в аристократическом образовании меньше внимания уделялось изучению русского языка и общению на нем (хотя образ российского дворянина, не умеющего сказать ни слова по-русски, – это не более чем карикатура). Также аристократы стали изучать английский язык. Однако в государственных учебных заведениях (в которых по большей части и получали образование представители среднего и мелкого дворянства) начиная с екатерининской эпохи преподавание русского языка было поставлено хорошо. Изучение английского в таких учебных заведениях было редкостью, и еще долгое время его не было в главных дворянских образовательных учреждениях, таких как Сухопутный кадетский корпус и Царскосельский лицей⁴³⁹.

⁴³² *Rjéoutski, Somov*. Language Use among the Russian Aristocracy.

⁴³³ Например, в семье княгини Н. П. Голицыной и князя В. Б. Голицына.

⁴³⁴ П. А. Строганов учил английский, как и его дети от брака с Софьей Владимировной, урожденной Голицыной.

⁴³⁵ *Cross*. English – a Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I?

⁴³⁶ Примерами могут послужить семьи, главами которых были Иван Петрович Вульф, губернатор Орловской губернии (семья была родом из Тверской губернии); сенатор Захар Николаевич Посников; князь Павел Алексеевич Голицын; генерал Паисий Сергеевич Кайсаров (англичанка Клер Клермонт в 1820-е годы была учительницей во всех этих семьях); сенатор Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, отец двух декабристов; Вера Ивановна Хлюстина, урожденная Толстая (семья из Калуги); княгиня Мария Федоровна Барятинская; декабрист генерал-майор Михаил Федорович Орлов; Николай Николаевич Раевский-младший (англичанин Томас Эванс, преподаватель Московского университета, учил Муравьева-Апостола, Хлюстину, Барятинскую, Орлова и Раевского). Мы благодарим О. Ю. Солодянкину за эти сведения. Об обучении английскому языку в этих семьях см.: *Алексеев М.* Московские дневники и письма Клер Клермонт // Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. 1982. № 91. С. 469–573; *Clairmont C. et al.* The Clairmont Correspondence: Letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / Ed. by Marion Kingston Stocking. Vol. 1 (1808–1834). Baltimore; London, 1995; *Павлов Н. Ф.* «Evans» // Москвитянин. 1849. № 3. Февраль. Кн. 1. Разд. 5. С. 75–76.

⁴³⁷ *Алексеев*. Московские дневники и письма Клер Клермонт. С. 527.

⁴³⁸ Мы так же благодарим О. Ю. Солодянкину за эти сведения. О Бакстере и его журнале см.: *Алексеев*. Московские дневники и письма Клер Клермонт. С. 527–528.

⁴³⁹ В Морском кадетском корпусе преподавание английского языка мало развивалось в царствование Екатерины II.

Овладение социальными и культурными кодами с помощью изучения французского языка

Как мы видели на примере семьи князя М. М. Щербатова, дворяне стремились научить своих детей эпистолярному искусству на французском языке. Оттачивание этого навыка и использование определенных риторических формул позволяли детям усваивать понятия и ценности, которые ассоциировались с дворянским обществом. Ярким свидетельством тому могут служить дошедшие до нас письма Голицыных.

В письмах членов семьи княгини Н. П. Голицыной часто возникает тема дружбы и взаимной привязанности детей и матери. Сама Голицына постоянно напоминает детям об этих чувствах. Однако она всегда говорит о них в связи с успехами детей в учебе и с их поведением, как в следующем фрагменте (который также демонстрирует ее эксцентричную орфографию):

mon cher Boris je vous crois trop resonable et trop datacheman a vos parans <...> apropos mon cher ami je veux vous prevenir conssernan votre écriture <...> pour ce qui est de mon amitié je vois que vous ne lambissionne pas ainsi je n'en dit rien, je ne puis conssevoir comman vous avez si peu dembition <...> si mes prieres peuvent quelque chose sur vous et que vous avez quelque atacheman pour moi, taché de vous conduire de fasson a me faire avoir des nouvelles satisfésante <...> continue seuleman a vous conduire de meme, a mon retour je tacherez au tems que je puis vous temoigné ma reconnoissance et vous prouvé mon amitié <...>⁴⁴⁰.

(Мой дорогой Борис, думаю, вы слишком разумны и слишком любите своих родителей <...> и по сему поводу я желаю остеречь вас, мой дорогой друг, насчет вашего почерка <...> касательно моей дружбы, я вижу, что вы не желаете ее и посему ничего об этом не скажу, мне непостижимо, отчего у вас так мало честолубия <...> если мои просьбы хоть немного вас трогают и вы хоть малость расположены ко мне, постарайтесь вести себя так, чтобы я получала удовлетворительные новости <...> придерживайтесь такого поведения, и по возвращении я постараюсь в свое время выразить вам свою благодарность и доказать свою дружбу <...>)

Учителя также брали на вооружение эти выражения и говорили об учениках как о своих друзьях и благодетелях. Дружба считалась воплощением идеальных отношений учителей и детей. Обращение к языку дружбы, находившему выражение с помощью французской речи, было относительно новым для России явлением. Примерно в то же время французское дворянство использовало этот метод в воспитании детей, связывая «расположение» и «дружбу» с «успехами» детей. С ранних лет дети должны были учиться выражать свои чувства к родителям в установленной форме, и зачастую это продолжалось даже во взрослом возрасте⁴⁴¹. Этот дискурс нашел отражение не только в письмах, но и во французских педагогических трактатах, которые российские дворяне читали задолго до Руссо, заимствуя язык дружбы как элемент дворянской культуры и культуры *honnête homme*. Так, в трактате, написанном специально для юных дворян и хорошо известном в России, автор⁴⁴² давал высокую оценку дружбе как форме

---

⁴⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 64. К. 83. № 2. Л. 10–11 об.

⁴⁴¹ См.: Grassi M.-C. Un révélateur de l'éducation au XVIIIe siècle: Expression de la vie affective et correspondances intimes // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1981. 28. Janvier – mars. P. 174–184. Особенно см. p. 176.

⁴⁴² Трактат традиционно приписывался аббату Жану Батисту Морвану де Бельгарду, однако сегодня исследователи склоняются к тому, что речь идет о произведении, составленном из текстов Кальера и Амело.

общения, которую следует освоить молодому дворянину⁴⁴³. А. С. Строганов, судя по всему, внял этому совету, так как в своих юношеских письмах на французском он часто пишет о дружеских чувствах:

C'est un criminel, mon cher Sarasin [печь идет об одном из женеvских знакомых Строганова. – *Авт.*], honteux des fautes qu'il a commise vis-à-vis du meilleur de ses amis qui vien devant vous comme devant son juge entendre sa sentence, oui très cher ami s'est le Baron cet homme que vous avés comblé de votre amitié c'est lui qui vien vous demander Million et Million de pardon pour la faute la plus grossiere qu'il ay pu commetre c'est-à-dire par [pour] avoir été si longtems sens [sans] vous donner de ses nouvelles⁴⁴⁴.

(Вот преступник, мой дорогой Саразен, устыдившийся ошибок, совершенных им в отношении лучшего из друзей, и он предстает перед вами, как пред судьей, готовый услышать приговор, да, дражайший друг, это тот самый барон, человеку, которому вы даровали свою дружбу, это он предстает перед вами, чтобы миллион раз умолять вас о прощении за самую ужасную ошибку, какую только мог совершить, – за то, что так долго не давал вам ничего о себе знать.)

Именно благодаря французскому языку и риторическим формулам, почерпнутым из писем своих корреспондентов и, несомненно, из книг, Строганов узнал о чувствах экзальтированной дружбы и стал обращаться к этому понятию в своей переписке⁴⁴⁵. Эта модель поведения оставалась важной для него на протяжении всей жизни, причем не только в отношениях с равными, но и с теми, кто стоял ниже его на социальной лестнице. «Дружеская» лексика повсеместно присутствует, например, в его переписке с учителем его сына Жильбером Роммом⁴⁴⁶.

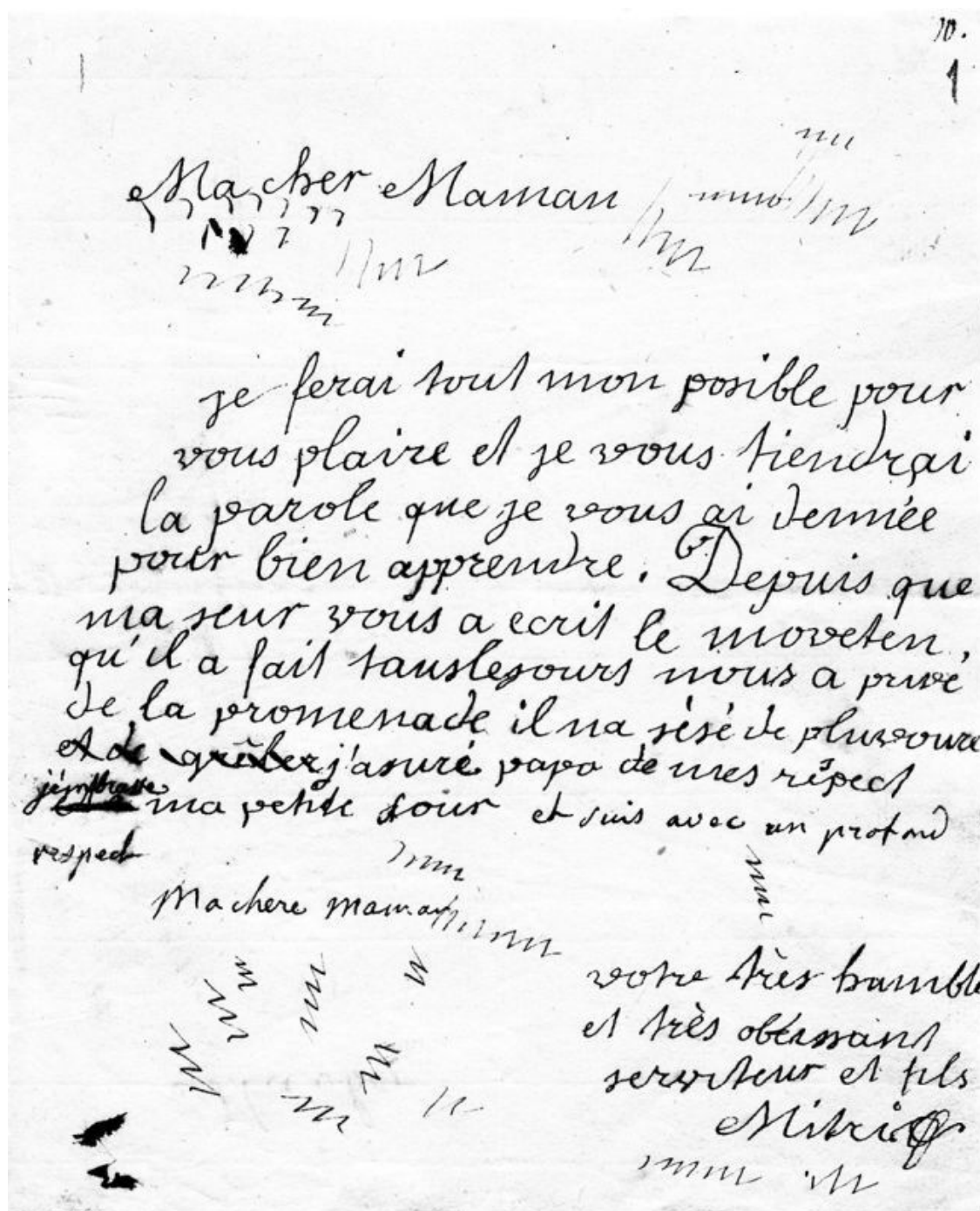
---

⁴⁴³ Bellegarde J. B. Morvan de. L' éducation parfaite. Contenant les manières bienséantes aux jeunes gens de qualité, & des maximes, & des réflexions propres à avancer leur fortune. Amsterdam, 1710. Напр., р. 46–47. О сочинении Бельгарда см. также первый раздел главы 3.

⁴⁴⁴ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 5. Л. 54.

⁴⁴⁵ Rjéoutski, Somov. Language Use among the Russian Aristocracy. Р. 67. Об обучении эмоциям см.: Зорин А. Л. Импорт чувств. К истории эмоциональной европеизации русского дворянства // Плампер Я., Шахадат Ш., Эли М. (Ред.). Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 117–130; Он же. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016.

⁴⁴⁶ Frede V. Friends: Gilbert Romme and the Stroganovs // Vivliofika. 2015. № 3. Р. 70–100. URL: <https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/557/447>.

Ил. 4. Черновик письма князя Дмитрия Голицына к его матери Наталье Голицыной (1780, Санкт-Петербург). Документ хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 94. Д. 28. Л. 1) и публикуется с ее разрешения.

Еще одной целью образовательной переписки на французском языке было стремление привить *politesse*, то есть учтивость или любезность, одно из самых высоко ценимых аристократией умений (ил. 4 и 5). Письма юных братьев Бориса и Дмитрия Голицыных к матери полны традиционных формул, которые отражают учтивые отношения, характерные для их социального круга:

J'assure Papa de mes respects et vous prie de me croire avec la plus vive impatience de nous revoir Maman, Votre tres obeissant fils Pr. Baris Galitzin.

шой набор языковых оборотов. Мы видим их, например, в письме Нины Барятинской к матери от 1782 года:

Ma tres chere Maman,

Je vous suis très-sensiblement obligé des nouvelles marques que vous me donnez de votre affection par vos bons et judicieux conseils, je ne manquerai pas d'en profiter, et d'étudier soigneusement ce que vous estimez que je dois apprendre, je vais apprendre, je vais m'y appliquer avec d'autant plus de soin, que je me ferai toujours un très-grands plaisir de suivre en toutes choses vos sentimens, et de vous marquer par une entiere déference à tout ce qu'il vous plaira de me prescrire, que je suis avec toute la soumission que je vous dois, ____ et avec un tres proffond respect,

Ma très chere Maman, Votre très soumise fille et respectueuse amie⁴⁴⁸.

(Моя дражайшая матушка,

Я крайне благодарна вам за новые знаки вашей любви, которые вы даете мне, делясь со мной добрыми и разумными советами, я не премину воспользоваться ими и тщательно выучу то, чему, по вашему мнению, мне следует научиться, я буду учиться и буду прилагать к этому тем большие усилия, что я всегда с большим удовольствием буду следовать за вашим мнением во всем, готовая угодить вам и покорно исполняя все, что вы мне велите, и показывать со всем должным послушанием и с глубочайшим почтением, что я являюсь, дорогая матушка, Вашей покорнейшей дочерью и почитающей вас подругой.)

Вдобавок к чувствам дружбы и учтивости дворяне старались развить у своих детей эстетический вкус. Этот аспект дворянского воспитания хорошо виден в переписке Н. П. Голицыной с детьми. Несмотря на то что мать сама писала по-французски далеко не идеально, в своих письмах она преследовала цель развить у детей чувство стиля. Привычка писать по-французски стала основой воспитания детей в этой семье, что хорошо показывает, какое место эпистолярное искусство занимало в дворянской культуре. Хотя дети довольно часто переписывались с матерью, они, кажется, обычно составляли черновик письма, который правили и переписывали набело, потому что письмо должно было демонстрировать безупречный стиль⁴⁴⁹. Переписка на французском языке была не просто обменом информацией, но должна была свидетельствовать о прекрасном воспитании и знании кодов, принятых в среде культурных людей. Поэтому неудивительно, что Н. П. Голицына постоянно оценивала стиль в письмах своих детей. «Je suis tres contan mon cher Dmitrie de votre lettre, – пишет она. – Le stil et lécriture en est tres jolie» (Я очень довольна вашим письмом, мой дорогой Дмитрий. Стиль и почерк очень красивы). Еще пример, в данном случае с колкостью в конце: «Je suis contante de votre lettre mon cher Boris, pour ce qui est du stil je le trouve trop bien pour pouvoir me flaté qu'il soit de vous» (Я довольна вашим письмом, мой дорогой Борис, что до стиля, я нахожу его слишком уж хорошим, чтобы тешить себя надеждой, что он ваш)⁴⁵⁰. Эти примеры показывают, что изучение языка сопровождалось приобщением к моделям чувств и формам общения и помогало воспитать определенные качества, которые позволяли аристократии выделиться даже в дворянской среде.

И наконец, знание французского было связано с понятием *honnête homme* (буквально: «честный человек»), или светского человека, каковым ребенок должен был стать в процессе

---

⁴⁴⁸ Там же. Ф. 19. Оп. 284. Д. 2. Л. 130 об.

⁴⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 64. К. 83. № 2; см. также: *Rjéoutski V. L' éducation d' une jeune fille dans une grande famille de la noblesse russe // Rjéoutski (Dir.). Quand le français gouvernait la Russie. P. 31–84.*

⁴⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 64. Оп. 83. Д. 2. Л. 7, 26, 28.

дворянского воспитания⁴⁵¹. Согласно словарю Французской академии (1694), *honnête homme* – это приятный человек, воплощающий разные качества, которые считались необходимыми для светской жизни. В «Encyclopédie» ему дают сходное определение – «учтивый человек, желающий быть приятным: городские *honnêtes gens* – это те горожане, которые стоят выше простого люда, владеют собственностью, имеют добрую репутацию, честного происхождения и хорошо образованны»⁴⁵². Таким образом, *honnête homme* принадлежит к иному социальному кругу, нежели простой народ, а его воспитание дает ему качества, необходимые для того, чтобы войти в светское общество. В их число обычно входит некоторая осведомленность в науках и искусствах, однако при этом подчеркивается, что слишком глубоких и специальных познаний следует избегать, поскольку они являются признаком педантизма, который недопустим для светского человека.

В России понятие *honnête homme* занимало центральное место в воспитательных планах, которыми руководствовались гувернеры, нанятые для дворянских детей. Оно постигалось при знакомстве с примерами из французской литературы и в процессе обучения. Оно оказало влияние на программу обучения в главном государственном учебном заведении для дворян, Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, где некоторые дисциплины покажутся нам весьма далекими от нужд военных, но были необходимы для *honnête homme*. Это понятие появлялось в рекомендациях, которые давались гувернерам. В 1761 году князь Николай Долгорукий в рекомендательном письме, данном шевалье Жану Дезессару (Jean Dezessart) за верную службу, написал, что гувернер зарекомендовал себя как *honnête homme*⁴⁵³. В свою очередь Дезессар прибегнул к этому понятию, подписывая в 1765 году новый договор, чтобы предстать в лучшем свете перед следующими работодателями: он обещал дать своему ученику знания, необходимые для «l'honnête homme, l'homme aimable et le bon citoyen» («светскому, приятному человеку и хорошему гражданину»)⁴⁵⁴. Лагарп тоже апеллировал к этому понятию, наряду с понятием «гражданин», когда в 1784 году излагал свои педагогические идеи Екатерине II⁴⁵⁵. Идея «хорошего гражданина», к которой обращался Лагарп, часто совмещалась в понятии *honnête homme* с представлением об идеале дворянского общения. Например, когда Пушкин, говоря о карамзинской «Истории государства Российского», отмечает, что она «есть не только создание великого писателя, но и *подвиг честного человека*» (курсив наш)⁴⁵⁶, он подчеркивает не обходимость Карамзина, а его радение об общем благе, которое считалось высоким моральным качеством. То же подразумевал и Иван Михайлович Долгоруков, когда писал стихотворение, посвященное памяти Ивана Ивановича Шувалова, основателя Московского университета⁴⁵⁷. Однако это понятие трудно поддается определению, так как нечасто появляется в детских письмах и письменных упражнениях и частично совпадает с социальной и эмоциональной характеристикой светского человека, высоко ставящего дружбу и учтивость. Оно усваивалось и как социальная практика, и как некое моральное обязательство, в чем большую роль играли французский язык и воспитание, которое давалось дворянским детям.

Таким образом, в семье Голицыных, как и в семье Строгановых, французский изучался и как язык семейного общения, и как основной инструмент общения с другими представителями

⁴⁵¹ Rjéoutski. Quand le français gouvernait la Russie. P. 124–125 (здесь мы будем опираться на эту работу).

⁴⁵² Encyclopédie. Vol. 1. P. 136 (в статье «Adjectif»). Однако автор другой статьи в «Энциклопедии» предостерегает от того, чтобы называть человека с изысканными манерами *honnête homme*. Автор придерживается мнения, что это было бы неверное употребление выражения, обозначающего «постепенное развращение» общества (см. статью «Honnête homme» в: Encyclopédie. Vol. 8. P. 287).

⁴⁵³ АВПРИ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 127. Л. 11.

⁴⁵⁴ АВПРИ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 127. Л. 12–12 об.

⁴⁵⁵ Его «Mémoire» опубликован в: Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. СПб., 1889. Т. 2. С. 143–164.

⁴⁵⁶ Отрывки из писем, мысли и размышления // Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 57.

⁴⁵⁷ Долгорукий И. М. На кончину Ивана Ивановича Шувалова // Сочинения Долгорукого. Т. 1. СПб., 1849. С. 38–41.

аристократии. О тесной связи этого языка с дворянским общением говорят и записки Вигеля, в которых автор вспоминает о времени, когда ему в 1798 году пришлось поступить в пансион госпожи Форсевиль:

Мне чрезвычайно хотелось учиться в университетском пансионе; но французский язык, коим преимущественно и почти исключительно говорили тогда высшие сословия, был вывескою совершенства воспитания; я на нем объяснялся плохо, а воспитанники университетские не славились его знанием. Это заметила мамзель Дюбуа, прибавляя, что из рук г-жи Форсевиль молодые люди выходят настоящими французами. Рассуждая, что мне предназначено быть светским и военным человеком, а не ученым и юристом, сестра моя [она следила за образованием Вигеля. — *Авт.*] нашла, что действительно лучше отдать меня к французам⁴⁵⁸.

Связь франкофонии с социальным кодом аристократии хорошо иллюстрирует и фрагмент из «Отрочества», второй части автобиографической трилогии, в которой Л. Н. Толстой, родившийся в 1828 году, осмысляет свое воспитание в 1830–1840-х годах. Переезд дворянской семьи из провинциального поместья в Москву знаменует начало нового этапа в развитии ребенка. «Учтивость» и отношения в обществе с этих пор начинают занимать особое место и оказываются тесно связаны с французским языком и «французским» образованием. В доме Иртеньевых (в которых, очевидно, нужно видеть Толстых) «щеголь француз», знавший «как нужно вести *des enfants de bonne maison* [детей из хорошей семьи]», заменил Карла Ивановича, добродушного немца, который был не искушен в светских порядках и который, по язвительному замечанию бабушки рассказчика, мог научить детей только «тирольским песням». Примечательно, что бабушка мальчика в толстовской повести называет учителя-немца «дядькой»⁴⁵⁹, а не гувернером, а его место занимает француз, который разбирается в культурных и языковых приоритетах общества⁴⁶⁰.

* * *

Преподавание французского в России началось гораздо раньше, чем обычно считается, но только в кругах, приближенных к царю, и в одной школе, созданной для подготовки служащих Посольского приказа. Вскоре после смерти Петра Великого изучение французского было введено в нескольких государственных учебных заведениях, однако только в царствование Екатерины II этот язык по-настоящему пустил в них корни, тогда как в дворянских семьях его успешно учили начиная по крайней мере с середины XVIII века. Таким образом, в этом отношении частное образование опережало государственное.

В течение XVIII века французский язык стал неотъемлемой частью идентичности русского дворянства, не играя при этом такой роли для других социальных групп. Российское купечество практически не изучало западноевропейские языки на протяжении всего XVIII века (возможно, иначе дело обстоит с языками народов Российской империи, с которыми русским купцам приходилось вести дела). Духовенство начало осваивать французский и немецкий в семинариях ближе к концу XVIII века. Если смотреть с этой точки зрения, то контраст между языковым профилем разных социальных групп был в России более заметен, чем во

---

⁴⁵⁸ Вигель. Записки. Т. 1. С. 61.

⁴⁵⁹ Этим словом называют старого солдата, помогавшего присматривать за мальчиком в дворянском доме.

⁴⁶⁰ Отрочество // Толстой. Собр. соч.: В 22 т. Т. 1. М., 1978. С. 132–133. О требованиях, которые семьи из высшего общества предъявляли к гувернеру, которому самому необходимо было быть человеком общества и иметь светские манеры, см.: Berelowitch W. Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger: les exigences d'une famille (années 1760–1780) // Rjéoutski V., Tchoudinov A. (Dir.). Le Précepteur francophone en Europe. Paris, 2013. P. 139–150.

многих других европейских странах. Можно вспомнить пример Швеции, где больше половины авторов, писавших по-французски во второй половине XVIII века, не принадлежали к дворянскому сословию⁴⁶¹. Этот контраст также очевиден, когда речь заходит о знании латыни в России: ученые, как и духовенство, обучавшееся в семинариях, были знакомы с латынью, для них этот язык был важным культурным маркером, в то время как российское дворянство обходило его вниманием. Дворянство получало доступ к наследию классической культуры через французский язык. Поэтому война с латынью, которую вели западные теоретики дворянского образования, в России была выиграна без единого сражения.

Расцвет французского языка в России произошел в ущерб немецкому, занимавшему важное место в образовательной системе до начала царствования Екатерины II. И все же, несмотря на то что немецкий уступил французскому пальму первенства, он никогда не исчезал из российского образования и продолжал изучаться наряду с французским практически повсеместно. В конце XVIII и в XIX веке к списку изучаемых языков добавились английский и отчасти итальянский, что свидетельствует о некоторой культурной переориентации. Поэтому российское дворянство в целом было скорее многоязычной социальной группой, а не двуязычной, знавшей только французский и русский, как часто пишут. Однако русский и французский действительно были главными языками дворянского общения, и это нашло отражение в том, как изучался французский язык. Со временем и в государственных учебных заведениях, и в дворянских семьях стало обычным делом изучать русский, чему способствовал рост национального самосознания и чего не было в первой половине XVIII века, когда русский язык как учебный предмет не существовал. Судя по истории изучения языков в России, трудно всерьез говорить о том, что «офранцузившееся» русское дворянство не знало русского языка в екатерининское время и в последовавшую за ней эпоху.

Хотя русский язык вышел из тени, в образовании высшего дворянства в царствование Александра I он все так же уступал пальму первенства французскому, который, как и прежде, использовался как язык преподавания литературы, географии, истории, а иногда математики, ботаники и так далее⁴⁶². Как это ни парадоксально, ни усилия, прилагавшиеся в царствование Екатерины II, ни патриотический подъем во время вторжения Великой армии в Россию не привели к существенному изменению положения русского языка в этих кругах. Дело не в том, что российские власти отказались от замысла изменить соотношение языков в образовании российского дворянства, скорее наоборот. В начале XIX века они старались ввести латынь в качестве возможной альтернативы французскому, который все чаще воспринимался как язык, способный внушить опасные идеи части российского дворянства. Однако в царствование Александра I российские дворяне старались избегать таких учебных заведений, как гимназии, где латынь (которую дворяне не считали необходимым компонентом своей культурной идентичности) занимала важное место среди учебных предметов, а танцам (которые дворяне относили к значимым «дворянским искусствам»), наоборот, не обучали. Таким образом, к началу XIX века российское дворянство усвоило идеал воспитания, который не вполне согласовывался с языковой политикой властей.

В течение XIX и до начала XX века изучение французского языка в России происходило по двум моделям. Для дворян этот язык всегда был неотделим от понятий, связанных с культурой их социальной группы, таких как дружба, учтивость и стиль, тогда как для разно-

---

⁴⁶¹ Östman. French in Sweden in the Seventeenth, Eighteenth and Nineteenth Centuries. P. 283.

⁴⁶² В этой связи стоит отметить, что зачастую именно на французском языке русские узнавали о литературе других современных стран (особенно Великобритании), которая в XVIII – начале XIX века была менее известна российским аристократам, чем французская или немецкая. Так, подобно многим дворянам своего поколения, Пушкин познакомился с английской литературой, но по большей части во французских переводах. Посредническая роль французского, помогавшего россиянам получать знания о других европейских культурах, не могла не сказаться на мировоззрении российских дворян, на наборе понятий, которыми они оперировали, и в конечном счете на языке (как русском, так и французском), на котором они говорили и писали.

чинцев и буржуазии это скорее был *lingua franca*, профессиональный язык и язык культуры. Расширение социальной базы изучающих французский язык к концу XIX века сопровождалось закатом светской франкофонии, даже несмотря на то, что в привилегированных кругах им продолжали пользоваться. Большеви́стская революция нанесла серьезный удар преподаванию французского: элита покинула страну или была вынуждена приспосабливаться к новому режиму, отказались от части своего культурного капитала, а прочие социальные группы обратились к немецкому, считавшемуся в новых политических условиях более важным языком.

Глава 3. Французский при дворе

Открытие сферы общения

В одной из своих книг Исая Берлин описывал русских как «опоздавших на гегельянский праздник духа» и писал, что «гуманистическая культура» значила «больше для русских <...> чем для пресыщенных уроженцев Запада»⁴⁶³. Последняя часть этого утверждения спорна, но можно с уверенностью сказать, что позднее прибытие русских на «праздник духа» повлекло за собой ряд значительных последствий в культурной, литературной и интеллектуальной истории России⁴⁶⁴. Плоды культурного и интеллектуального развития, появлявшиеся в Европе постепенно, на разных исторических этапах, пришли в Россию один за другим почти одновременно, укоренились в почве, сильно отличающейся от той, на которой изначально произрастали, и подверглись весьма неожиданным преобразованиям⁴⁶⁵. Это заметно по тому, как развивалась история рецепции идей, литературных направлений и жанров в России XVIII–XIX веков. Эту особенность можно проиллюстрировать на примере рецепции таких культурных моделей, как изящные манеры и галантность или салоны и литературные кружки, или на примере формирования представлений о сфере общения, нормах поведения и вкусе. Особенно важно учитывать, что появившееся у франкоязычной аристократии представление об уместном поведении в обществе, с одной стороны, и предромантические и романтические идеи о чувствительности, развращенности нравов современной цивилизации и важности национального языка для этноса, с другой стороны, пришли в Россию в течение относительно короткого периода времени.

Как мы уже отмечали, убежденность в важности определенного типа общения и определенным образом выстроенных отношений с другими дворянами была отличительной чертой российского дворянства, о превращении которого в сообщество западного типа в XVIII веке мы говорили, давая обзор исторического контекста русской франкофонии. Эта убежденность повлияла на формы воспитания детей в благородных семьях, ведь дворяне должны были играть в обществе роль, подобающую их положению (об этом мы писали в главе, посвященной обучению французскому языку). В следующей главе мы рассмотрим функции французского языка в высшем российском обществе с учетом наших выводов о сфере общения дворянства и социальных отношениях. Настоящая глава, тесно связанная со следующей, посвящена речевому поведению при дворе, потому что именно жизнь двора формировала представления придворных о модели общения и о нормах поведения аристократии и служила в этом отношении образцом.

Моделью аристократического поведения, с которой русские запоздало познакомились в XVIII веке, был человек, который благодаря своим достоинствам и манерам заслужил расположение придворного общества или кругов, приближенных к царскому двору. Такой человек был описан в конце эпохи Возрождения в сочинении Бальдассаре Кастильоне «Придворный» (1528), в котором автор настоятельно рекомендует придворным изучать иностранные языки, особенно французский и испанский⁴⁶⁶. Стефано Гуаццо, еще один итальянский автор

---

⁴⁶³ Берлин И. История свободы. Россия / Предисловие А. Эткинда. М., 2001. С. 180.

⁴⁶⁴ Примерно то же, без сомнения, можно сказать и об истории других наций, пребывавших на периферии европейской цивилизации в эпоху Возрождения и раннего Нового времени.

⁴⁶⁵ Об этом см.: Offord D. Isaiah Berlin and the Russian Intelligentsia // Brockliss L., Robertson R. (Eds). Isaiah Berlin and the Enlightenment. Oxford, 2016. P. 187–202.

⁴⁶⁶ Англ. изд.: Castiglione B. The Book of the Courtier / Transl. and with introduction by George Bull. Harmondsworth, 1967. P. 147. На русский переведены первая книга этого трактата (опубл. в: Сочинения великих итальянцев XVI в. СПб., 2002. С.

XVI века, давал желающим стать частью светского общества множество советов о том, как должен строиться разговор между благородными и неблагородными людьми, молодыми и старыми, мужчинами и женщинами, мужьями и женами, отцами и детьми и так далее⁴⁶⁷. Книги Кастильоне и Гуаццо вскоре после своего появления были переведены с итальянского на французский⁴⁶⁸, и в XVII веке именно во Франции оттачивалось искусство вежливого общения. Умение держать себя в обществе (*savoir vivre*), которым славилась французская элита, особенно во время продолжительного правления Людовика XIV, подразумевало не только наслаждение жизненными благами (*les douceurs de la vie*), но и проявление мягкости, любезности в отношении других благородных людей (*la douceur envers le prochain*). Французские авторы – в частности, Антуан Гомбо, шевалье де Мере, – рассуждали об искусстве угождать другим⁴⁶⁹. Человечек, часто бывающий в светском обществе, должен был обладать умением вести беседу учтиво, изящно, весело и остроумно. Он должен был быть способен увлечь собеседника и импровизировать. От него требовалось быть оригинальным, иметь качество, которое по-французски называют «*je ne sais quoi*», что-то особенное⁴⁷⁰. Эта уникальная, с трудом перенимаемая манера держать себя, вести беседу и взаимодействовать с другими людьми из благородного сословия представляла собой тип культурного капитала, служила его обладателям маркером социального превосходства. Это умение также обеспечивало высокий статус как женщинам, так и мужчинам, состоящим на гражданской службе, в то время как аристократический престиж все меньше ассоциировался с военной доблестью⁴⁷¹.

Ведущая роль женщины в светском обществе и при дворе в раннее Новое время особенно подчеркнута в тексте Б. Кастильоне, третья часть которого во многом посвящена изяществу, которое женщины приносили в благородное общество, и обходительности, или *galanterie*, которую мужчины должны проявлять в их отношении. Более того, начиная с XVII века многие женщины во Франции стали играть важную роль хозяек салонов – социальных институтов, которые, по словам Антуана Лилти, функционировали как «зона взаимодействия придворного сообщества, элиты и литераторов» и которые формировались под влиянием придворных ценностей и практик⁴⁷². Обычно салон устраивался на регулярной основе в частном доме, который становился полуофициальным пространством, где социальные границы были относительно проницаемыми и куда попадали люди разного происхождения. Единственной целью этих собраний было налаживание социальных контактов, поэтому гости проводили время в основном за разговорами, хотя по желанию хозяйки, или *salonnière*, могли устраивать чтения стихов, лекции, театральные представления и музыкальные концерты. Участниками были как мужчины, так и женщины, и задачей *salonnière* было объединить гостей и задать опреде-

---

181–247) и отдельные разделы из четвертой книги (опубл. в: Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 1. С. 346–361).

⁴⁶⁷ Англ. пер.: Guazzo S. The Civile Conversation of M. Steeven Guazzo / Transl. by George Pettie and Barth Young. L.; N. Y., 1925.

⁴⁶⁸ Список многочисленных переводов «Придворного» на другие языки, сделанных в течение века с момента его первой публикации, см. в приложении 1 (Appendix 1) книги Питера Берка, посвященной этому произведению (Burke P. The Fortunes of the «Courtier»: The European Reception of Castiglione's «Cortegiano». Cambridge, 1995).

⁴⁶⁹ Об *honnête homme* писал А. Гомбо, см.: Gombaud, chevalier de Méré. Œuvres posthumes de M. le chevalier de Méré. Paris, 1700. Подробный список французских работ, посвященных любезности, хорошим манерам, искусству беседы, галантности и поведению *honnête homme*, см. в: Гречаная. Когда Россия говорила по-французски. С. 32. Сн. 34.

⁴⁷⁰ В этом разделе мы опираемся на описание французского общества, данное Гречаной. См.: Гречаная. Когда Россия говорила по-французски, особенно с. 8–10, 34–35.

⁴⁷¹ Владимир Берелович пишет, что при выборе учителей для детей из благородных семейств родители отдавали предпочтение кандидатам, свободно чувствующим себя в обществе и обладавшим широкими познаниями о свете, так как эти качества, по их мнению, необходимо было привить юным аристократам. См.: Berelowitch. Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger: les exigences d'une famille (années 1760–1780). P. 139–150.

⁴⁷² Lilti A. The Kingdom of Politesse: Salons and the Republic of Letters in Eighteenth-Century Paris // Republics of Letters: A Journal for the Study of Knowledge, Politics, and the Arts. 19 December 2008. 1:1. P. 1–11, здесь р. 5, 11.

ленный тон беседе⁴⁷³. На протяжении долгого времени с XVII до начала XIX века знаменитые *salonnières* (маркиза де Рамбуйе, мадам де Лафайет, мадемуазель де Сюдери, маркиза де Ламбер, мадам де Тансен, мадам Жофрен, мадам дю Деффан, мадемуазель де Леспинас, мадам Неккер, мадам д'Эпине и другие) устраивали салоны (главным образом в Париже), каждый из которых был уникальным по социальному составу и интеллектуальным и художественным предпочтениям, однако все их объединяла верность принципам аристократической культуры⁴⁷⁴.

В данном случае нас не интересуют научные споры о том, какое влияние женщины – хозяйки салонов оказали на Просвещение⁴⁷⁵. В то же время некоторые выводы, содержащиеся в исследовании А. Лилти, посвященном отличию сообщества аристократов от сообщества писателей и интеллектуалов, могут быть с некоторыми оговорками применены и к истории России XIX века⁴⁷⁶. Частое появление литераторов в парижских салонах XVIII века, заявляет Лилти, еще не доказывает, что салон был главной институцией *République des Lettres*, или республики словесности⁴⁷⁷. По его мнению, салоны лучше рассматривать в качестве «оплотов аристократии», предоставлявших социальное пространство для *le monde* или *le beau monde*. Они были скорее «королевством учтивости», нежели литературными и интеллектуальными собраниями. Философы посещали салоны в поисках аудитории, не принадлежащей к ученому миру (особенно их интересовала элита), и их принимали только с условием, что они будут подчиняться нормам аристократического общества⁴⁷⁸.

Если обратиться к истории развития сферы общения в России, то мы увидим, что уже в начале XVIII века русские дворяне были вовлечены в социальные сети в Западной Европе и что знание французского языка имело в этом отношении большое значение. Так, российский посол в Голландии Андрей Артамонович Матвеев оставил записки о своей поездке во Францию в 1705–1706 годах. Кроме наблюдений, касающихся политического устройства Франции, ее двора и так далее, Матвеев писал о социальной жизни французской аристократии. Он отмечал, что женщины играли в ней важную роль наравне с мужчинами. Аристократы устраивали в своих домах театральные представления и сами принимали в них участие, не в последнюю очередь ради «особливо же изрядного изречения языку французского». Посетители таких собраний могли свободно общаться, играть в карты и «разговаривать без всякого подозрения и слова»⁴⁷⁹. Еще один русский дипломат, еще в царствование Петра I побывавший на Западе, князь И. А. Щербатов, обнаружил в Лондоне новые возможности для установления социальных контактов, в большом количестве доступные тем, кто владел английским или французским языком. В письмах, которые Щербатов в качестве упражнения писал по-французски своему учителю, он рассказывал о посещении театров, питейных заведений и кофейен, многие из кото-

⁴⁷³ Seibert P. Der Literarische Salon – ein Forschungsüberblick // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. 1993. Special № 3. P. 159–220.

⁴⁷⁴ Краткие очерки, посвященные некоторым из этих *salonnières*, см. в: Goodman D. The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment. Ithaca; London, 1994. P. 74–84.

⁴⁷⁵ Так, Дина Гудман утверждает, что «культурная история французского Просвещения должна рассматриваться также как феминистская история, потому что она бросает вызов представлению об интеллектуальной деятельности как о продукте мужского мышления и мужской гениальности» (Ibid. P. 2–3).

⁴⁷⁶ См. особенно последний абзац данного раздела.

⁴⁷⁷ В данном случае А. Лилти вступает в полемику с Д. Гудман. О разнице их взглядов см. особенно в: Lilti A. Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris, 2005.

⁴⁷⁸ Lilti. The Kingdom of *Politesse*. P. 1–3.

⁴⁷⁹ Матвеев А. М. Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева) / Публик. И. С. Шарковой, под ред. А. Д. Люблинской. М., 1972. С. 198. О знакомстве А. А. Матвеева с социальной жизнью в Западной Европе см.: Haumant É. La Culture française en Russie (1700–1900). Paris, 1910. P. 19.

рых располагались в окрестностях Чаринг-Кросс, где он проживал, причем некоторые из этих заведений обслуживали лондонское французское сообщество⁴⁸⁰.

Новые формы общения на европейский манер вводились на русской почве по инициативе самого императора, что нашло отражение в указе 1718 года, где был описан порядок проведения ассамблей – деловых или развлекательных собраний в частных домах. Участники ассамблей (как мужчины, так и женщины) были вольны говорить о чем угодно и приходить и уходить, когда пожелают. В указе объяснялось происхождение слова «ассамблея» и, следовательно, косвенным образом давалось указание на место происхождения – или, по крайней мере, одно из таких мест – этого социального новшества: «Ассамблея – слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно»⁴⁸¹.

В указе об ассамблеях ничего не говорилось об использовании иностранных языков, но так как эти собрания посещали среди прочих сподвижники Петра, заинтересованные в изучении французского, внедрение этих новых социальных практик не могло обойтись без развития новых языковых навыков⁴⁸². Теме владения иностранными языками было уделено достаточно большое внимание в более объемном документе, появившемся по указу Петра в 1717 году, за год до вступления в силу указа об ассамблеях, – в так называемом «Юности честном зерцале, или Показании к житейскому обхождению», содержавшем правила поведения в обществе⁴⁸³. Созданное как пособие по воспитанию молодых дворян и дворянок, «Юности честное зеркало» включало наставления, предписывающие уважать родителей и слушаться их, держать обещания, вести себя скромно и сдержанно, запрещающие рыгать и кашлять в лицо другим, лгать, плохо говорить об умерших, а также советы о том, как следует вести беседу, сидеть за столом, есть, сморкаться и вести себя на улице⁴⁸⁴. Молодых дворян призывали обучаться иностранным языкам, а также верховой езде, танцам и фехтованию⁴⁸⁵. В связи с этим им рекомендовалось постоянно общаться друг с другом на иностранных языках. Одним из практических преимуществ знания иностранного языка было то, что таким образом дворяне могли скрывать свои мысли от слуг. Другое заключалось в возможности отграничить себя от «не знающих болванов»⁴⁸⁶. При этом в «Юности честном зерцале» появилось понятие «благочестный кавалер» – русский вариант *honnête homme*, который должен быть скромным, вежливым и уметь вести беседу⁴⁸⁷. Владение иностранными языками было одним из умений, которые позволяли

⁴⁸⁰ ОР РНБ. Эм. Фр. 105, частично воспроизведены в: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx2112u1m5f3bjp/Ivan%20Shcherbatov%20text.pdf>. См. также: *Rjéoutski, Offord. Teaching and Learning French in the Early Eighteenth Century*.

⁴⁸¹ «О порядке собраний в частных домах, и о лицах, которые в оных участвовать могут» (26 ноября 1718 г.) // ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. № 3246. В электронном виде доступно по ссылке: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html. В действительности подобные собрания проводились в Санкт-Петербурге и до появления этого указа (*Комиссаренко С. С. Культурные традиции русского общества*. СПб., 2003. С. 128). Также об этих собраниях см.: *Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. From Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton; Oxford, 2006. P. 28–29.

⁴⁸² О развитии этих навыков см. в первом и третьем разделах главы 5.

⁴⁸³ Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению. Об этой книге см.: *Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом*: В 2 т. Т. 2. СПб., 1870. С. 381–383. О возможных источниках этого текста и его соотношении с допетровской назидательной литературой см.: *Брагоне М. К. Традиционное воспитание и новый этикет для молодежи Петровской эпохи, читающей «юности честное зеркало»* // Тендрякова М. В., Безрогов В. Г. (Ред.). «В России надо жить по книге». Начальное обучение чтению и письму. Становление учебной книги в XVI–XIX вв. М., 2015. С. 68–75. Новые формы общения в XVII – начале XVIII века в Европе сопровождались появлением подобных учебников по этикету, см.: *Montandon A. (Dir.). Bibliographie des traités de savoir-vivre en Europe. France, Angleterre, Allemagne. Clermont-Ferrand, 1995. Vol. 1; Carré J. Les traductions anglaises d'ouvrages français sur le comportement et l'éducation des femmes au XVIIIe siècle* // *Montandon A. (Dir.). Le même et l'autre: regards européens. Clermont-Ferrand, 1997. P. 87–100.*

⁴⁸⁴ См., напр.: Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению. СПб., 1717. § 1, 5, 7, 11, 47, 49 и след., 57, 58.

⁴⁸⁵ Там же. § 18.

⁴⁸⁶ Там же. § 27.

⁴⁸⁷ О появлении понятия *honnête homme* в России см. в последнем разделе главы 2.

молодому дворянину стать придворным⁴⁸⁸. В одной из статей отмечается важность языковых познаний:

Младя отроки, которыя приехали из чужестранных краев и языков с великим иждивением научились, оныя имеют подражать, и тшчатся, чтоб их не забыть, но совершеннее в них обучатися: а имянно чтением полезных книг, и чрез обходительство с другими, а иногда что-либо в них писать и компоновать, да бы не позабыть языков⁴⁸⁹.

Однако только в послепетровскую эпоху, когда французская культурная модель заняла доминирующее положение в среде российской светской элиты, русские дворяне в полной мере познакомились с понятием галантности. «Любовь, – остроумно замечал В. М. Живов, – появилась в России довольно поздно, ближе к концу XVII века, и поначалу в сущности не имела голоса и слов, способных ее выразить». Это не означало, поспешно добавлял он, что «до этого времени русские жили как дикие животные и между ними не было любви», но «не существовало культурной традиции любовных отношений и слов, связанных с ними: у русских не было трубадуров, Петрарки и даже Боккаччо». Когда любовь «вторглась в публичное пространство» в петровскую эпоху, «умение ухаживать и вести галантные беседы практически полностью отсутствовало», и необходимо было скорее приобрести его, потому что вдруг выяснилось, что любовь была не только чувством, но и искусством⁴⁹⁰. В это время в Европе главными учителями в данной области, как и во многих других, были французы, и поэтому переводы с французского стали учебниками искусства галантности. Важнейшими из них стали аллегорический роман Поля Тальмана «*Le voyage à l'île d'Amour*» (1663), который был опубликован в переводе В. К. Тредиаковского в 1730 году, и книга Жана Франсуа Дрё дю Радье «*Dictionnaire d'Amour*» (1741), переведенная Александром Васильевичем Храповицким и опубликованная на русском языке в 1768 году⁴⁹¹. Скрупулезно сопоставляя тексты Тредиаковского и Храповицкого, которые отражают разные стадии развития галантного языка в России, В. М. Живов на их примере проиллюстрировал, как европеизация повлияла на сферу социальных отношений⁴⁹².

В послепетровской России также существовала французская салонная культура, однако она возникла далеко не сразу, а много лет спустя после смерти Петра, несмотря на его попытки привить обществу формы западной социальности. Во второй половине столетия общение и налаживание социальных контактов происходили в дружеских кружках, которые начали собираться в это время и могли включать в себя широкий круг лиц⁴⁹³. Так, уже в начале царство-

⁴⁸⁸ Юности честное зерцало. § 18.

⁴⁸⁹ Там же. § 30.

⁴⁹⁰ Zhivov. *Love à la mode*. P. 214–241.

⁴⁹¹ Tallemant P. *Voyage de l'isle d'amour* [1663] // Garnier C.-G.-T. (Dir.). *Voyages imaginaires, romanesques, merveilleux, allégoriques, amusans, comiques et critiques*. Vol. 26. Amsterdam, 1788. P. 235–306. [1663]. Перевод В. К. Тредиаковского: *Езда в остров любви*. Переведена с французского на руской чрез Студента Василья Тредиаковского. СПб.: тип. Академии наук, 1730; *Dreux du Radier J.-Fr. Dictionnaire d'amour dans lequel on trouvera l'explication des termes les plus usités dans cette Langue*. Par M. de ***. La Haye, 1741. Переведен А. В. Храповицким как «Любовный лексикон».

⁴⁹² Zhivov. *Love à la mode*. О языке А. В. Храповицкого в сделанном им переводе Ж. Ф. Дрё дю Радье см. также: Кочеткова Н. Д. Книга Дрё дю Радье «*Dictionnaire d'Amour*» в русском переводе // *Revue des études slaves*. 2012. 83:2. P. 823–830. Н. Д. Кочеткова подчеркивает, что слог А. В. Храповицкого был близок к разговорной речи и в этом отношении автор опередил свое время (С. 825). Несмотря на то что Н. Д. Кочеткова прямо на это не указывает, мы можем предположить, что Храповицкий испытал на себе влияние французского оригинала, так как письменный язык во Франции в то время был ближе к разговорной речи, чем русский, и так как произведение Ж. Ф. Дрё дю Радье было действительно написано языком, близким к разговорному. Однако Храповицкий включил в свой перевод несколько достаточно резких замечаний, критикуя непомерное влияние Франции в России, в духе екатерининской эпохи (С. 827–828). Н. Д. Кочеткова обращает внимание на парадокс, заключающийся в том, что критика в адрес русских, подпавших под влияние французской культуры, нашла выражение в книге, представляющей собой перевод с французского (С. 829).

⁴⁹³ Bernstein L. *Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century* // Goscilo H., Holmgren B. (Eds). *Russia, Women, Culture*. Bloomington, 1996. P. 209–224, здесь p. 209. См. также: Rosslyn W. *Making their Way into Print: Poems by Eighteenth-Century Russian Women* // *The Slavonic and East European Review*. 2000. 78:3.

вания Екатерины II А. С. Строганов устраивал в своем дворце на Невском проспекте приемы, на которых русские и иностранные гости, включая литераторов, слушали и обсуждали выступления на французском языке на ученые темы и наслаждались щедрым гостеприимством хозяина⁴⁹⁴. Однако эти собрания не были в полной мере салонами, так как женщины, по всей видимости, не принимали в них участия или, по крайней мере, не были в центре внимания⁴⁹⁵. И только с начала XIX века салон как социальное и культурное мероприятие в том виде, в котором он был известен во Франции, по-настоящему утвердился в России. Появилось много знаменитых хозяек салонов: Софья Александровна Бобринская, Зинаида Александровна Волконская, Авдотья Петровна Елагина (урожденная Юшкова, Киреевская по первому браку), Евдокия Петровна Ростопчина (жена одного из сыновей Федора Васильевича Ростопчина), Александра Петровна Хвостова (племянница поэта М. М. Хераскова, хозяйка петербургского салона, который посещал Жозеф де Местр, посол Пьемонта в России с 1803 по 1817 год)⁴⁹⁶. Александра Осиповна Россет, к воспоминаниям которой мы обратимся в следующем разделе, была хозяйкой салона, в котором бывали А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов⁴⁹⁷. Вероятно, существовали некоторые языковые отличия между «аристократическими» и «литературными» салонами (например, теми, которые устраивали поэты Антон Антонович Дельвиг и Василий Андреевич Жуковский, а также писатель Владимир Федорович Одоевский). Впрочем, довольно сложно провести четкую границу между этими типами салона, тем более что некоторые литературные салоны устраивались дворянами и дворянками, приближенными ко двору. В любом случае главным языком беседы во многих салонах, особенно тех, что имели литературную направленность (например, салоны А. А. Дельвига, Екатерины Андреевны Карамзиной – второй жены Н. М. Карамзина – и А. О. Смирновой-Россет), был не французский, а русский⁴⁹⁸.

Появлению французского языка в салонах, так же как и освоению характерных для французской модели салона практик, способствовала и интернациональная природа общества Санкт-Петербурга, в котором находился императорский двор и который был крупным дипломатическим и культурным центром, в частности приезд в Россию французских дворян, бежавших из Франции после начала Французской революции в 1789 году. Более того, некоторые российские хозяйки салонов были женами французских эмигрантов. Например, Аграфена Александровна Бибикова, салон которой в конце XVIII века часто посещали дипломаты, в том числе граф де Сегюр и граф фон Кобленц, была замужем за Жаном-Франсуа де Рибопьером, приехавшим в Россию в 1770-е годы и служившим адъютантом фаворита Екатерины II Г. А. Потемкина. Александра Григорьевна Козицкая, хозяйка влиятельного литературного салона, собиравшегося в 1820-е, 1830-е и 1840-е годы, была женой графа Жана-Фран-

Р. 407–438, здесь р. 412.

⁴⁹⁴ См.: *Rjéoutski V., Somov V. Language Use among the Russian Aristocracy: The Case of the Counts Stroganov* // Offord, Ryazanova-Clarke, Rjéoutski, Argent (Eds). *French and Russian in Imperial Russia*. Vol. 1. P. 61–85, здесь р. 69–70.

⁴⁹⁵ Возможно, собрания, которые проводил А. С. Строганов в своем парижском доме во время второго своего длительного пребывания во Франции, были больше похожи на то, что мы обычно понимаем под салоном, но мы располагаем недостаточной информацией об этих собраниях.

⁴⁹⁶ О салоне З. А. Волконской см.: *Сайкина Н. В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской*. М., 2005. О прозе З. А. Волконской см. в последнем разделе главы 6.

⁴⁹⁷ *Mézin, Rjéoutski (Dir.). Les Français en Russie au siècle des Lumières*. Vol. 2. P. 725. Следует отметить, что русские салоны не всегда устраивались женщинами-аристократками. Например, отец А. С. Пушкина был хозяином литературного салона, который посещал Жозеф де Местр.

⁴⁹⁸ *Бунтурни В. В. Петербургский литературный салон в русской культуре первой трети XIX века*. Автореф. дис. канд. культурологии. СПбГУ, 2009. Вопрос о языке российских салонов до настоящего времени не был предметом пристального исследования. См.: *Палий Е. Н. Салон как феномен культуры России XIX века. Традиции и современность*. Автореф. канд. дис. Государственная академия славянской культуры, 2008; *Она же. Русская салонная культура XIX века* // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2009. № 3. С. 152–158.

суа-Шарля де Лавалья де ла Лубрери⁴⁹⁹. Существует мнение, что российские хозяйки салонов пытались продолжать традицию учтивости (*politesse*), которая, как считалось, была уничтожена во Франции революцией, а французские эмигранты, со своей стороны, видели в салонах возможность вести благородный образ жизни, к которому они привыкли⁵⁰⁰.

Прежде чем завершить наш краткий обзор контекста, в котором французский язык стал главным языком двора и аристократического общества в России, необходимо сделать еще два замечания. Во-первых, наряду с моделями придворной жизни и общения при дворе, которые Россия переняла в XVIII веке, мы видим и сильную критику этих моделей. По наблюдениям П. Берка, уже в XVI веке появляется критика Б. Кастильоне, в которой выражается обеспокоенность Северной Европы по поводу «культуры перформативности» (*culture of performance*)⁵⁰¹. Эта традиция укоренилась во Франции, в которой пороки двора ассоциировались прежде всего с Италией, а некоторые писатели выступали против италянизации французского языка. Вероятно, в Россию эта критика двора пришла через французские полемические или педагогические тексты, такие как «Совершенное воспитание детей», приписываемое Жану Батисту Морван де Бельгарду⁵⁰², которое вышло в русском переводе в 1747 году и переиздавалось в 1759 и 1775 годах. Автор не отвергает двор как институцию, но предупреждает юных читателей о пороках, которые, по его мнению, с ним связаны, – например, об интригах и лицемерии⁵⁰³. Нам неизвестно, знал ли драматург Д. И. Фонвизин о книге Бельгарда, но он также с презрением говорил о лстивых придворных устами Стародума, выразителя авторских идей в комедии «Недоросль» (1782)⁵⁰⁴. Сходную неприязнь к придворной жизни можно обнаружить и в некоторых текстах рукописного сборника французских произведений, созданного незадолго до 1783 года автором, личность которого нам неизвестна. Приводя выдержки из «Характеров» Ж. де Лабрюйера, письмо, адресованное графу де Бюсси, и сонет неизвестного автора, автор изображает двор как отвратительный мир лести, фальши и обмана, как страну, «где радости явны, но притворны, а горести глубоко скрыты, но подлинны»⁵⁰⁵.

Стилизованное поведение участников салонов было предметом критики как со стороны некоторых членов элиты, так и со стороны не входивших в привилегированные круги лиц, которых не принимали в эти собрания для избранных, и тех, для кого критика салонных нравов была формой социального и литературного капитала. Так, уже во второй половине XVII века Мольер высмеивал манерность (*préciosité*) этих кругов в нескольких комедиях⁵⁰⁶. Однако главный импульс критике салонного общества дал в середине XVIII века Жан-Жак Руссо в

⁴⁹⁹ Mézin, Rjéoutski. (Dir.). Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 482–483.я

⁵⁰⁰ Чистова И. С. Пушкин в салоне Авдотьи Голицыной // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 13. Л., 1989. С. 186–202, здесь с. 190.

⁵⁰¹ Burke. The Fortunes of the «Courtier». P. 99–116, особенно p. 113–115.

⁵⁰² М. С. Неклюдова убедительно доказывает, что это произведение не принадлежит аббату Бельгарду, а является компиляцией произведений Кальера, Амело и Грасиана. См.: Неклюдова М. «Совершенное воспитание детей» (1747), или Что стоит за переводом Сергея Волчкова // Польской С., Ржеуцкий В. (Ред.). Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. М., 2022. С. 405–443.

⁵⁰³ Bellegarde J. B. Morvan de. L' éducation parfaite. Contenant les manières bienséantes aux jeunes gens de qualité, & des maximes, & des réflexions propres à avancer leur fortune. Amsterdam, 1710. P. 43–44.

⁵⁰⁴ Особенно см. «Недоросль», действие пятое, явление I в: Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 167–169. О влиянии Фенелона, стоицизма и конфуцианства на Фонвизина см.: Offord D. Denis Fonvizin and the Concept of Nobility: An Eighteenth-Century Echo of a European Debate // European History Quarterly. 2005. 35:1. P. 9–38, здесь p. 26–30.

⁵⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1482. Цитата из Лабрюйера находится на л. 46 об.: «Il y a un pays où les joies sont visibles, mais fausses; et les chagrins cachés, mais réels». Цит. по пер. Ю. Корнеева и Э. Линецкой: Ларошфуко Ф. де. Максимумы / Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века / Сен-Дени де Сент-Эвремон Ш. де. Избранные беседы / Кляте де Вовенарг Л. де. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимы / Шамфор С. Максимумы и мысли. М., 2004. С. 256.

⁵⁰⁶ «Les précieuses ridicules» («Смешные жеманницы», впервые поставлена в Париже в 1659 году), «L' école des femmes» («Школа жен», 1662) и «Les femmes savantes» («Ученые женщины», 1672).

своих рассуждениях о падении нравов и неравенстве⁵⁰⁷. Осуждение светского общества станет традиционным в русской литературе на протяжении двух столетий после мольеровской эпохи. Например, как показал Д. Брайан Ким, И. А. Крылов взял за основу одну из мольеровских пьес, создавая свою одноактную комедию «Урок дочкам» (1807). Смело переписывая «Смешных жеманниц» Мольера, Крылов призывает русских, живущих в наполеоновскую эпоху, не поддаваться галломании подобно двум его героиням – молодым сестрам, которые влюбились в слугу из-за его французской внешности и его (безуспешных) попыток выражаться по-французски⁵⁰⁸. Русские писатели конца XVIII – начала XIX века, вдохновившись сентиментализмом и романтизмом, высоко ценили чувства и естественность. Поэтому они стремились изображать «*beau monde*» с его церемонностью и этикетом как лицемерное и пустое общество. Эти авторы согласились бы с сентенцией, которой заканчивались «Смешные жеманницы» Мольера: «*On n'aime ici que la vaine apparence*» («Здесь, я вижу, ценят лишь суетную видимость»)⁵⁰⁹.

Во-вторых, мы должны учитывать границу, проведенную А. Лилти между аристократическими приемами в форме парижского салона и литературными и интеллектуальными собраниями в духе «Республики ученых», и не смешивать социальную жизнь аристократической гостиной, где в центре внимания были женщины, и исключительно мужские литературные общества и политические кружки, которые появились в России в александровскую эпоху. И тем более не следует путать дворянские салоны или *soirée* с возникавшими в эпоху правления Николая I (особенно в 1840-е годы) кружками, завсегдатаями которых были писатели, критики и представители зарождающейся интеллигенции. Здесь люди собирались не для того, чтобы вести учтивые, приятные беседы: напротив, они страстно спорили о философии, литературе и так называемых «проклятых вопросах» – о существовании Бога, национальной идентичности и судьбах нации. Дискуссии, часто не утихавшие до поздней ночи, со временем все больше велись на русском языке, потому что литературное и интеллектуальное сообщество, несмотря на большое количество дворян в его рядах, утрачивало непосредственную связь с аристократической культурой, то есть уходила в прошлое ассоциация литературы с *mondanité*. Главные деятели интеллигенции в николаевскую эпоху, как мы уже отмечали⁵¹⁰, не имели дворянского происхождения, их не воспитывали иностранные учителя и гувернантки, поэтому они либо вообще не говорили на французском языке, либо имели очень скромные познания в нем. Женщины в этих кружках либо отсутствовали вовсе, либо играли гораздо менее значительную роль, чем в аристократических гостиных.

---

⁵⁰⁷ *Rousseau*. Discours sur les sciences et les arts (Рассуждение о науках и искусствах, 1750) и Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes (Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми, 1755). См.: *Goodman*. The Republic of Letters. P. 35–36, 39, 54–56.

⁵⁰⁸ О пьесе Мольера «*Les précieuses ridicules*» («Смешные жеманницы»), взятой И. А. Крыловым за основу комедии «Урок дочкам», см.: *Kim B. D.* Seduction, Subterfuge, Subversion: Ivan Krylov's Rewriting of Moliere // Offord et al. (Eds). French and Russian in Imperial Russia. Vol. 2. P. 139–155.

⁵⁰⁹ Мольер Ж. Б. Смешные модницы // Мольер. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 287. О русской критике высшего общества см. также главы 8 и 9.

⁵¹⁰ См. последний раздел главы 1.

Французский язык как показатель статуса русского двора

Доминик Ливен писал, что для Романовых, как и для Габсбургов, создание империи и сохранение за ней статуса великой европейской державы было «основным приоритетом»: «Чувство гордости, имидж и легитимность правителей абсолютно и бесспорно были привязаны к статусу великой державы их династических империй»⁵¹¹. Для державы, которая была расположена на периферии Европы и невысоко оценивалась посещавшими ее время от времени представителями «культурных» наций, знание иностранных языков и владение европейским *lingua franca* были необходимыми условиями для достижения успеха в политической борьбе и культурной дипломатии, которая была важной частью этой борьбы. Устанавливая связи с иностранными дворами в XVIII и XIX веках, Россия в большей степени обращалась к германскому миру, чем к Франции⁵¹². (Германское влияние нашло отражение, например, в том, что для обозначения придворных чинов в России использовались слова немецкого происхождения⁵¹³.) Однако начиная примерно с середины XVIII века именно широко распространившаяся французская модель светского общества была взята на вооружение русским двором (так же как и германскими дворами). Этому примеру последовала столичная аристократия, и постепенно французская культура из Санкт-Петербурга и Москвы распространилась практически по всем провинциальным центрам⁵¹⁴.

Как известно, французское культурное влияние начало преобладать при российском дворе при Елизавете Петровне, дочери Петра Великого, и в это же время французы, посещавшие Санкт-Петербург, стали замечать, насколько хорошо русские владеют их языком⁵¹⁵. Важную роль в культурном и языковом «офранцузивании» елизаветинского двора сыграла французская театральная труппа, дававшая представления в Санкт-Петербурге с 1740-х годов. Французские актеры появились в России (в том числе и при дворе) уже в 1720-х годах, однако постоянной труппы в тот период не существовало. В 1730-е годы появилась труппа итальянских комедиантов и актеров, существовала также немецкая труппа, но она была распущена после смерти императрицы Анны Иоанновны. Так как репертуар немецкой труппы по большей части состоял из французских пьес, можно предположить, что причиной приглашения в начале 1740-х годов французской труппы из Касселя было желание двора видеть французские пьесы на французском языке. Официальное приглашение кассельские актеры получили уже при Елизавете Петровне, которая сама говорила по-французски и во время переворота, приведшего ее к власти в 1741 году, пользовалась поддержкой французских дипломатов. Однако решение о приглашении этой труппы было принято до переворота графом Рейнгольдом Густавом Лёвенвольде, обер-гофмаршалом двора. Вероятно, на это решение повлияли личные вкусы самого графа. Однако, как отметил А. Г. Евстратов в исследовании, посвященном франкоязычному придворному театру в России, желание иметь постоянную французскую труппу в Санкт-Петербурге, несомненно, преследовало и политические цели⁵¹⁶.

---

⁵¹¹ Ливен. Российская империя и ее враги. С. 268.

⁵¹² Мы приведем несколько примеров в предпоследнем разделе данной главы.

⁵¹³ Например, во втором классе Табели о рангах присутствуют обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-гофмейстер, обер-шенк, обер-церемониймейстер, обер-форшнейдер, а в более низких классах – камергер, камер-юнкер, камер-фурьер, камердинер, мундшенк, тафельдекер, кондитер и т. д.

⁵¹⁴ основополагающая работа Эмиля Омана о распространении французской культуры в России (см.: *Haumant. La Culture française en Russie (1700–1900)*) по сей день заслуживает внимания несмотря на то, что была написана более ста лет назад.

⁵¹⁵ См. третий раздел главы 1.

⁵¹⁶ Говоря о французском театре при российском дворе, мы во многом опираемся на книгу А. Г. Евстратова: *Evstratov A. Les Spectacles francophones à la cour de Russie (1743–1796): l'invention d'une société*. Oxford, 2016.

А. Г. Евстратов указывает, что французские театральные труппы начали гастролировать за границей с 1670-х годов и к началу XVIII века количество постоянно пребывающих за пределами Франции трупп возросло. К концу 1730-х годов пять европейских дворов – Брюссель, Ганновер, Гаага, Мангейм и Мюнхен – имели постоянные французские труппы⁵¹⁷. Таким образом, российский двор решил последовать новой моде в сфере культурной политики довольно рано, еще до того, как главные европейские дворы стали приглашать к себе французские труппы. Саксонский посол, который выступал в качестве посредника при найме итальянских актеров для российского двора, считал, что эта инициатива была связана с желанием императрицы «сделать ее двор и государство блистательными»⁵¹⁸.

В предисловии к пьесе «Китайский сирота» (1753) Вольтер недвусмысленно высказался о важности распространения французского театра в Европе:

И таким образом, мы видим, что едва Петр Великий дал России порядочное правительство и построил Санкт-Петербург, как в этом городе появились театры. Чем лучше становится Германия, тем больше, как мы видим, она заимствует наши пьесы. Те немногие страны, которые не познакомились с ними за последнее столетие, не вошли в ряды цивилизованных государств⁵¹⁹.

Последняя фраза красноречиво свидетельствует о связи, которая установилась в общественном сознании между театром, в особенности французским, и фигурой монарха. Слава двора и его «цивилизованность», для которой большое значение имело наличие французского театра, были козырями в тех случаях, когда подвергались оценке престиж монарха и репутация государства. Людовик XIV осознавал ценность таких шагов в области культурной дипломатии: расходы на подобные вещи «могут показаться нецелесообразными», замечал он, но в действительности они производят «выгодное впечатление роскоши, власти, богатства и величия» на иностранцев⁵²⁰. К тому же в Европе XVIII века дворы активно соперничали друг с другом. Путешественники и дипломаты сравнивали их, а монархи и придворные старались сделать так, чтобы именно их двор оказался в лидерах. Императрица Анна Иоанновна в 1730-е годы с надеждой – или с беспокойством – поинтересовалась у пленного французского офицера, находит ли он ее двор блистательным и превосходит ли его в этом отношении французский двор⁵²¹. В середине XVIII века русский двор стремился превзойти версальский, служивший для Европы главным образцом. Однако ослепить иностранцев роскошью было недостаточно; двору необходимо было также продемонстрировать тонкий вкус, и лучшим средством для этого в то время был французский театр, знакомый всем великосветским иностранцам.

В 1763 году в российском придворном театре была поставлена на французском языке трагедия Вольтера «Заира», роли в которой исполнили сами придворные. Подробно описав представление в депеше, адресованной в Лондон, посол Великобритании граф Бакингемшир закончил свой рассказ следующими словами:

Все отличалось таким изяществом и великолепием, что описание, которое может показаться преувеличенным, на самом деле лишь едва отдает им должное. Если принять в соображение, сколь немного лет прошло с тех пор, как в этой стране появились изящные искусства, и сколь значительную часть этого времени ими очень мало занимались, то покажется весьма

---

⁵¹⁷ Ibid. P. 30, 34.

⁵¹⁸ Здесь и далее наш пер. с фр. Ibid. P. 34–35.

⁵¹⁹ Цит. по.: Ibid. P. 57.

⁵²⁰ Цит. по.: *Evstratov. Les Spectacles francophones à la cour de Russie*. P. 58.

⁵²¹ Ibid. P. 59.

удивительным, что представление подобного рода можно было подготовить и осуществить за несколько недель⁵²².

Даже если этими словами он желал польстить Екатерине II, которая (и об этом послу было хорошо известно) читала корреспонденцию иностранных дипломатов, они явно демонстрируют существовавшую в сознании людей того времени связь между наличием театра и «цивилизованностью» двора. Правда, представления были призваны впечатлить не только иностранцев. Сами русские, как придворные, так и жители столицы, тоже были частью театральной аудитории. Они также должны были ассоциировать двор и монарха с величием и изысканностью и перенимать модели поведения, которые видели на сцене, так как театр, согласно идеям барона Якоба Фридриха фон Бильфельда, одного из любимых авторов Екатерины II, был развлечением, способным сделать людей цивилизованными.

Франкоязычный придворный театр играл важную роль в распространении императорской власти, чему посвящена классическая работа Ричарда Уортмана. Нельзя сказать, что символическая сила этого культурного заимствования была основана на его чужеродном характере и что оно в этом смысле является примером практики, которую Уортман описал как соотношение «монарха и элиты с иностранными образами политической власти»⁵²³. На наш взгляд, его эффективность объясняется тем, что российский двор тем самым символически вставал в один ряд с европейскими дворами и стремился помериться с западными соперниками. Мы вернемся к этому вопросу, когда будем говорить о появлении первых российских текстов на французском языке и одновременном развитии литературы на русском.

Примерно через пятнадцать лет после появления постоянной французской труппы при российском дворе, в 1756 году там появилась и русская труппа. Это событие отражало растущее убеждение в том, что русский язык также пригоден для создания качественной литературы, и поднимало статус национального языка, который должен был встать в один ряд с самыми «цивилизованными» языками. Однако в действительности русскую труппу финансировали не так щедро, как французскую, и русский придворный театр не мог похвастаться столь же высокой репутацией, как французский. Дошло до того, что, когда русская комедия и французская комическая опера должны были быть представлены на сцене в один вечер, руководство театра не стало сообщать, в каком порядке будут показаны спектакли, чтобы русским актерам не пришлось играть перед пустым залом. Правда, и французская труппа подвергалась критике иностранцев, посещавших Санкт-Петербург. Русские воспринимали подобную критику особенно остро, и причина этого вполне очевидна: любые замечания, уравнивающие ведущую труппу российского двора с провинциальным французским театром, могли восприниматься как оскорбление самого двора⁵²⁴.

Французское культурное и языковое влияние укрепилось при дворе во время правления Екатерины II, хотя сама императрица совсем не была поклонницей Франции. Она была дочерью немецкого принца и научилась говорить по-французски у гувернантки из семьи гугенотов мадемуазель Кардель еще до того, как приехала в Россию в 1744 году в возрасте четырнадцати лет. Познания Екатерины во французском языке были очень глубоки, как показал Жорж Дюлак в подробном анализе переписки императрицы с Фридрихом Мельхиором Гриммом, с которым она была очень близка. Она читала много французской литературы (в том числе и средневековых авторов), прекрасно разбиралась в языке театра, умело обращалась с трудной и устаревшей лексикой, использовала интересные пословицы и идиоматические выражения, понимала

---

⁵²² Цит. по: Кросс Э. Г. Английские отзывы об А. П. Сумарокове / Перевод В. Д. Рака // XVIII век. Сборник 19. СПб., 1995. С. 64.

⁵²³ Wortman. Scenarios of Power. P. 1–2.

⁵²⁴ Evstratov. Les Spectacles francophones à la cour de Russie. P. 49–55.

тонкости стиля, что позволяло ей говорить на французском легко и непринужденно, а также была способна придумывать неологизмы для большей экспрессивности или ради шутки⁵²⁵.

То, что Екатерина отлично владела французским языком, имело большое значение для воплощения в жизнь ее стремления сделать Россию европейской державой, вызывающей уважение благодаря не только своим военным успехам, но и своей культуре. Привлекательность российского двора для видных иностранных гостей (таких, как Ф. М. Гримм, принц де Линь, король Швеции Густав III, франкоязычные дипломаты и так далее) была обусловлена статусом Санкт-Петербурга как европейского культурного центра⁵²⁶, а статус, в свою очередь, зависел и от способности тех, кто обитал в этом городе, прекрасно говорить по-французски. Императрица сама подавала подданным пример, ведя на французском языке переписку с другими монархами (Фридрихом II, Густавом III и Марией Терезией), литераторами и учеными (Д'Аламбером, Бюффоном, Дидро, Мармонтелем и Вольтером) и известными фигурами светского общества, такими как принц де Линь и мадам Жоффрен, которой Екатерина II восхищалась⁵²⁷. Более того, императрице нравилось играть роль хозяйки салона. (Она была примером для мадам Неккер⁵²⁸.) Екатерина также прекрасно понимала, какое, как мы могли бы выразиться, пропагандистское значение имела ее переписка на французском и в особенности переписка с Вольтером⁵²⁹. И она, и Вольтер осознавали, что вскоре их письма обретут широкую известность среди европейских интеллектуалов, и учитывали это в своей переписке. Поэтому существует огромная разница между этими текстами и перепиской Екатерины с Гриммом, которая была куда менее публичной и гораздо более интимной⁵³⁰. Не случайно письма Екатерины к Вольтеру написаны гораздо лучше и содержат меньше ошибок, чем ее письма к Гримму, ведь в них императрица стремилась показать себя образцом просвещенного монарха⁵³¹.

⁵²⁵ Dulac G. The Use of French by Catherine II in her Letters to Friedrich Melchior Grimm (1774–96) // Offord, Ryazanova-Clarke, Rjéoutski, Argent (Eds). French and Russian in Imperial Russia. Vol. 1. P. 45–60, здесь p. 51–56. Е. П. Гречаная отмечает, что письменный французский язык, перенятый Екатериной II в детстве от французской гувернантки, речь которой, вероятно, воспроизводила языковую норму конца XVII века, был несколько архаичным, а в ее стиле, по словам Шарля де Линя, было «больше ясности, чем легкости» (Гречаная. Когда Россия говорила по-французски. С. 114).

⁵²⁶ Этот статус были призваны подчеркнуть даже пьесы, которые ставились воспитанницами Смольного института благородных девиц. Императрица часто приглашала высокопоставленных гостей, таких как Густав III, посетить институт и посмотреть представления на французском, чтобы продемонстрировать иностранцам российскую систему образования с лучшей стороны и позволить им оценить личную вовлеченность Екатерины II в педагогические проблемы. Об использовании французского языка в целях культурной пропаганды см. в главе 7.

⁵²⁷ Черновики многих писем Екатерины II к этим адресатам хранятся в российских архивах, например РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 145, 152–154, 156, 157, 158 и т. д. Ссылки на эти архивные документы приводятся по: Dulac G., Karp S. (Eds). Les Archives de l'Est et la France des Lumières. Guide des Archives et inédits. Ferney-Voltaire, 2007. Vol. 1. P. 27 и по каталогу РГАДА.

⁵²⁸ Goodman. The Republic of Letters. P. 82.

⁵²⁹ См.: Voltaire – Catherine II. Correspondance 1763–1778 / Dir. Alexandre Stroeve. Paris, 2006.

⁵³⁰ См.: Catherine II de Russie – Friedrich Melchior Grimm. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. Dir. Sergueï Karp. Vol. 1. 1764–1778. Ferney-Voltaire; М., 2016.

⁵³¹ Более подробно о роли Екатерины II в культурной пропаганде см. во втором разделе главы 7.

Французский как язык двора в эпоху правления Екатерины II

Получить хорошее представление о французском языке и его роли в жизни российского двора начиная с екатерининской эпохи можно, обратившись к воспоминаниям придворных, которые часто цитировали то, что слышали. Безусловно, относиться к этим свидетельствам следует с осторожностью, как и к любой информации из мемуарной литературы. Однако даже если усомниться в точности цитат, сложно представить, что авторы воспоминаний воспроизводили в своих текстах фразы на французском, если на самом деле они были сказаны по-русски.

Одним из источников, проливающих свет на то, как говорили по-французски при дворе, является дневник уже упомянутого А. В. Храповицкого, служившего статс-секретарем Екатерины⁵³². Записи в дневнике свидетельствуют о том, что императрица довольно часто говорила с русскими придворными по-французски. Например, в июне 1785 года она ответила на замечание Льва Александровича Нарышкина о том, что язык попугаев так же сложен, как и человеческий, следующей остротой: «Je ne savois pas cela; je donnerais à la Perruche la survivance de votre charge!» («Я об этом не знала; когда вы умрете, я назначу на ваш пост попугая»)⁵³³. Действительно, складывается впечатление, что разговоры в присутствии придворных часто велись исключительно на французском. Так, описывая события сентября 1789 года, Храповицкий пишет:

Л. А. Нарышкин сказал при туалете о нововышедших книгах: *Vie privée d'Antoinette de France* [частная жизнь Марии-Антуанетты] и *l'histoire de la Bastille* [история Бастилии]. [И императрица ответила]: «Ce sont des libelles et je ne les souffre jamais» [«Там все клевета, терпеть их не могу»]⁵³⁴.

Екатерина нередко разговаривала по-французски и с самим Храповицким. Так, в сентябре 1786 года она, проходя мимо него, сказала: «Bonjour, Monsieur. Il fait bien froid» («Добрый день, мсье. Сегодня очень холодно»)⁵³⁵, а в другой раз посетовала: «Je vous fatigue trop, je ne vous ménage guère» («Я слишком вас утомляю, совсем не берегу»)⁵³⁶. Таких случаев множество, они позволяют заключить, что французский был средством повседневного общения между императрицей и ее статс-секретарем⁵³⁷. Храповицкий также обычно говорил с Екатериной по-французски. Например, в одной из записей читаем: «Я сказал: „C'est un dessein prémédité“ („Это продуманный план“»)⁵³⁸, а в другой: «Я сказал, que les circonstances s'éclairciront et la diète de Stockholm fera voir ce, qu'il faut faire» («что обстоятельства прояснятся, и стокгольмский парламент покажет, что требуется предпринять»)⁵³⁹. Или о парижских событиях 1789 года: «Я [сказал]: „c'est une véritable Anarchie“ [„это настоящая анархия“]. „Да! ils sont capables de pendre

---

⁵³² Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. Издание полное / С примеч. Г. Н. Геннади. М., 1862. Эта книга представляет собой относительно полный источник информации о речи, характерной для двора Екатерины II. Однако следует помнить, что период, описанный в дневнике Храповицкого, относится к позднему правлению Екатерины II, и нельзя исключать вероятности того, что придворный язык и языковые привычки самой императрицы могли измениться за долгие годы ее царствования. При детальном изучении речи и языковых компетенций Екатерины II следует учитывать такую вероятность и привлекать гораздо больше источников.

⁵³³ Там же. С. 6.

⁵³⁴ Там же. С. 207.

⁵³⁵ Там же. С. 14.

⁵³⁶ Там же. С. 93.

⁵³⁷ Там же. С. 29, 46, 53, 77 и т. д.

⁵³⁸ Там же. С. 120.

⁵³⁹ Там же. С. 156. См. также с. 157, 167.

leur Roi à la lanterne, c'est affreux" [„они готовы повесить своего короля на фонарном столбе, это ужасно“]»⁵⁴⁰.

При этом из записок Храповицкого следует, что Екатерина II часто прибегала и к русскому языку, и переход с одного языка на другой был характерной чертой ее речи. Узнав в апреле 1787 года об убийствах в Малороссии, императрица сказала: «Cela est affreux [Это ужасно]. Многие относятся к худому смотрению»⁵⁴¹. В дневнике зафиксированы и более сложные случаи смешения языков, хотя, повторим, сложно судить о том, насколько достоверны свидетельства Храповицкого. В качестве примера можно привести запись от ноября 1788 года, где процитированы слова Екатерины II по поводу сумасшествия английского короля: «Верю, on peut être étouffé [это может быть тягостно], для того, что несносно быть при сумасшедших; я испытала с князем Орловым; для чувствительного человека мучительно: on rougit devenir fou [самому можно сойти с ума]»⁵⁴². В связи с этим возникает вопрос, чем был обусловлен выбор императрицей того или иного языка: темой или обстоятельствами? Можно предположить, что здесь были задействованы, сознательно или подсознательно, определенные факторы, которые нередко влияют на выбор языка и переход с одного языка на другой в устной и письменной речи билингов⁵⁴³. При этом, однако, мы сталкиваемся с примерами, которые не вписываются в рамки жестких правил и не позволяют выявить определенные причины перехода с одного языка на другой, кроме настроения, прихоти или предпочтения говорящим одного языка другому.

Судя по всему, Екатерина II переходила на французский в тех случаях, когда речь шла о государственных делах, в особенности о внешней политике⁵⁴⁴. Французский чаще всего появляется в дневнике Храповицкого, когда обсуждаются вопросы, связанные именно с этой сферой (а проблемы внешней политики – это то, чем по долгу службы должен был в первую очередь заниматься Храповицкий). Французский возникает и тогда, когда речь заходит о делах двора и о других людях, например о поэте Г. Р. Державине: «Ея Величеству трудно обвинить автора оды в „Фелице“, cela le consolera [это его обрадует]. Донести о благодарности Державина – „on peut lui trouver une place [для него может быть найдено место]“»⁵⁴⁵. (В данном случае фразы на французском, очевидно, передают слова самой императрицы.) Вполне предсказуемо⁵⁴⁶ и то, что французский в записках используется, когда говорится о литературных и научных текстах, например о словаре, составленном Федором Янковичем де Мириево: «„Cela montrera la filiation des mots [Он покажет происхождение слов]“. Я [сказал]: „de cette filiation des langues s'ensuivra la derivation des peuples, engloutis par les temps fabuleux [когда это происхождение будет установлено, нам станет ясно и происхождение народов, растворившихся во временах, о которых повествуют легенды]“»⁵⁴⁷. На французском императрица говорит и о медицинских вопросах (примеры этого мы также постоянно находим в записках, фиксирующих речь русских билинг-

⁵⁴⁰ Храповицкий. Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 206.

⁵⁴¹ Там же. С. 27.

⁵⁴² Там же. С. 141. Возможно, Храповицкий «переводил» некоторые фразы Екатерины II, не указывая на это.

⁵⁴³ См. примеры из писем Голицыных и Воронцовых во втором разделе главы 6.

⁵⁴⁴ Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 80, 82, 84, 90–92, 133, 134, 150, 154, 176, 194, 200, 202 и т. д. В некоторых случаях Храповицкий полностью приводит данные императрицей на французском ответы государственным служащим (см., напр., с. 132). Он также довольно часто включает в дневник ответы Екатерины II западноевропейским корреспондентами на французском языке (см., напр., с. 160), а также записки и письма дипломатическим представителям Российской империи (см., напр., с. 164, 173, 174 и т. д.).

⁵⁴⁵ Там же. С. 198. «Фелица» – восхваляющая Екатерину II ода, написанная Г. Р. Державиным в смелом, непринужденном тоне.

⁵⁴⁶ А. Вачева подсказала нам, что использование терминов, существовавших во французском языке, но еще не устоявшихся в русском, могло быть определяющим фактором при выборе языка в подобных случаях.

⁵⁴⁷ Храповицкий. Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 210.

вов)⁵⁴⁸. Так Екатерина II говорит о своем здоровье: «On n'a plus de barre sur la poitrine» («теснота в груди прошла») и «je suis plus ramassée» («я чувствую себя немного лучше»)⁵⁴⁹.

Согласно дневнику Храповицкого, Екатерина любила обращаться к французскому, когда находила в нем устойчивые выражения, позволявшие ей образно выразить мысль. Приведем примеры (при этом не будем забывать, что Храповицкий, возможно, сам решал, какие из фраз записать на французском): «je mettrais la main au feu» («готова поклясться»; буквально: «я сунула бы руку в огонь»), «qui s'excuse s'accuse» («кто извиняется, обвиняет сам себя») и «payer les pots cassés» («платить по счетам»; буквально: «платить за битые горшки»)⁵⁵⁰. Кроме того, французский – это язык, позволяющий отпустить колкости и делать уничижительные замечания. Например, в декабре 1789 года Храповицкий сделал следующую запись: «Не хорошо отзывались о астраханском губернаторе Алексееве: „Il va se casser le nez“ („Его ждет неудача“; буквально „Он сломает себе нос“»)⁵⁵¹. Также по поводу Русско-шведской войны 1788–1790 годов Екатерина язвительно заметила: «Le roi de S. est enfuit comme un chien qu'on chasse de la cuisine, les oreilles pendantes et la queue entre les jambes» [«Король Швеции бежит, как пес, которого выгнали с кухни, прижав уши и опустив хвост меж лап»]⁵⁵². Примерно в то же время императрица так отзывалась о прусском короле: «Il est fait pour être mené» [«Он создан для того, чтобы им управляли»]⁵⁵³. Однако далеко не всегда обращаясь к французскому императрицу побуждало желание найти меткое выражение. Например, говоря о Н. И. Новикове, что «C'est un fanatique» («Он фанатик»)⁵⁵⁴, она, вполне вероятно, решила перейти на французский, потому что слово «фанатик» еще не укоренилось в русском⁵⁵⁵.

Записки Храповицкого убеждают нас в том, что Екатерина II использовала французский ежедневно, в разных ситуациях, особенно когда требовалось обсудить некоторые темы. Вместе с тем объяснить, почему императрица отдавала предпочтение французскому языку перед русским, порой можно только тем, что французский в некотором смысле был для нее более родным языком, чем русский и даже немецкий, или тем, что в определенный момент французский почему-то занимал главное место в ее сознании⁵⁵⁶. Конечно, в большинстве случаев Екатерина II могла выразить свою мысль на русском так же хорошо, как и на французском, а предпочтение французского для выражения некоторых весьма простых идей никак нельзя объяснить языковой компетенцией императрицы. Точно так же далеко не каждый случай перехода с одного языка на другой объясняется обстоятельствами. Часто фразы, которые Храповицкий цитирует по-французски, были сказаны в присутствии его одного, а значит, ни императрице, ни ему не было нужно прибегать к французскому как светскому языку, языку самопрезентации двора или *lingua franca*, доступному иностранным гостям. Когда, сокрушаясь о смерти адмирала С. К. Грейга в октябре 1788 года, Екатерина говорит: «C'est une grande perte, c'est une perte pour l'état» («Это огромная потеря, это потеря для государства»)⁵⁵⁷, самым убедительным

⁵⁴⁸ См. примеры из писем С. Р. Воронцова 1760-х годов во втором разделе главы 6.

⁵⁴⁹ Храповицкий. Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 77, 92. Медицина – это еще одна сфера (как и сферы литературной и интеллектуальной жизни), для разговора о которой во французском существовала терминология и фразеология, которой не было в русском языке и с которой Россия начала знакомиться в XVIII веке. Большинство практикующих врачей в России того времени были иностранцами.

⁵⁵⁰ Храповицкий. Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 47, 61, 133.

⁵⁵¹ Там же. С. 45.

⁵⁵² Там же. С. 203.

⁵⁵³ Там же. С. 122.

⁵⁵⁴ Там же. С. 121.

⁵⁵⁵ Это слово начало появляться в словарях русского языка лишь с начала XIX века. См.: Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2 / Сост. Шапошников А. К. М., 2010. С. 474.

⁵⁵⁶ Другими словами, когда она в это время, например, читала французскую книгу, читала или писала письмо на французском. Возможно, такое языковое поведение типично для людей, отлично владеющих более чем одним языком.

⁵⁵⁷ Храповицкий. Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 122.

объяснением выбора французского может быть самое простое: это было ее естественной реакцией, ведь французский фактически был ее родным языком. Судя по некоторым свидетельствам, Екатерина II действительно считала его таковым. Она гордилась тем, что бегло говорила и писала по-французски с раннего детства (по ее утверждениям, с трех лет!), и не упускала случая продемонстрировать свои познания. Даже переписываясь с отцом перед тем, как обратиться в православную веру, Екатерина II написала два письма на французском и только одно на немецком⁵⁵⁸. Ее перу принадлежит много текстов на французском, наряду со знаменитым «Наказом» и автобиографией⁵⁵⁹ и уже упомянутых писем, которые она писала по-французски многочисленным адресатам. В этих текстах затронуты самые разные темы: законодательство, финансы, управление государством⁵⁶⁰. Французский был для Екатерины, кроме всего прочего, семейным языком: большая часть ее переписки с сыном, будущим императором Павлом I, и невесткой – на этом языке⁵⁶¹. Хочется предположить, что роль, которую французский играл в языковом репертуаре императрицы, правившей Россией более трети века, упрочил позиции этого языка как «светского», так и интимного языка аристократии, на которую придворная культура оказывала влияние.

Кроме дневника Храповицкого, можно обратиться к не менее известным запискам Семена Андреевича Порошина, одного из воспитателей сына Екатерины II, великого князя Павла Петровича. Записки Порошина более подробны, чем текст Храповицкого, но его владение французским было гораздо менее уверенным, поэтому нельзя исключать возможности, что его фиксация разговоров на этом языке была менее полной, чем в дневнике А. В. Храповицкого. Порошин и сам порой обращался к французскому, что можно увидеть в записях, относящихся к октябрю 1764 года, когда великому князю было около десяти лет⁵⁶², то же касается и Павла Петровича, хотя складывается впечатление, что он говорил на нем реже, чем его мать (впрочем, в то время он был еще очень юн). Очевидно, французский при «малом» дворе возникал в некоторых разговорах. Так, 16 октября 1764 года граф Н. И. Панин, который только что принимал турецкого посла, за обедом рассказывал наследнику престола об Османской империи, судя по всему, по-французски: «Разговаривая о турках, сказал Его Превосходительство: „с’est un empire formé par le brigandage et soutenu uniquement par la jalousie de ses voisins“ [„Империю эту создавали разбоем, и она продолжает существовать только потому, что ее соседи враждуют друг с другом“]»⁵⁶³. Французский также часто возникает при передаче чужих слов, в основном слов иностранцев⁵⁶⁴. Иногда в записках Порошина появляется достаточно большое количество французского текста, и можно заключить, что весь разговор (а не только процитированные фразы) был на французском⁵⁶⁵. Французский возникает, когда говорится о чтении, светских развлечениях, доступных великому князю, в особенности о театре. Павел Петрович посещал придворный театр почти каждый день, а большинство пьес, которые там ставились, были на французском языке.

⁵⁵⁸ Мы благодарим А. Вачеву за замечание о значении французского языка для Екатерины II и за указание на свидетельства, подтверждающие это. См. также ее книгу: *Вачева А.* Потомству Екатерина II: идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София, 2015, особенно с. 386, 399.

⁵⁵⁹ РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20–24, 26; эти ссылки и ссылки в следующих двух сносках приводятся по: *Dulac, Karp* (Dir.). *Les Archives de l’Est et la France des Lumières*. Vol. 1. P. 25–26, 30, и каталогам РГАДА. Об автобиографических записках Екатерины II см. в третьем разделе главы 6.

⁵⁶⁰ См., напр.: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24; Ф. 10. Оп. 2. Д. 226, 227, 229–239, 245, 246 и т. д.

⁵⁶¹ РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 114, 115.

⁵⁶² *Порошин С. А.* Семена Порошина записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престолу Российского. СПб., 1844. С. 39.

⁵⁶³ Там же. С. 77.

⁵⁶⁴ См., напр., там же. С. 68, 69, 71.

⁵⁶⁵ См., напр., там же. С. 71.

Возможно, великий князь говорил по-французски не так много, как это делали при «большом» дворе, потому что учителя пытались привить ему патриотические идеи, в чем, по всей видимости, преуспели. Порошин пересказывает состоявшийся в сентябре 1764 года разговор, который отражает отношение юного наследника престола к смешению французского с русским и к тому, что русские слишком много говорят по-французски:

За чаем зашел у нас разговор о мешании чужестранных слов в язык свой. Тут весьма остроумно сказал государь, что иные русские в разговорах своих мешают столько слов французских, что кажется, будто говорят французы, и между французских слов употребляют русские. Также говорили [то есть великий князь говорил, – *Авт.*], что иные [русские] столь малосильны в своем языке, что все с чужестранного от слова до слова переводят и в речах и в письме⁵⁶⁶.

Похоже, Павел Петрович был убежден в том, что русские используют в своей речи слишком много французских слов. «За столом по большей части разговаривая, – замечал Порошин о великом князе, – изволил мешать французские слова между русскими, передразнивая тех, кои и вправду говорят так»⁵⁶⁷.

---

⁵⁶⁶ Там же. С. 14.

⁵⁶⁷ Там же. С. 69–70.

Французский язык при дворе в XIX веке

В XIX веке французский язык при российском императорском дворе не только не исчез, но и переживал новый подъем. На первый взгляд, такую приверженность к французскому языку можно объяснить тем, что в начале XIX века он был главным языком дипломатии в европейском мире⁵⁶⁸, и на нем было проще всего общаться с многочисленными знатными иностранцами, посещавшими Санкт-Петербург или подолгу жившими в нем. Неудивительно, что переписка Александра I с польским князем Адамом Чарторыйским⁵⁶⁹ велась исключительно на французском – языке, которым оба прекрасно владели. Однако, возможно, эти языковые предпочтения были обусловлены чем-то большим и не были только лишь *solution de facilité*. Не стоит забывать о том, что выбор французского в качестве подходящего языка для социального и частного общения казался в то время для дворянства вполне естественным, потому что французский был тесно связан с социальными кодами, к которым оба корреспондента апеллировали, например с дружбой, о которой они писали с большим чувством⁵⁷⁰. Естественно и то, что по-французски говорили на заседаниях Негласного комитета, собиравшегося при дворе в течение нескольких лет после восшествия Александра I на престол в 1801 году. В комитет, кроме самого Александра I и А. Чарторыйского, входили граф Павел Александрович Строганов, Николай Николаевич Новосильцев и граф Виктор Павлович Кочубей. Все эти сподвижники Александра I были аристократами, получили «французское» образование и путешествовали по Европе в 1780-х и 1790-х годах. Они провели много времени во Франции (Чарторыйский, Кочубей и Строганов) и в Англии (Новосильцев и Строганов).

Более того, французский был наиболее подходящим языком для обсуждения некоторых вопросов, интересовавших членов Негласного комитета, например составления конституции, которая позволила бы избежать произвола в управлении государственными делами и положила в основу государственного аппарата нерушимые законы. Александр I и его приближенные черпали знания об этих вопросах прежде всего из литературы на французском языке. Таким образом, французский позволял им не только понимать друг друга (ведь среди них был поляк А. Чарторыйский), но и избегать досадной путаницы в терминах, так как русский политический язык тогда был еще недостаточно развит. Это предположение подтверждается обсуждением «Всемиловейшей грамоты российскому народу жалуемой», которая была составлена Александром Романовичем Воронцовым в 1801 году. Первый проект «Грамоты» А. В. Воронцов написал по-русски, затем он был переведен на французский. Н. Н. Новосильцев составил на французском подробный черновой вариант, который обсуждался в комитете. Окончательный французский вариант документа был переведен на русский, после чего в русский текст была внесена стилистическая правка (этим занимались в основном А. Р. Воронцов и ближайший советник Александра I М. М. Сперанский)⁵⁷¹.

Независимо от того, каков был социальный состав придворных (а в данном случае речь идет о представителях высшего дворянства, для которых французский долгое время был своего рода профессиональным языком), нельзя не заметить, что двор в Российской империи был

---

⁵⁶⁸ Об использовании языка в дипломатической сфере см. в главе 5.

⁵⁶⁹ [Alexander I]. Alexandre I-er et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations. 1801–1823 / Publ. par le prince Ladislaw Czartoryski, avec une introd. par Charles de Mazade. Paris, 1865. Биографию Чарторыйского см. в: Zawadzki W. H. A Man of Honour: Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. Oxford, 1993.

⁵⁷⁰ Об этом подробнее см. в последнем разделе главы 2 и в главе 4. Это можно подтвердить тем, что Александр I вел переписку на французском и с некоторыми русскими корреспондентами. Более того, можно предположить, что императору было более привычно писать по-французски, потому что у него было несколько франкоязычных учителей, среди которых был Фредерик Сезар Лагарп. Александр писал по-французски свободно и красиво.

⁵⁷¹ См.: Сафонов М. М. А. Н. Радищев и «Грамота русскому народу» // Радищев А. Н. (Ред.). Русское и европейское Просвещение. СПб., 2003. С. 112–141. Мы благодарны М. М. Сафонову за эту информацию.

полиэтническим сообществом. Как правило, российские императоры и члены императорской семьи выбирали супругов из представителей иностранных монархий, в основном немецких (как в XVIII, так и в XIX веке). Например, Александр I был женат на Луизе Марии Августе (после перехода в православие принявшей имя Елизавета Алексеевна), дочери Карла Людвиг, наследного принца Баденского. Николай I женился на принцессе Шарлотте Прусской (после перехода в православие она именовалась Александрой Федоровной). Великий князь Михаил, еще один сын Павла I, взял в жены принцессу Шарлотту Вюртембергскую (после перехода в православие – великая княгиня Елена Павловна). Женой Александра II была Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессен-Дармштадтская (впоследствии императрица Мария Александровна). Список можно продолжать: не только сами императоры, но и их братья, сестры и дети вступали в брак с членами европейских королевских семей. Вследствие того, что браки получались смешанными, французский оказывался одним из основных (если не единственным) языком общения супругов, ведь все (или почти все) они прекрасно владели этим языком.

Более поздние мемуарные свидетельства показывают, что французский оставался основным языком при русском дворе во времена правления Николая I (несмотря на политику культурной русификации, которая с начала 1830-х годов поддерживалась теорией официальной народности) и в эпоху царствования Александра II, после того как Россия в середине 1850-х годов потерпела поражение от французской и британской армий в Крымской войне. Так, и Александра Осиповна Смирнова-Россет, которая была фрейлиной при Николае I, и Елизавета Алексеевна Нарышкина, урожденная княжна Куракина, которая была фрейлиной во времена царствования трех императоров на протяжении XIX века, часто цитируют французские фразы, сказанные людьми из их аристократического круга, причем по большей части такие цитаты касаются придворной жизни. А. О. Смирнова-Россет передает диалог на балу, устроенном в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге в 1845 году, где император Николай I начал флиртовать с баронессой Крюденер, а затем стал ухаживать за Елизаветой Михайловной Бутурлиной. А. О. Смирнова-Россет – с некоторым озорством – обратилась к баронессе Крюденер:

«Vous avez soupé, mais aujourd' hui les derniers honneurs sont pour elle.»
«C'est un homme étrange, – dit-elle, – il faut pourtant que ces choses aient un résultat, et avec lui il n'y a point de fin, il n'en a pas le courage, il attache une singulière idée à la fidélité. Tous ces manèges avec elle ne prouvent rien.»

(«Вы ужинали, но последние почести сегодня для нее». «Это странный человек, – сказала она, – нужно, однако, чтобы у этого был какой-нибудь результат, с ним никогда конца не бывает, у него на это нет мужества; он придает странное значение верности. Все эти маневры с ней ничего не доказывают»⁵⁷².)

Как правило, разговоры между придворными и императрицей Александрой Федоровной (которая, как мы отметили, была немецкого происхождения) велись на французском. Вспоминая об императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I, А. О. Смирнова-Россет говорит:

Императрица говорила, что довольно странно случилось, что Е<лизавета> А<лексеевна> сделалась к ней [то есть к будущей императрице Александре Федоровне] ласковее, когда родился наследник. «Ce devait être un moment affreux pour elle⁵⁷³, et cependant depuis ce moment elle [est] devenu [sic]

⁵⁷² Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 9.

⁵⁷³ У Александра I и его жены не было сыновей, а обе дочери, рожденные в этом браке, умерли в раннем детстве.

plus affectueuse pour moi [сказала Александра Федоровна]. Quand mon fils est né, après un moment de bonheur, j'ai pensé au sort qui l'attendait: il était destiné à régner». («Это, должно быть, был для нее ужасный момент, и, однако, с этого времени она стала гораздо ласковее ко мне. Когда родился мой сын, после первой минуты счастья я подумала об ожидающей его судьбе: ему суждено было царствовать».)⁵⁷⁴

Другие члены императорской семьи также обращались к французскому; это можно проиллюстрировать случаем, когда А. О. Смирнова-Россет попросила великую княжну Марию Николаевну, дочь Николая I, похлопотать перед императором о Н. В. Гоголе. У Марии Николаевны были преждевременные роды, она забыла об этой просьбе и сказала: «Parlez vous-même à l'Empereur» [«Скажите сами императору»]. Далее Смирнова-Россет вспоминает:

На вечере я сказала государыне [то есть жене Николая I], что собираюсь просить государя, она мне отвечала: «Il vient ici pour se reposer, et vous savez qu'il n'aime qu'on lui parle affaires; s'il est de bonne humeur, je vous ferai signe et vous pourrez laisser votre demande» [«Он приходит сюда, чтобы отдохнуть, и вы знаете, как он не любит, когда с ним говорят о делах; если он в добром настроении, я сделаю вам знак и вы сможете отдать свою просьбу»]. Он пришел в хорошем расположении и сказал: «Journal des Débats» печатает des sottises [глупости]. C'est une preuve que j'ai bien agi [Это доказывает, что я поступил правильно]»⁵⁷⁵.

Французский приобретал еще большее значение в поездках членов придворного общества за границу. Софья Станиславовна Киселева, с которой А. О. Смирнову-Россет в Мариенбаде познакомил великий князь Михаил Павлович, сказала ей: «J'ai connu votre mère. Nous étions à Odessa, toute notre famille et Isabelle Valevsky, la femme de Serge Gagarin, que vous connaissez» («Я знала вашу мать. Мы были в Одессе, вся наша семья и Изабелла Валеvская, жена Сергея Гагарина, которую вы знаете»)⁵⁷⁶. Безусловно, другие языки тоже использовались: существуют свидетельства о том, что Николай I на придворных приемах говорил по-французски, по-русски или даже по-английски в зависимости от того, кем был его собеседник⁵⁷⁷. (Одна из приближенных ко двору мемуаристок вспоминает о том, что «император Николай имел дар языков; он говорил не только по-русски, но и по-французски, и по-немецки с очень чистым акцентом и изящным произношением»⁵⁷⁸.) Императрица Александра Федоровна также иногда говорила на других языках, кроме французского и русского. Например, в 1830-х годах ей выпала возможность побеседовать на английском с американским посланником Джорджем М. Далласом⁵⁷⁹. Ольга Николаевна, дочь Николая I, писала о том, что по большей части в семье говорили по-французски, однако это касалось в основном старших детей, тогда как три младших брата говорили по-русски⁵⁸⁰. Вероятно, они так поступали для того, чтобы показать свой патриотический настрой⁵⁸¹.

Довольно часто тон в этом отношении задавали сами монархи, однако им было не под силу полностью изменить языковую практику при дворе. Как отмечает Смирнова-Россет, в

⁵⁷⁴ Смирнова-Россет. Дневник. С. 10.

⁵⁷⁵ Смирнова-Россет. Дневник. С. 60–61.

⁵⁷⁶ Там же. С. 76–77.

⁵⁷⁷ Зимин И. В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. СПб., 2010.

⁵⁷⁸ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник, 1853–1882 / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1928–1929. Т. 1. С. 102.

⁵⁷⁹ Зимин. Повседневная жизнь Российского императорского двора.

⁵⁸⁰ Там же.

⁵⁸¹ Этой мыслью с нами поделилась О. В. Эдельман.

эпоху правления Александра I при дворе говорили по-французски, но Николай I начал чаще обращаться к русскому языку⁵⁸². Смирнова-Россет гордилась тем, как хорошо она говорит по-русски, находила странным, что в Санкт-Петербурге удивляются тому, как отлично русские дамы знают родной язык, и замечала, что Николай I всегда говорил с ней только по-русски⁵⁸³. А. С. Пушкин писал в 1834 году о том, что Николай I беседовал с ним на балу, причем император говорил «очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения»⁵⁸⁴. Однако во время царствования преемника Николая I – Александра II – французский язык вновь стал популярен при дворе, тогда как при Александре III в моду снова вошел русский⁵⁸⁵.

По свидетельствам Смирновой-Россет, не все придворные или, точнее, не все лица, появившиеся при дворе, владели французским одинаково хорошо, хотя даже те, кто не мог свободно выражаться на нем, считали обязательным сказать что-нибудь по-французски, так как без этого было невозможно попасть в высшее общество. В ее мемуарах есть показательный эпизод, случившийся 12 марта 1845 года во время придворного ужина, когда она сидела рядом с фельдмаршалом Иваном Федоровичем Паскевичем. По большей части они говорили по-русски, потому что фельдмаршал, как замечает Смирнова-Россет, не блистал «красноречием на французском языке, да и по-русски он не красноречив». Тем не менее И. Ф. Паскевич в один момент перешел на французский: «По случаю Богемии заговорил он по-французски: „Vous avez lu, comment cela?“ [Вы читали, как это?]

Значительная роль французского языка в придворной жизни в конце николаевской эпохи видна также в воспоминаниях Е. А. Нарышкиной, которая была близка к великой княгине Елене Павловне. Она часто приводит слова великой княгини на французском языке. Когда ее тетка выразила удивление по поводу того, что Елена Павловна назначила мать Е. А. Нарышкиной гофмейстериней, великая княгиня ответила: «Il y a longtemps que je l'espionne» («Я уже давно за ней слежу»)⁵⁸⁷. Или, например, когда молодых великих князей Николая и Михаила (сыновей Николая I) посылали в Крым, их мать, императрица Александра Федоровна, «грустно говорила: „Toutes les familles ont là tout ce qu'il y a de plus cher. Nous devons aussi y envoyer les nôtres“ [„Все семейства отправили туда [то есть на фронт] своих самых близких, мы тоже обязаны послать наших“]

В эпоху правления Александра II члены царской семьи по-прежнему говорили друг с другом и с другими русскими по-французски. Мемуаристка Елена Юрьевна Хвощинская вспоминает, как Александр II сказал ее бабушке, Татьяне Борисовне Потемкиной, когда пожилая дама попыталась встать, чтобы поприветствовать его: «Je vous supplie, chère M-me Potemkine, ne vous dérangez pas» («Я вас умоляю, дорогая г-жа Потемкина, не беспокойтесь»)⁵⁸⁹. При дворе не все, однако, владели французским в совершенстве. Так, великая княгиня Александра Иосифовна,

⁵⁸² Барон Федор Иванович Фиркс писал о том, что Николай I пытался повысить статус русского языка, требуя, чтобы на нем велось обсуждение государственных дел; он сам говорил по-русски чаще, чем Александр I, и желал, чтобы люди отвечали ему на том языке, на котором он задавал им вопрос. По этой причине придворные в николаевскую эпоху знали русский лучше, чем во время правления Александра I, однако в свете продолжали говорить по-французски практически все время и переходили на русский, только когда приходилось обращаться к людям, которые не понимали французского, то есть к слугам, мещанам и народу (Fircks. *Schédo-Ferroti D. K. Le Nihilisme en Russie* (1867). P. 74. О бароне Фирксе и его произведениях см. подробнее в главе 7).

⁵⁸³ Смирнова-Россет. Дневник. С. 120.

⁵⁸⁴ Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 320.

⁵⁸⁵ Зимин. Повседневная жизнь Российского императорского двора.

⁵⁸⁶ Смирнова-Россет. Дневник. С. 12.

⁵⁸⁷ Нарышкина. Мои воспоминания. Под властью трех царей. С. 67, 493.

⁵⁸⁸ Там же. С. 79, 496.

⁵⁸⁹ Хвощинская Е. Ю. Воспоминания Елены Юрьевны Хвощинской // Русская старина. 1898. № 5. С. 418. См. также другие примеры в дневнике Валуева: Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел / Под ред. П. А. Зайончковского: В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 136, 149, 198–199, 213–214, 217, 240, 241; Т. 2. С. 274 и т. д.

дочь герцога Саксен-Альтенбургского и жена Константина Николаевича, сына Николая I, по словам А. Ф. Тютчевой, блестяще говорившей по-французски, с трудом объяснялась на этом языке⁵⁹⁰. Очевидно, что в придворном обществе встречались и обычные для той эпохи случаи смешения языков, которые так раздражали пуристов. Одна восемнадцатилетняя девушка, которую взяли ко двору в 1850-х годах, когда А. Ф. Тютчева была там фрейлиной, говорила на странной смеси французского с русским, что, по всей видимости, было обычным делом для московского общества того времени⁵⁹¹.

---

⁵⁹⁰ Тютчева. При дворе двух императоров. Т. 1. С. 108.

⁵⁹¹ Там же. С. 86.

Французский – язык царей

Помимо использования при дворе, французский ассоциировался с императорской семьей и по ряду других причин. Одним из показателей статуса французского как языка монархов было его использование в государственных учреждениях во время приема членов императорской семьи. Вероятно, по этой причине спектакль, поставленный кадетами Санкт-Петербургского Артиллерийского кадетского корпуса в честь великих князей Александра и Константина, посетивших его в конце екатерининского правления, был полностью на французском языке. Сохранилась рукопись, содержащая текст этой пьесы, которая начиналась так:

<...> le grand prêtre dans son costume parait occupé du culte, mais lorsqu'il voit les grands Ducs il s'avance, et leur dit:

Venez; Princes chéris, espoir de cet empire;
Entrez au temple d' Apollon;
De vos brillants destins vous pourrez vous instruire,
Comme ALEXANDRE a fait dans le temple d' Ammon.
Ces parvis, où les Dieux veulent que je les serve,
Ne s'ouvrent, il est vrai, qu'à des héros fameux;
Mais vous enfants de PAUL, élèves de MINERVE
Un jour vous serez grands comme eux.
J'en lis sur votre front des présages heureux;
C'est [sic] pour vous qu'Apollon dans ce séjour réserve
Ses Oracles sacrés et ses dons précieux⁵⁹².

(верховный жрец в облачении кажется занятым религиозным обрядом, но при виде великих князей выходит вперед и говорит им: «Входите, дражайшие князья, надежда этой империи, войдите в храм Аполлона; вам откроются ваши великие судьбы, как АЛЕКСАНДРУ [Великому] открылась его судьба в храме Амона. Истинно, что это место пред храмом, где боги велят мне служить им, открыто лишь для прославленных героев, но вы, дети ПАВЛА, ученики МИНЕРВЫ, однажды достигнете их величия. На челе каждого из вас я читаю добрые предзнаменования, для вас уготовил Аполлон свои священные прорицания и бесценные дары».)

Безусловно, постановка на французском могла иметь и учебные цели, но едва ли выбор пал на французский по этой причине, ведь кадетов обучали и немецкому. То, что французский воспринимался как язык монархов, подтверждают и созданные для двора многочисленные произведения, написанные на французском или имеющие французские посвящения императорам и членам императорской семьи⁵⁹³. Кроме того, было много случаев, когда произведения на других языках, исполнявшиеся на придворной сцене (например, кантата на итальянском,

---

⁵⁹² ОР РНБ. Эрм. Фр. Ф. 999. Оп. 2. 46 (Fête donnée à Leurs Altesses Impériales Messieurs Alexandre Paulovitch et Constantin Paulovitch, Grands-Ducs de Russie). Л. 2.

⁵⁹³ См., напр.: [Estat]. Lali et Sainval. St. Pétersbourg, 1784 (С посвящением великой княгине); *Comte de Lubersac, abbé*. Discours sur l'utilité et les avantages des monuments publics et tous les genres etc. <...> (ОР РНБ. Ф. 999. Оп. 2. Фр. 32); *Luzier*. Les noces de Mars. St. Pétersbourg, 1796 (С французским посвящением Плутону Александровичу Зубову, одной из самых значительных фигур времен царствования Павла I); *Bertin de Antilly*. Ode à Pierre le Grand <...> (ОР РНБ. Ф. 999. Оп. 2. Фр. 32); *Loëillot*. Annales de l'empire de Russie, dédiées à S. M. l'Impératrice Elisabeth. St. Pétersbourg, 1801 (ОР РНБ. Ф. 999. Оп. 2. Фр. 115); Gay. Vers adressés à l'Empereur des Russies <...>. Б.м.: б. и., 1808.

которая исполнялась при дворе в 1802 году), были переведены на французский, а не на русский для зрителей, не владевших другими иностранными языками⁵⁹⁴.

Французский также был языком приватного – устного и письменного – общения между членами царской семьи, хотя и использовался наряду с другими языками: русским, немецким (многие члены императорской семьи были немецкого происхождения), а ближе к последнему этапу существования империи все большую популярность завоевывал английский. Французский нередко возникал в частной переписке и даже в личных дневниках и записных книжках. Мы попытаемся показать, насколько активно французский и другие языки использовались Романовыми в XIX веке, рассмотрев некоторые из множества сохранившихся текстов, написанных членами царской семьи, как мужчинами, так и женщинами, как русскими, так и нерусскими по происхождению⁵⁹⁵.

Для начала нам следует выявить общие черты, характерные для переписки практически всех членов царской семьи в XIX веке, независимо от поколения. У всех Романовых, включая женщин, были государственные обязанности, исполнение которых требовало ведения обширной официальной корреспонденции (часть которой могла быть написана секретарями). Подавляющее большинство подобных писем написано на русском. Исключение составляет дипломатическая переписка монархов, которая обычно велась на французском⁵⁹⁶. Еще одной общей чертой была переписка Романовых (независимо от того, к какому поколению они принадлежали) с другими европейскими монархами. Она тоже обычно велась на французском, хотя члены царской семьи, имевшие немецкое происхождение, довольно часто (однако не всегда) писали своим близким по-немецки. Эти закономерности, как мы увидим, не претерпят изменений вплоть до конца XIX века, когда в правление Николая II для такой переписки стали чаще использовать английский язык.

Обратимся теперь к письмам отдельных представителей императорской семьи. Значительная часть переписки Александра I с другими членами семьи велась на французском языке⁵⁹⁷. Если официальная переписка должна была вестись на русском языке, неофициальные письма могли быть написаны по-французски. Когда в 1820 году брат императора великий князь Михаил Павлович писал Александру I о восстании Семеновского полка по-французски, вероятно, этим выбором языка он желал подчеркнуть, что выражает личное мнение⁵⁹⁸. Однако сам Александр I часто нарушал это неписаное правило.

Французский был также основным языком в письмах и дневниках сестры Александра Марии Павловны, герцогини Саксен-Веймар-Эйзенахской, которая уехала из России в юности и жила в Веймаре⁵⁹⁹. Мария Павловна велела, чтобы ее дети также вели дневники на французском, и благодаря тому, что она сама и гувернантка постоянно проверяли эти днев-

⁵⁹⁴ Ariane et Bacchus. St. Pétersbourg, 1802.

⁵⁹⁵ Документы, которые мы использовали, хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Наше исследование частично базируется на изучении описей фондов, в которых язык документов практически всегда указан (если указания на язык нет, значит, документ написан на русском), а также на изучении многих документов из этих фондов. Конечно, к нашим выводам стоит относиться с осторожностью, поскольку опыт подсказывает нам, что архивисты не всегда точно описывают содержание документов.

⁵⁹⁶ Подробнее о письмах такого рода и о том, какое значение выбор языка имел для разграничения официальной и частной переписки, мы говорим в главе 5, посвященной роли французского языка в официальной сфере.

⁵⁹⁷ РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3 (1798), 10 (1812–1813), 11 (1807–1813), 13 (1797), 14 (1786–1789), 15 (1788), 16 (1790) (письма Александру I от его отца, матери или сестры до и после его восшествия на престол); ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 76, императрица Мария Федоровна – Александру I (1808–1810, фр.); Д. 115, Александр I – императрице Марии Федоровне, его матери (1810, фр.). Для краткости мы в дальнейшем в этом разделе будем опускать номер описи «Оп. 1» в большинстве ссылок на материалы из ГАРФ, так как все фонды, к которым мы обращались (за исключением ф. 601 и 678), содержат лишь одну опись.

⁵⁹⁸ См., напр.: ГАРФ. Ф. 679. Д. 42. Мы благодарны О. В. Эдельман за то, что она поделилась с нами своими соображениями по поводу данного письма.

⁵⁹⁹ Ее дневники частично опубликованы, см.: *Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher der Erbherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach* / Hrsg. von Katja Dmitrieva, Viola Klein. Köln; Weimar; Wien, 2000.

ники, дети в совершенстве овладели французским и выработали безупречный стиль. Переписка Марии Павловны со швейцарской гувернанткой, которая воспитывала ее, Жанной Мазле (Jeanne Mazelet), служила той же цели: гувернантка часто правила стиль своей ученицы даже после того, как Мария Павловна выросла и вышла замуж. Личный дневник Марии Павловны, с одной стороны, был средством самоанализа, но, с другой стороны, готовые французские формулы, которые, в соответствии с социальными стилистическими конвенциями, должны были использоваться в подобных текстах, помогали ей скрыть свои истинные чувства⁶⁰⁰. Кроме того, французский способствовал знакомству Марии Павловны с европейской культурой, так как имел богатый лексикон, относящийся к сферам обучения и искусства⁶⁰¹. Знакомство с эпистолярными романами (например, «Юлией, или Новой Элоизой» Ж.-Ж. Руссо) и письмами таких авторов, как мадам де Севинье, позволяло членам царской семьи и, конечно, русскому дворянству описывать повторяющиеся или весьма схожие ситуации с большим разнообразием выразительных средств⁶⁰². А русский язык практически отсутствует в дневниках Марии Павловны и очень редко появляется в ее письмах. Она вела переписку на французском с матерью и братьями, Александром I и великим князем Константином Павловичем. На русский она переходила, лишь когда вспоминала о своем детстве и когда писала о политических новостях – в последнем случае, без сомнения, из соображений секретности, потому что русский знало весьма ограниченное количество иностранцев, особенно во времена Наполеоновских войн⁶⁰³.

Брат Марии Павловны Николай Павлович, будущий император Николай I, также вел личный дневник на французском языке, пока был великим князем⁶⁰⁴, и много писал в нем о событиях повседневной жизни, о «малом» дворе, о поездках, в которые его отправляли с целью обучения или развлечения, о впечатлениях от театральных постановок и о многом другом. Однако на страницах его дневника в изобилии встречаются русские слова. Как правило, это имена собственные или слова, обозначающие вещи, для которых Николаю Павловичу наверняка было трудно подобрать французские варианты, например: «дрожки», «юнкер», «обоз», «панихида», «шеренги», – или те, которые он, возможно, связывал с русской реальностью, например «неспособный»⁶⁰⁵. В бытность великим князем и после своего восшествия на престол Николай Павлович вел личную переписку, как правило, на французском, причем не только когда переписывался с членами царской семьи⁶⁰⁶, но и когда обменивался письмами с некоторыми придворными и другими лицами, например историком и писателем Н. М. Карамзиным⁶⁰⁷. Однако он также писал по-русски. Так, именно на русском он переписывался с наследником, вероятно потому, что внушить сыну мысль о том, насколько значительная роль ему отведена в будущем, было в определенном смысле служебной задачей, выходящей за рамки семейных отношений⁶⁰⁸. В целом разграничение личной и официальной переписки и необхо-

⁶⁰⁰ Это наблюдение сделано Е. Е. Дмитриевой и В. Клейн в предисловии к книге, указанной в предыдущей сноске.

⁶⁰¹ *Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher.* S. 7. Дневники Марии Павловны, как и значительная часть ее переписки, хранятся в Главном архиве Тюрингии в Веймаре (Thüringisches Hauptarchiv Weimar, Grossherzogliches Hausarchiv, A XXV).

⁶⁰² Наблюдение Е. Е. Дмитриевой и В. Клейн. См.: *Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher.* S. 8.

⁶⁰³ *Ibid.* S. 34.

⁶⁰⁴ ГАРФ. Ф. 672. Д. 42–49 (1822–1825). Этот дневник (или скорее набор записных книжек) был опубликован в переводе на русский язык. См.: Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М., 2013.

⁶⁰⁵ О. В. Эдельман считает, что это слово имело военную коннотацию и было обозначением непригодности к военной службе.

⁶⁰⁶ ГАРФ. Ф. 672. Д. 339 (к матери, императрице Марии Федоровне, 1818); Д. 345 (к брату Михаилу Павловичу, 1847); Д. 354 (от супруги, императрицы Александры Федоровны, 1833). Александра Федоровна вела дневник на родном ей немецком языке (ГАРФ. Ф. 672. Д. 409–423 (1822–1860)). Николай Павлович владел немецким в совершенстве, но переписывался с Александрой Федоровной на французском.

⁶⁰⁷ ГАРФ. Ф. 672. Д. 341 (1826).

⁶⁰⁸ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 819–822 (1838–1853); письма наследника Николаю I частично написаны на русском и частично – на французском: Ф. 672. Д. 352 (1825–1828). Переписку Николая I с великой княгиней Александрой Иосифовной (супругой великого князя Константина Николаевича) на русском и французском языках см. в: ГАРФ. Ф. 672. Д. 353 (1847–1852).

димось использовать французский или русский язык в зависимости от того, к какой из двух сфер тяготел тот или иной случай письменной коммуникации, были более явно выражены при Николае I, чем при Александре I.

Однако дети Николая I переписывались друг с другом на французском⁶⁰⁹. Что касается его супруги, императрицы Александры Федоровны, дочери прусского короля Фридриха Вильгельма III, то она также зачастую вела переписку на французском, в том числе с членами царской семьи⁶¹⁰. При этом в дневнике, записных книжках и альбоме она писала на родном ей немецком языке (хотя в записных книжках порой использовала также французский и русский)⁶¹¹, на нем же она писала своим немецким родственникам⁶¹². О важной роли французского и немецкого языков в жизни семьи Николая I говорит даже такая скромная деталь, как выбор языка для написания стихотворений к дням рождения детей императора⁶¹³. Следует отметить и то, что учебная тетрадь с религиозными текстами, принадлежавшая дочери Николая I, великой княгине Марии Николаевне, была на немецком языке⁶¹⁴.

Довольно много интересных наблюдений можно сделать, анализируя языковой репертуар великой княгини Елены Павловны. Урожденная принцесса Фредерика Шарлотта Вюртембергская, Елена Павловна воспитывалась в Париже. Она занимала видное место в царской семье в царствование как Николая I, так и Александра II. Ее перу принадлежат заметки о восстании декабристов⁶¹⁵, о женском образовании⁶¹⁶ и о Французской революции 1789 года⁶¹⁷, написанные по-французски. Елена Павловна также вела дневник на французском⁶¹⁸ и написала набросок мемуаров на этом языке⁶¹⁹. По-французски она переписывалась со многими представителями разных поколений царской семьи, в том числе с великими князьями Константином Павловичем и Михаилом Павловичем, ее супругом, вышеупомянутой великой княгиней Марией Павловной, великим князем Константином Николаевичем и великой княгиней Ольгой Николаевной⁶²⁰. Подавляющее большинство писем российских аристократов к Елене Павловне тоже написаны по-французски: например, от Апраксиных, Барятинских, Бибиковых, Блудовых, Бутурлиных, Васильчиковых, Воронцовых, Гагариных, Голицыных, Головкиных, Горчаковых, Демидовых, Долгоруких, Киселевых, Козловских, Куракиных, Ланских, Ливанов, Ловичей, Милютиных, Одоевских, Орловых, Паленов, Ростопчиных, Сумароковых, Толстых, Уваровых⁶²¹. Немецкий также встречается в переписке Елены Павловны, хотя и реже, чем французский, в частности в переписке с принцем Августом Вюртембергским и другими представителями Вюртембергского королевского дома, а также с великой герцогиней Софией Баденской⁶²². Елена Павловна выучила русский и много читала на этом языке, что доказывают

⁶⁰⁹ ГАРФ. Ф. 672. Д. 502, 503, 509; Ф. 678. Оп. 1. Д. 823а.

⁶¹⁰ См., напр., ГАРФ. Ф. 672. Д. 460–462. Впрочем, иногда в этих письмах встречается и русский язык.

⁶¹¹ См., напр., ГАРФ. Ф. 672. Д. 409, 410, 412–423, 426, 428, 431, 432, 572–574.

⁶¹² См., напр., Там же. Д. 434–441.

⁶¹³ Там же. Д. 486 (1832).

⁶¹⁴ Там же. Д. 489 (1860).

⁶¹⁵ Там же. Д. 20 (1825).

⁶¹⁶ Там же. Д. 21 (без даты). См. также записную книжку, написанную в основном по-французски: Там же. Д. 28 (1865).

⁶¹⁷ Там же. Д. 22 (без даты).

⁶¹⁸ Там же. Д. 23 (1838), 24 (1839), 25 (1849), 26 (1849–1850).

⁶¹⁹ Там же. Д. 27 (не ранее 1839).

⁶²⁰ Там же. Д. 652, 659, 661 и т. д. С императрицей Александрой Федоровной, которая была также немецкого происхождения, она вела переписку в основном на немецком, иногда переходя на французский. См.: Там же. Д. 645.

⁶²¹ См.: ГАРФ. Ф. 672. Д. 645. Мы не даем здесь подробных ссылок на эти источники, так как количество таких документов слишком велико.

⁶²² Там же. Д. 647–649.

многочисленные записи, посвященные государственным делам, и копии произведений князя М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и других авторов, сохранившиеся в ее личном архиве⁶²³.

Сын Николая I, будущий император Александр II, знал английский так же хорошо, как французский и немецкий, и даже изучал на нем некоторые предметы, например историю Великобритании⁶²⁴. Он также знал польский – не только потому, что российский император официально носил титул царя польского, но и потому, что польский вопрос имел большое значение для российской политики⁶²⁵. Александр II вел дневник по-русски⁶²⁶, но пользовался французским в переписке со многими членами семьи, например со своей немецкоязычной супругой императрицей Марией Александровной⁶²⁷ и тетками Анной Павловной (королевой Нидерландов, дочерью Павла I)⁶²⁸ и Еленой Павловной, о которой шла речь выше⁶²⁹. Однако некоторым членам семьи он писал по-русски, прежде всего наследнику престола⁶³⁰. Создается впечатление, что по-французски Александр II больше писал женщинам из своей семьи, нежели мужчинам.

Сын Александра II, будущий Александр III, в юности гораздо чаще имел дело с русским языком, чем его отец. Его учителя и наставники (среди которых особенно заметна фигура Константина Петровича Победоносцева, придерживавшегося ультраконсервативных взглядов) делали упор на то, что они определяли как национальное начало, способное отдалить наследника от вестернизированного двора⁶³¹. Именно поэтому Александр Александрович в юности активно изучал русский язык и русскую литературу⁶³² и, в отличие от отца, часто общался с другими великими князьями по-русски. Некоторые из придворных вспоминали, что он начал говорить по-русски при дворе еще до восшествия на престол, и его пример, конечно, повлиял на речь придворных⁶³³. Из иностранных языков он знал французский, немецкий и английский⁶³⁴. Скорее всего, большинство предметов он изучал на русском языке, кроме истории, которую учил на немецком⁶³⁵. Свои записные книжки Александр Александрович вел по большей части по-русски⁶³⁶. Письма к близким он предпочитал писать по-русски или по-французски, но с членами своей семьи довольно часто переписывался именно на русском, и они отвечали ему так же, что подтверждает его переписка с сыновьями (великими князьями Николаем Александровичем и Михаилом Александровичем), братом (великим князем Николаем Александровичем), двоюродными братьями (великими князьями Михаилом Михайловичем и Николаем Констан-

⁶²³ Там же. Д. 42, 44, 46, 47, 50, 51, 55, 56, 58 и т. д. Мы не можем с уверенностью утверждать, что Елена Павловна читала эти тексты, однако их присутствие в архиве по крайней мере указывает на ее интерес к ним. О многоязычии Елены Павловны см. также предпоследний раздел главы 5, посвященный вопросу о ее вовлеченности в государственные дела и общественную жизнь.

⁶²⁴ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 246 (1834).

⁶²⁵ См.: *Муравьев В. В., Девятков С. В., Зимин И. В.* (Ред.). Двор российских императоров. Энциклопедия жизни и быта: В 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 407–408.

⁶²⁶ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 268–290 (1826–1840).

⁶²⁷ Там же. Д. 711 (1867–1877), 781–795 (1851–1879).

⁶²⁸ Там же. Д. 742 (1838–1865).

⁶²⁹ Там же. Д. 761 (1834–1880).

⁶³⁰ См., напр.: Там же. Д. 700 (великому князю Александру Александровичу, 1878), 701 (матери, императрице Александре Федоровне, 1830–1857), 710 (великому князю Константину Николаевичу, 1862), 729, 731, 732 (письма разных лет от великого князя Александра Александровича к отцу, Александру II). См. также: Д. 771–774 (великий князь Константин Николаевич Александру II, 1835–1861), 805–808 (великий князь Михаил Николаевич Александру II, 1863–1880) и 816 (великий князь Николай Николаевич Александру II, 1855–1879).

⁶³¹ *Wortman. Scenarios of Power*. P. 253.

⁶³² ГАРФ. Ф. 677. Д. 198–207 (1855–1864).

⁶³³ Двор российских императоров. Т. 1. С. 413.

⁶³⁴ ГАРФ. Ф. 677. Д. 208–220 (1855–1864).

⁶³⁵ Там же. Д. 221–227 (1858–1862).

⁶³⁶ Там же. Д. 253–308 (разные годы).

тиновичем) и дядей (великим князем Михаилом Николаевичем)⁶³⁷. Интересно отметить, что в поколении Александра III мы обнаруживаем больше случаев переписки на русском языке с женскими членами семьи, чем в поколении его отца, Александра II⁶³⁸. Хотя французский язык нередко встречается в письмах аристократов к Александру III, многие из них писали ему по-русски, причиной чему, вероятно, была волна патриотизма, которая поднялась после убийства Александра II в 1881 году.

Сын Александра III, цесаревич Николай Александрович, как мы уже отмечали, вел переписку с отцом исключительно по-русски. Однако его ранние письма на русском языке, начиная с середины 1870-х годов, когда ему было 7–8 лет, пестрят такими грамматическими ошибками, по которым можно заключить, что либо русский не был его родным языком, либо интерференции французского были очень сильны⁶³⁹. Дневник он также вел по-русски, как до восшествия на престол⁶⁴⁰, так и после, хотя в нем наблюдаются вкрапления слов на других языках (в основном на французском и английском)⁶⁴¹. Переписка Николая II с другими членами царской семьи, как и в случае с его отцом Александром III, содержит много писем на русском, причем далеко не все они написаны мужчинами⁶⁴². От матери, императрицы Марии Федоровны, вдовы Александра III, Николай II получал письма как на французском, так и на русском⁶⁴³. Супруга Николая II, императрица Александра Федоровна, писала ему в основном по-английски, так как приходилась внучкой королеве Виктории, при дворе которой и была воспитана⁶⁴⁴. Удивительно то, что письма, которые Николай II получал от великой княгини Александры Георгиевны, супруги великого князя Павла Александровича, также были на английском⁶⁴⁵. (Александра Георгиевна была дочерью великой княгини Ольги Константиновны Романовой, королевы Греческой, и ее мужа, короля Греции Георга I.) Также английский язык возникает в письмах, которые посылала Николаю II великая княгиня Елена Владимировна, дочь великого князя Владимира Александровича и внучка Александра II, которая была замужем за сыном короля Греции Георга и Ольги Константиновны⁶⁴⁶. Кроме того, Николай II получал письма на английском от своего родственника принца Максимилиана Баденского⁶⁴⁷ и Виктории Баденской, королевы Швеции⁶⁴⁸, а также переписывался на этом языке с королем Румынии⁶⁴⁹. Таким образом, несмотря на то что Николай II часто переписывался на французском с коронованными особами, английский язык играл важную роль в его переписке с монархами и членами королевских семей, что, по всей видимости, отражало новые тенденции в воспитании членов высшего общества и изменения в расстановке сил в Европе на рубеже веков.

⁶³⁷ См. в порядке перечисления адресатов: ГАРФ. Ф. 677. Д. 900 (1884–1892); 919 (1876–1894) и 920 (1876–1894, 1894); 918 (1859–1865); 901 (1890–1891); 921 (1894); 902 (1865–1888).

⁶³⁸ См., напр., переписку с дочерью, великой княжной Ольгой Александровной (Там же. Д. 935 (1891, 1894)); с двоюродной сестрой Ольгой Константиновной, королевой Греческой (Там же. Д. 936 (1866–1894) и 937 (1882–1894)); и с великой княжной Ольгой Николаевной, теткой Александра III, королевой Вюртемберга (Там же. Д. 938 (1866–1892)).

⁶³⁹ Там же. Д. 919. Например, Николай Александрович, когда писал по-русски, часто забывал склонять существительные и использовал синтаксические кальки с французского. Однако начиная с 1890-х годов русский язык в его письмах можно назвать практически безупречным (Там же).

⁶⁴⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217–266 (1882–1918).

⁶⁴¹ См. его опубликованные дневники: Николай II. Дневники императора Николая II, 1894–1918 / Под ред. С. В. Мироненко. М., 2011. 2 т. См. также: <http://www.rus-sky.com/history/library/diaries/1894.htm>.

⁶⁴² См., напр., письма от великой княгини Милицы Николаевны, принцессы черногорской и супруги великого князя Петра Николаевича (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1300 (1914–1915)), и от его сестры Ольги Александровны (Там же. Д. 1316 (1890–1918)).

⁶⁴³ Там же. Д. 1294–1297 (1879–1917).

⁶⁴⁴ Там же. Д. 1147а–1150 (разные годы).

⁶⁴⁵ Там же. Д. 1145 (1883–1891).

⁶⁴⁶ Там же. Д. 1256 (1906–1913).

⁶⁴⁷ Там же. Д. 1161 (1886–1914).

⁶⁴⁸ Там же. Д. 1196 (1908).

⁶⁴⁹ См.: Там же. Д. 1123 (без даты). Можно привести и другие примеры царской переписки на английском языке.

Признаки изменений в языковых предпочтениях императорской семьи, в том числе появления в языковом арсенале семьи английского языка на рубеже веков, можно обнаружить также в переписке сестры Николая II, великой княгини Ольги Александровны⁶⁵⁰. Ее воспитывала гувернантка-англичанка, и, в отличие от предыдущих поколений Романовых, Ольга Александровна вела дневник по-английски, по крайней мере в детстве⁶⁵¹. Кроме того, она получала письма на английском языке от людей, не входивших в семейный круг⁶⁵², – например, от российских аристократов, таких как граф Юрий Александрович Олсуфьев и Софья Шереметева⁶⁵³, хотя некоторые аристократы писали ей по-русски⁶⁵⁴. Другие члены царской семьи в этот период также вели переписку на английском языке. Так, вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая родилась в Дании и была тесно связана с королевским домом Великобритании (ее сестра была супругой короля Эдуарда VII), писала своей дочери по-английски⁶⁵⁵. Сходным образом великая княгиня Ксения Александровна переписывалась с сестрой на английском языке⁶⁵⁶.

Анализ переписки, которую царская семья вела на протяжении XIX столетия, подтверждает впечатление, которое создается при чтении мемуарной литературы, что российский двор представлял собой многоязыковую среду. Французский был языком высшего общества, ассоциировался с царской семьей и потому имел большое значение в придворной жизни, однако в ней также широко использовались русский, немецкий и английский, роль которого увеличивалась. Наиболее четкая языковая граница пролегла между официальной и частной перепиской членов царской семьи: первая в основном велась на русском, а вторая – на французском. Однако с течением времени члены императорской семьи все чаще прибегали к русскому языку даже в личных письмах, особенно это заметно в переписке между мужчинами. Эта тенденция, несомненно, указывает на то, что статус русского языка в течение рассматриваемого периода повышался. Учитывая это – как и всевозможные свидетельства живого интереса многих членов царской семьи к разным аспектам русской национальной жизни⁶⁵⁷, – достаточно сложно утверждать, вопреки мнению некоторых представителей националистической и радикальной традиций русской мысли, что русский двор был чужеродным институтом, перенесенным на русскую почву. Если говорить о различиях в языковых предпочтениях мужчин и женщин в царской семье, то они не оставались неизменными, и в целом нельзя сказать, что женщины владели русским языком хуже, чем мужчины.

Следует прокомментировать еще один момент, связанный с тем, как осуществлялся выбор в пользу того или иного языка в среде придворных и представителей царской семьи. На противоположном конце спектра, отделяющего личную сферу, представленную частными письмами и дневниками, от публичной сферы, в которой царская семья демонстрировала исключительность своей власти, мы обнаруживаем многочисленные документы, касающиеся торжественных мероприятий царской семьи. В этих документах французский также играет видную роль – это отчасти объясняется тем, что использование этого языка позволяло царской семье формировать необходимое представление о себе за границами России, но также и тем, что в своем государстве царской семье было важно показать связь с этим престижным языком. Так, уже в XVIII веке на французском составляли отчеты о коронациях российских монархов, хотя варианты описания коронации императрицы Елизаветы Петровны, выпущен-

---

⁶⁵⁰ См., напр., письма Николая II к ней в: ГАРФ. Ф. 643. Д. 45 (1891–1917).

⁶⁵¹ Там же. Д. 2–19 (дневники охватывают период с 1894 по 1904 год).

⁶⁵² Там же. Д. 61, 63–70, 72–74, 79, 83, 91, 93, 99 и т. д.

⁶⁵³ Там же. Д. 101 (1893–1900) и 121 (1898–1900) соответственно.

⁶⁵⁴ Там же. Д. 119 (Ирина Шереметьева и Сергей Шереметьев, 1901–1903).

⁶⁵⁵ См., напр.: Там же. Д. 34 (1886–1905), 35 (1906–1914), 36 (1915).

⁶⁵⁶ Там же. Д. 38 (1886–1889), 39 (1900–1903), 40 (1909–1914) и т. д.

⁶⁵⁷ См. также предпоследний раздел главы 5, где говорится об использовании языка в официальной сфере.

ные Академией наук в 1745 году на разных языках, позволяют предположить, что французский был не единственным языком, который тогда считался подходящим для описания подобных событий⁶⁵⁸. Однако в XIX веке такие описания всегда делались как на французском, так и на русском языке и сопровождались другими публикациями, многие из которых также были на французском⁶⁵⁹. В качестве примера можно привести описания торжеств по поводу коронации Александра I, прибытия Николая I в Москву для коронации и описание самой церемонии, описание коронаций Александра II и Александра III и так далее. Подобные документы составлялись также для описания похорон супруги Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны, в 1826 году⁶⁶⁰ и свадебной церемонии будущего Александра II в 1841 году⁶⁶¹.

Не только коронации, похороны и свадьбы освещались так широко. Зрелища, сопровождавшие эти и другие события, также удостоивались отдельных описаний. Особенно заметными среди них были фейерверки, ставшие популярными в середине XVIII века, как раз в то время, когда при дворе Елизаветы Петровны формировалось представление о том, как двору следует себя позиционировать. Не случайно в 1755 году к российскому двору был приглашен один из ведущих европейских мастеров-пиротехников Джузеппе Санти. Эти удивительные зрелища по яркости не уступали придворному театру и демонстрировали царскую власть *urbi et orbi*. Отчеты о них переводились на немецкий и французский (и публиковались в двуязычных вариантах: русско-немецком и русско-французском), как, например, это было сделано в 1759 году⁶⁶², и отправлялись к европейским дворам. Эти празднества и их описания должны были привлечь внимание к достижениям российских монархов, например к тем, которые были продемонстрированы во время Семилетней войны, и указать на слабости врагов России. Петр Иванович Шувалов особенно настаивал на том, чтобы описания были переведены на немецкий и французский, хотя Академия наук, которая их готовила, в то время не всегда имела возможность сделать перевод на французский, так как иногда не располагала опытными переводчиками со знанием этого языка⁶⁶³. Во времена Николая I у российских властей уже, конечно, не было трудностей с переводом на французский язык описаний фейерверков, например тех, которыми завершились торжества по поводу коронации императора⁶⁶⁴. Даже меню на торжественных банкетах могло служить целям пропаганды. Оформленные знаменитыми художниками меню на французском языке демонстрировали утонченность и богатство двора. В качестве примера можно привести меню для банкета, который состоялся 24 мая 1883 года

⁶⁵⁸ Было сделано 1500 копий описания этого события на русском языке, 300 копий – на немецком и 200 – на латинском, но ни одной на французском. Однако существуют указания на то, что французский вариант также готовился. См.: *Buck C. The Russian Language Question in the Imperial Academy of Sciences, 1724–1770* // Picchio R., Goldblatt H. (Eds). *Aspects of the Slavic Language Question*. New Haven, 1984. P. 187–233, здесь p. 198; и *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории Императорской Академии наук: В 10 т. СПб., 1889. Т. 6. С. 548.

⁶⁵⁹ См., напр.: *Platon*. Discours adressé à l'Empereur Alexandre I-er le 15. Sept. 1801 <...> (1801); P***, Les Manes de Pierre le Grand au couronnement d'Alexandre <...> (1801); Couronnement de S. M. l'Empereur Nicolas I-er (1826); Programme du cérémonial confirmé par S. M. l'Empereur Nicolas I, pour son entrée solennelle <...> (1826); Programme du feu d'artifice <...> (1826); *Ancelot*. Ode sur le couronnement de l'Empereur Nicolas I (1826); Description du sacre et du couronnement de Leurs Majestés Impériales <...> (1856); *Murat*. Le couronnement de l'Empereur Alexandre II (1857); *Marque*. Le couronnement du Tzar Alexandre III (1883); Description du sacre et du couronnement de L. M. I. l'Empereur Alexandre III <...> (1887).

⁶⁶⁰ Programme du cérémonial confirmé par Sa Majesté l'Empereur pour la réception du corps de feu Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth Alexeiewna et pour son inhumation. St-Petersbourg, 1826.

⁶⁶¹ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 5 (1841).

⁶⁶² Французское название – Description des représentations allégoriques du feu d'artifice tiré devant le Palais d'Hiver en l'honneur de Sa Majesté Impériale Elisabeth Petrowna souveraine de toutes les Russies etc. et pour témoignage de la sincérité et de la vivacité des vœux de toutes l'Empire à l'occasion du Nouvel An 1759. St-Petersbourg, 1759.

⁶⁶³ *Костин А. А.* Стихотворные надписи в описании фейерверков 1758 и 1759 годов (опыт атрибуции Ломоносову) // Чтения отдела русской литературы XVIII века. № 7. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. М.; СПб., 2013. С. 61–82. Мы благодарны А. А. Костину за советы, касающиеся этой темы.

⁶⁶⁴ Programme du feu d'artifice, pour la clôture des fêtes données à Moscou à l'occasion du couronnement de Leurs Majestés Impériales. S. London, 1826.

по случаю коронации Александра III (ил. 6). На другом ужине, устроенном тремя днями позже в Большом Кремлевском дворце, подавались блюда русской кухни и меню было составлено на русском языке, что, возможно, свидетельствует о росте патриотических настроений в правительственных кругах в конце XIX века⁶⁶⁵.

---

⁶⁶⁵ Меню для этих двух банкетов хранятся в Российской национальной библиотеке (РНБ. Отдел картографии, собр. Ильина. В. М. Васнецов. Ужин 24 марта 1883 г.). Националистические настроения в эпоху Александра III нашли отражение в подчеркнуто национальном архитектурном стиле храма Спаса на Крови, возведенного в Санкт-Петербурге на том месте, где террористы-народовольцы 1 марта 1881 года смертельно ранили отца императора, Александра II.

DINER

DU 24 MAI 1883.

Potage crème de gélinottes
 Consommé aux laitues
 Bouchées à la Reine et Rissoles
 Truites de Gatchina sauce Sicilienne
 Noix de jambon aux épinards
 Pâté de godiveau à la Périgueux
 Chaud-froid Diplomate
 Punch à la Romaine
 Poulardes et canards sauvages
 Salade
 Petits pois et choux fleurs, sauce Hollandaise
 Gâteau Napolitain aux fraises
 Parfait au café et glaces
 Dessert

24 Mai 1883

1883. 24 MAI 1883. 1883.

Ил. 6. Напечатанное меню для ужина по случаю коронации Александра III (1883), украшенное рисунком Виктора Михайловича Васнецова. Воспроизводится с разрешения Российской национальной библиотеки.

* * *

В эпоху правления Петра Великого русские открыли для себя не только новые образовательные возможности, о которых шла речь в предыдущей главе, но и новую модель общения. Эта модель была преимущественно французской по происхождению. На первых порах внедрение новых форм общения, очевидно, не сопровождалось распространением французского языка. Однако, по всей видимости, не случайно уже в петровскую эпоху именно среди тех, кто по приказу царя старался приобщиться к новым формам социальности, возникло желание овладеть французским.

Французский язык стал важной частью придворной культуры во времена правления дочери Петра Великого, Елизаветы Петровны, и появление французской труппы при русском дворе в то время было призвано подчеркнуть «цивилизованный», европейский характер двора. Как показал А. Г. Евстратов, при Екатерине II французский театр представлял собой одну из важнейших площадок, на которой было возможно продемонстрировать величие и могущество монарха. Французский язык при дворе во второй половине XVIII века был не просто элементом антуража, но и неотъемлемым элементом придворной жизни. Он служил и языком социального взаимодействия с высокородными иностранцами, и средством коммуникации между членами царской семьи, что подтверждает пример Екатерины II и ее сына Павла Петровича. С этого момента в общественном сознании французский был тесно связан с двором, эту связь подкрепляли театральные постановки в честь членов царской семьи и многочисленные посвящения им произведений. Эта функция французского языка нашла яркое отражение в описаниях торжеств и церемоний, связанных с важными событиями из жизни Романовых.

В XIX веке французский язык стал, насколько можно судить, основным средством общения внутри многонациональной и разветвленной семьи Романовых. Однако теперь он в меньшей степени выступал как *lingua franca* и в большей – как королевский и светский язык. Несмотря на то что многие из Романовых также отлично владели немецким, для общения друг с другом и с теми, кто был к ним близок, они выбирали французский. Следовательно, выбор этого языка не был просто прагматическим решением в семье, у представителей которой были разные родные языки. Его скорее следует понимать как знак идентичности и как средство, позволявшее Романовым представлять себя самим себе и обществу как членов европейской монаршей семьи и представителей открытой, не замкнутой в национальных рамках элиты Российской империи. Возможно, выбор в пользу данного языка служил также показателем политического и культурного превосходства российского самодержца, представителя монархической традиции, которая, как считает Р. Уортман, с XV до конца XIX века укреплялась благодаря соотнесению с иностранными образами политической власти. Только во второй половине XIX столетия французский как язык интимного общения царской семьи начал несколько уступать место русскому, приобретавшему все большее значение, и английскому. Несмотря на важную роль, которую иностранные языки играли в придворной жизни России, не стоит недооценивать значение для нее русского языка. Он никогда не исчезал из языкового ландшафта, оставаясь средством общения многих членов семьи, особенно мужчин, для которых он был способом самоидентификации с Россией. И, главное, русский всегда выступал в роли основного бюрократического языка, а все Романовы занимались государственными делами.

В одной из последующих глав мы рассмотрим функции французского и русского языков в официальной сфере, и проанализируем, как монархи, обращаясь к этой сфере, использовали

тот или иной язык⁶⁶⁶. Однако перед этим рассмотрим использование французского в дворянском обществе, вернее в среде той высшей аристократии, представители которой без понуждения со стороны властей брали на вооружение формы общения, установившиеся при дворе.

---

⁶⁶⁶ См. главу 5.

Глава 4. Французский в высшем обществе

Культурные и языковые практики русского двора стали примером, которому высшее российское дворянство последовало с энтузиазмом и без принуждения. Оказывать давление монархии приходилось скорее на низшие слои дворянства, чтобы они также переняли западные культурные модели, а верхние слои активно осваивали навыки учтивости и утонченности, по собственному желанию изучали европейские языки и старались – насколько позволяло финансовое положение – нанимать детям иностранных учителей и гувернанток, покупать им книги на иностранных языках и отправлять их в путешествия за границу, чтобы они могли в совершенстве овладеть европейскими языками, в особенности французским, следуя тем же тенденциям, что и двор. Через чтение на французском языке дворяне углубляли полученные в детстве познания о западных культурах, что позволяло им быть в курсе европейских достижений в разных областях: от философии, беллетристики, политики, экономики и сельского хозяйства до светской жизни, моды и причесок⁶⁶⁷. Образование и чтение, несомненно, готовили дворян к карьере – особенно на высших должностях на гражданской службе, в том числе в дипломатии, и в армии, – и в целом помогали им стать достойными представителями империи. В то же время благодаря такому воспитанию у дворян (как у мужчин, так и у женщин) формировалась склонность к определенному типу общения, характерному исключительно для этого социального слоя.

В этой главе мы рассмотрим, как французский помогал дворянам играть их социальные роли. В данном случае мы имеем дело прежде всего не с отношением к языку, а с языковой практикой рассматриваемой эпохи – в той мере, в какой мы сейчас можем судить о ней. По этой причине мы будем в максимальной степени опираться на источники – в особенности на мемуары и документы из семейных архивов, содержащие фактический материал⁶⁶⁸. Однако, рассматривая французский в качестве маркера социальной идентичности дворян, мы оказываемся в области более субъективных оценок и должны принимать во внимание осознанные и, возможно, неосознанные искажения, которые могли найти отражение в источниках.

---

⁶⁶⁷ О влиянии французского в российских модных журналах см.: *Vassilieva-Codognet O. The French Language of Fashion in Early Nineteenth-Century Russia*// Offord, Ryazanova-Clarke, Rjéoutski, Argent (Eds). *French and Russian in Imperial Russia*. Vol. 2. P. 156–178. О французском языке и мире моды в России см. также: *Borderioux X. Instruction in Eighteenth-Century Coquetry: Learning about Fashion and Speaking its Language*// Ibid. Vol. 1. P. 193–208.

⁶⁶⁸ Мемуары в данном случае являются более надежным источником, чем художественная литература, не потому, что они менее субъективны, а потому, что писатель, как мы покажем в главе 9, может использовать языковые предпочтения как средство характеристики персонажа, примеры чего мы видим в классическом романе, повести и рассказе. См. также последний раздел введения, в котором идет речь об источниках.

Место французского в языковом репертуаре дворянства

Несмотря на то что французский занимал особое место среди иностранных языков, освоенных русскими, высшие слои дворянства послепетровского времени, как мы показали, можно охарактеризовать скорее как многоязычную, нежели как исключительно двуязычную группу, особенно если не понимать многоязычие и двуязычие в узком смысле, как равноценную компетенцию во всех языках, которыми владеет человек⁶⁶⁹. Свидетельства многоязычия обнаруживаются в дворянской переписке, дневниках, описаниях путешествий и других текстах⁶⁷⁰. Например, в дневнике графа Петра Александровича Валуева, занимавшего в царствование Александра II высокие министерские должности, нередко встречаются выражения на английском (*desultory conversation* [«бесцельный разговор»], *distinguished guests* [«высокие гости»], *cricket-match* [sic, «состязание в крикет»], *humbug* [«очковитительство»] и *meddling* [«вмешательство»]⁶⁷¹) и итальянском языках (*sotto voce* [«вполголоса»], *e tutti quanti* [«и им подобные»] и *in fiocchi* [«в [моем] парадном костюме»]⁶⁷²), не считая множества слов, выражений, а также фрагментов высказываний других людей на французском и иногда на немецком⁶⁷³. Конечно, далеко не все дворяне хотели, подобно жившим в середине XVIII века фельдмаршалу Петру Семеновичу Салтыкову и его жене, чтобы их дочери сочиняли письма идентичного содержания на русском, французском, итальянском и английском языках⁶⁷⁴. И, по всей вероятности, мало кто из высшего света мог сравниться с Александрой Долгорукой, молодой фрейлиной при дворе Александра II, которая, по свидетельствам современников, прекрасно говорила на пяти или шести языках⁶⁷⁵. Однако воспоминания как иностранцев, так и русских подтверждают впечатление, что это было общество, в высших слоях которого на протяжении долгого периода многоязычие было в порядке вещей. Марта Вильмот, которая гостила в имении Е. Р. Дашковой в начале 1800-х годов, говорила о том, что английский был шестым языком Дашковой⁶⁷⁶. М. Вильмот писала о том, что русское общество представляется ей «Вавилонским столпотворением <...> а русские, похоже, рождаются с даром бегло говорить на любом языке, потому что за столом довольно часто говорят на четырех или пяти языках»⁶⁷⁷. Примерно сорок лет спустя англичанка по имени Шарлотта, около трех лет проработавшая гувернанткой в аристократической семье, имение которой находилось в Орловской губернии, сходным образом замечала,

⁶⁶⁹ Более подробный анализ роли иностранных языков в России на протяжении «длинного» XVIII века см. в: *Argent et al. The Functions and Value of Foreign Languages in Eighteenth-Century Russia*, а также в других статьях, которые были опубликованы в данном номере журнала *The Russian Review*.

⁶⁷⁰ О такого рода текстах см. второй и третий разделы главы 6.

⁶⁷¹ Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел / Под ред. П. А. Зайончковского: В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 97, 210, 246; Т. 2. С. 375. См. также: Т. 1. С. 58, 69, 78, 95, 110, 205, 252.

⁶⁷² Там же. Т. 1. С. 207, 245, 70.

⁶⁷³ См., напр., там же. Т. 1. С. 290. Т. 2. С. 330. Валуеву также очень нравятся латинские выражения (например: [*p*] *rincipium finis* («начало конца»), [*s*] *ignum temporis* («знамение времени»), *in toto* («в целом»), *semper idem* («вечно одно и то же») и *conditio sine qua non* («непременное условие»)), некоторые из которых, возможно, были весьма распространены в речи образованной европейской элиты, и в особенности среди чиновников (Там же. Т. 1. С. 71, 112, 199, 215, 237. См. также: Т. 1. С. 58, 72, 73, 232; Т. 2. С. 268, 376).

⁶⁷⁴ *Lamarche Marrese. «The Poetics of Everyday Behavior» Revisited*. P. 723.

⁶⁷⁵ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник, 1853–1882 / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1928–1929. Т. 1. С. 92.

⁶⁷⁶ *Wilmot C., Wilmot M. The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot: being an Account by Two Irish Ladies of their Adventures as Guests of the Celebrated Princess Daschkaw, containing Vivid Descriptions of Contemporary Court Life and Society, and Lively Anecdotes of Many Interesting Historical Characters, 1803–1808*. London, 1934. P. 117. Существует русское сокращенное издание этих писем: Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987.

⁶⁷⁷ *Wilmot, Wilmot. The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot*. P. 26.

что «владение четырьмя языками – это ничто для одного человека здесь»⁶⁷⁸. Княгиня, у которой она жила, по наблюдениям Шарлотты,

очень ловко ведет беседу; свободно заговорит по-английски с одним, затем поднимется и сядет рядом с немцем, заговорит с той же легкостью на его языке, дальше – с русским (и у нее русский язык звучит мягко и плавно), в то же время обмениваясь словом с кем-то еще из гостей по-французски <...>⁶⁷⁹.

Способность бегло говорить на иностранных языках (которая, что следует подчеркнуть, не препятствовала свободному владению русским) была результатом образования, о котором мы говорили выше. Шарлотта вспоминает, что ее воспитанница «с легкостью изъясняется на четырех языках и немного знает итальянский; свободно использует в речи разные обороты и выражения». «Однако я заметила, – продолжает гувернантка, – что даже маленькие дети всегда говорят с человеком на его языке, если владеют им, и говорят куда лучше, чем можно было ожидать». Языки «перенимались от иностранцев, проживающих в этой стране, интуитивно, и требовалось лишь немного занятий, чтобы довести владение ими до абсолютного совершенства»⁶⁸⁰.

Несмотря на многоязычие русского дворянства, французский язык занимал особое положение как в устном, так и в письменном общении в светской и семейной жизни, и как язык общения с иностранцами⁶⁸¹. Мы ненадолго остановимся на том, в каких социальных контекстах французский язык широко использовался или подчас был обязательным для употребления, а также на том, какими коннотациями он наделялся в этих контекстах. Однако прежде чем рассматривать бытование французского в высшем обществе, мы кратко остановимся на интересных сведениях, которые приводит по этому вопросу в своих воспоминаниях Ф. Ф. Вигель, об обучении которого языкам мы говорили выше⁶⁸².

Воспоминания Вигеля относятся ко времени правления Александра I и Николая I. Он занимал различные государственные посты и имел большие связи в свете, литературных и правительственных кругах. Его пространные, откровенные и подчас язвительные записки являются крайне ценным источником, показывающим важность французского как языка общества в России в первой половине XIX века: они охватывают широкий временной пласт, затрагивают самые разные темы и содержат множество замечаний, касающихся языковой практики элиты. Для нашего исследования эти воспоминания особенно ценны из-за двойственного отношения мемуариста к феномену русской франкофонии, которую он рассматривает с разных позиций. Несмотря на то что Вигель гордился своим знанием французского, а его остроумие вызывало восторг у франкоязычного общества, он зачастую отзывался саркастично о членах этого общества, выставляя их в неприглядном свете.

Вигель часто писал о том, насколько хорошо представители высшего света владели языками, и утверждал, что это качество, в особенности владение французским, было важнейшим условием для вхождения в петербургский высший свет на заре александровской эпохи. Отличительными чертами русского аристократа, едко замечал он, были «манеры большого света,

---

⁶⁷⁸ Russian Chit Chat; or, Sketches of a Residence in Russia. By a Lady, edited by her sister. London, 1856. P. 12. Эта книга представляет собой довольно неумело составленное собрание писем, адресованных разным людям в Великобритании, дневниковых записей, заметок и приложения, включающих переведенные выдержки из русской художественной литературы и проповедей, однако она пользовалась большим интересом у британских читателей в течение нескольких лет после пребывания гувернантки в России в период Крымской войны. Семья, нанявшая ее, вероятно, принадлежала к роду Давыдовых, некоторые имена которых находились в Орловской губернии (хотя Давыдовы не имели княжеского титула).

⁶⁷⁹ Ibid. P. 33–34.

⁶⁸⁰ Ibid. P. 51, 178.

⁶⁸¹ Об использовании французского языка в определенных типах письменных текстов, а также в определенных типах устной коммуникации см. в главе 6.

⁶⁸² См. последний раздел главы 2.

совершенное знание французского языка, а во всем прочем большое невежество»⁶⁸³. Владение французским считалось признаком достойного человека, что сделало общество «доступным людям, коих не следовало бы в нем видеть: всякого рода иностранцам, аферистам, даже актерам [!]»⁶⁸⁴. Ярчайшим примером того, что высший свет мог одновременно быть привлекательным и заслуживающим осуждения, манящим и пустым, был прекрасно говоривший по-французски князь Федор Сергеевич Голицын, в семье которого некоторое время воспитывался и сам Вигель, писавший о князе так:

Получив столь же плохое воспитание, как и братья, он приобрел, однако же, в большом свете этот хороший тон, который человеку, одаренному умом, дает так много средств его выказывать, а неимущему скрывать его недостатки. Более всего помогает он обходить затруднительные вопросы, которые могли бы изобличить в невежестве: имея самые поверхностные познания, можно с ним прослыть едва ли не ученым. Во Франции, где родился он, прикрывались им пороки и даже злодейства, пока революция не истребила его, как бесполезный покров. Давно уже вывезли его к нам молодые, знатные наши путешественники, Шуваловы, Белосельские, Чернышевы, но более всего эмигранты распространили его в лучшем обществе. В нем образовался князь Федор Голицын; а как французский язык был исключительный орган хорошего тона, без которого и поныне он у нас не существует, то он выражался на нем так свободно и приятно, как я дотоле не слыхивал⁶⁸⁵.

Действительно, род Голицыных сыграл ведущую роль в формировании франкоязычной аристократической культуры, в которой происхождение и связи ценились выше, чем служба и положение в Табели о рангах. Эту культуру привезла в Россию прямиком из Сен-Жерменского предместья Парижа Наталья Петровна Голицына, знаменитая «усатая княгиня», которая считается прототипом старой графини, свидетельницы ушедшей эпохи, в пушкинской «Пиковой даме»⁶⁸⁶. Вигель говорил, что «сия знаменитая дама схватила священный огонь, угасающий во Франции, и возжгла его у нас на севере. Сотни светского и духовного звания эмигрантов способствовали ей распространить свет его в нашей столице».

Вигель описывал это явление в выражениях, согласующихся с понятием культурного капитала. Он замечал:

Составилась компания на акциях, куда вносимы были титулы, богатства, кредит при дворе, знание французского языка, а еще более незнание русского. Присвоив себе важные привилегии, компания сия назвалась высшим обществом и правила французской аристократии начала прилаживать к русским нравам столь же удачно, как в нынешних французских водевилях маркизы де-Сенваль и виконтессы де-Жюссак на нашей сцене перерождаются Авдотьями Дмитриевными и Марьями Семеновнами. Екатерина благоприятствовала сему обществу, видя в нем один из оплотов престола против вольнодумства, а Павел Первый даже покровительствовал ему, представляя себе, однако же, право немилосердно тузить его членов, чего французские короли себе позволять не могли⁶⁸⁷.

---

⁶⁸³ Вигель. Записки. Т. 1. С. 227.

⁶⁸⁴ Там же. С. 164.

⁶⁸⁵ Там же. С. 77–78.

⁶⁸⁶ О том, как Наталья Петровна прививала своим детям французский аристократический вкус и ценности, см. в последнем разделе главы 2.

⁶⁸⁷ Вигель. Записки. Т. 1. С. 90.

Таким образом, обращение к французскому было важным элементом строгого кодекса, регулировавшего поведение в социальной, бюрократической и культурной сферах, в каждой из которых у Вигеля были обширные связи, о чем свидетельствуют его многочисленные характеристики видных чиновников, общественных деятелей и писателей. Вместе с тем Вигель относился к этим мирам с предубеждением. По причине такой амбивалентности он представляется ярким примером той раздвоенной личности, которая была, как утверждал ряд современников, типичным порождением культурной вестернизации российской элиты. Безусловно, в его воспоминаниях наблюдается озабоченность определенными вопросами, тревожившими представителей российской элиты в конце XVIII – начале XIX века, когда им приходилось задумываться о чувстве принадлежности к их нации и социальному слою. Однако в случае Вигеля эти дилеммы могли объясняться положением аутсайдера, которое он занимал в некоторых сферах. Несмотря на тесную связь с аристократией, Вигель, большую часть детства воспитывавшийся бок о бок с детьми из таких знатных семей, как Голицыны и Салтыковы, испытывал явную неприязнь к этому сословию, вероятно чувствуя себя уязвленным тем, что в юности находился в зависимом положении. Словно исключая себя из круга аристократии, он говорил, что она «была довольно верной копией с французского подлинника: гордость свою прикрывала учтивостью и нестрогую нравственность – благопристойностью»⁶⁸⁸. При этом нельзя сказать, что Вигель испытывал большое уважение или проявлял интерес и симпатию к недворянским социальным слоям⁶⁸⁹. Он был далек от либеральных идей, не говоря уже о декабристских, несмотря на близость к свободомыслящим людям александровской и николаевской эпох⁶⁹⁰. Что касается национальности, то он явно ощущал себя русским, несмотря на иностранные корни (его отец был шведским эстонцем). Отчужденность, которую он испытывал, безусловно, усугублялась и другими личными причинами. Он не пользовался большой популярностью, отчасти потому, что современники считали его надменным человеком с трудным характером, отчасти из-за его гомосексуальности. Из мемуаров становится понятно, насколько он стыдился, что в юности был соблазнен французским гувернером семьи Голицыных, шевалье де Ролен-де-Бельвилем⁶⁹¹.

Воспоминания уже упомянутой нами Е. Ю. Хвоцинской, которые также по нескольким причинам имеют для нас ценность, показывают, что французский не сдавал своих позиций в петербургском высшем свете и после Крымской войны, хотя, как мы увидим⁶⁹², литературное сообщество и интеллигенция задолго до этого начали критиковать российское дворянство за использование французского в свете и дома⁶⁹³. Когда юная Хвоцинская в середине 1860-х годов приехала в столицу навестить свою бабушку Т. Б. Потемкину, та представила ее гостям так:

- C'est la fille de Юрка. [Это дочь Юрки.]
- On le voit bien par la ressemblance [Видно по сходству], – отвечали старушки, приветливо кивая мне головой.
- Et a-t-elle du talent comme son père? [Имеет ли она таланты своего отца?], – спросила одна из них.

---

⁶⁸⁸ Вигель. Записки. Т. 2. С. 5.

⁶⁸⁹ См. первую страницу введения, написанного Алленом Макконнеллом к репринтному изданию записок Ф. Ф. Вигеля (1974), Т. 1 (без пагинации).

⁶⁹⁰ Вигель. Записки. Т. 2. С. 269.

⁶⁹¹ Там же. Т. 1. С. 81–82, 134.

⁶⁹² См. главу 8.

⁶⁹³ Воспоминания Е. Ю. Хвоцинской, опубликованные в девяти выпусках журнала «Русская старина» в конце XIX века, подобно запискам Ф. Ф. Вигеля, охватывают большую часть николаевской эпохи и рассказывают историю Хвоцинской, которой в связи с изменением жизненных обстоятельств довелось испытать образ жизни различных дворянских слоев. (Ее отец, композитор и хормейстер Юрий Николаевич Голицын, растратил фамильное состояние.)

– Elle a une très belle voix et va la travailler ici; après le thé elle nous chantera.
[Она имеет очень хороший голос и приехала сюда, чтобы развить его; после чая она споеет нам.]⁶⁹⁴

Переходя с одного языка на другой для передачи речи на том языке, которым пользовался говорящий, Хвощинская подтверждает, что французский язык был по-прежнему в ходу в высшем столичном обществе, где часто бывали Потемкины⁶⁹⁵. Другие свидетельства сохранения в обществе 1860–1870-х годов привычки использовать французский можно найти в объемном дневнике П. А. Валуева⁶⁹⁶, не говоря уже о литературных свидетельствах, например в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»⁶⁹⁷. Выходившие в середине XIX века путеводители для иностранцев, намеревающихся посетить Санкт-Петербург, также подтверждают это: «Французский – язык света», – сообщал потенциальным туристам в 1865 году «Справочник для путешественников по России, Польше и Финляндии», изданный Джоном Мюрреем, однако в нем отмечалось, что в то время «почти везде понимают» также английский язык⁶⁹⁸.

---

⁶⁹⁴ Хвощинская Е. Ю. Воспоминания Елены Юрьевны Хвощинской // Русская старина. 1898. № 5. С. 415; см. также с. 420.

⁶⁹⁵ Другие примеры перехода с одного языка на другой см. во втором разделе главы 6, посвященном дворянской переписке.

⁶⁹⁶ См.: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. С. 71, 92. См. также третий раздел главы 6, где мы анализируем этот дневник как пример многоязычной эго-литературы, а также приводим другие примеры.

⁶⁹⁷ См. четвертый раздел главы 9.

⁶⁹⁸ Murray. Handbook for Travellers in Russia, Poland and Finland. London, 1865. P. 46, цит. по: Lieven. The Aristocracy. P. 138.

Французский в местах общения дворян

Теперь мы рассмотрим сферы, в которых французский широко использовался в качестве светского языка. Речь пойдет о появившихся в России в результате культурной вестернизации местах общения дворян. Они прекрасно известны читателям классической русской литературы, особенно художественной прозы, которая в большей степени, чем другие литературные формы, претендует на реалистичное изображение общества⁶⁹⁹. Достаточно часто описания подобных мест встречаются в письмах, дневниках, альбомах и других документах, сохранившихся в семейных архивах, и в основном мы будем опираться именно на эти документальные источники.

Одним из таких мест общения был бал. Так, в конце 1860-х годов на балу графини Софьи Андреевны Толстой (жены поэта Алексея Константиновича Толстого) семнадцатилетняя Е. Ю. Хвоцинская впервые вышла в свет в Санкт-Петербурге, и хозяйка, взяв девушку под свое крыло, подбодрила ее: «C'est votre premier bal, il faut que vous vous y amusiez» («Это ваш первый бал, Вам нужно веселиться»)⁷⁰⁰

---

⁶⁹⁹ Об их изображении у И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого см. в главе 9. Другие примеры можно найти в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова и произведениях многих других классиков русской литературы.

⁷⁰⁰ *Хвоцинская*. Воспоминания Елены Юрьевны Хвоцинской // Русская старина. 1898. № 6. С. 642.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.